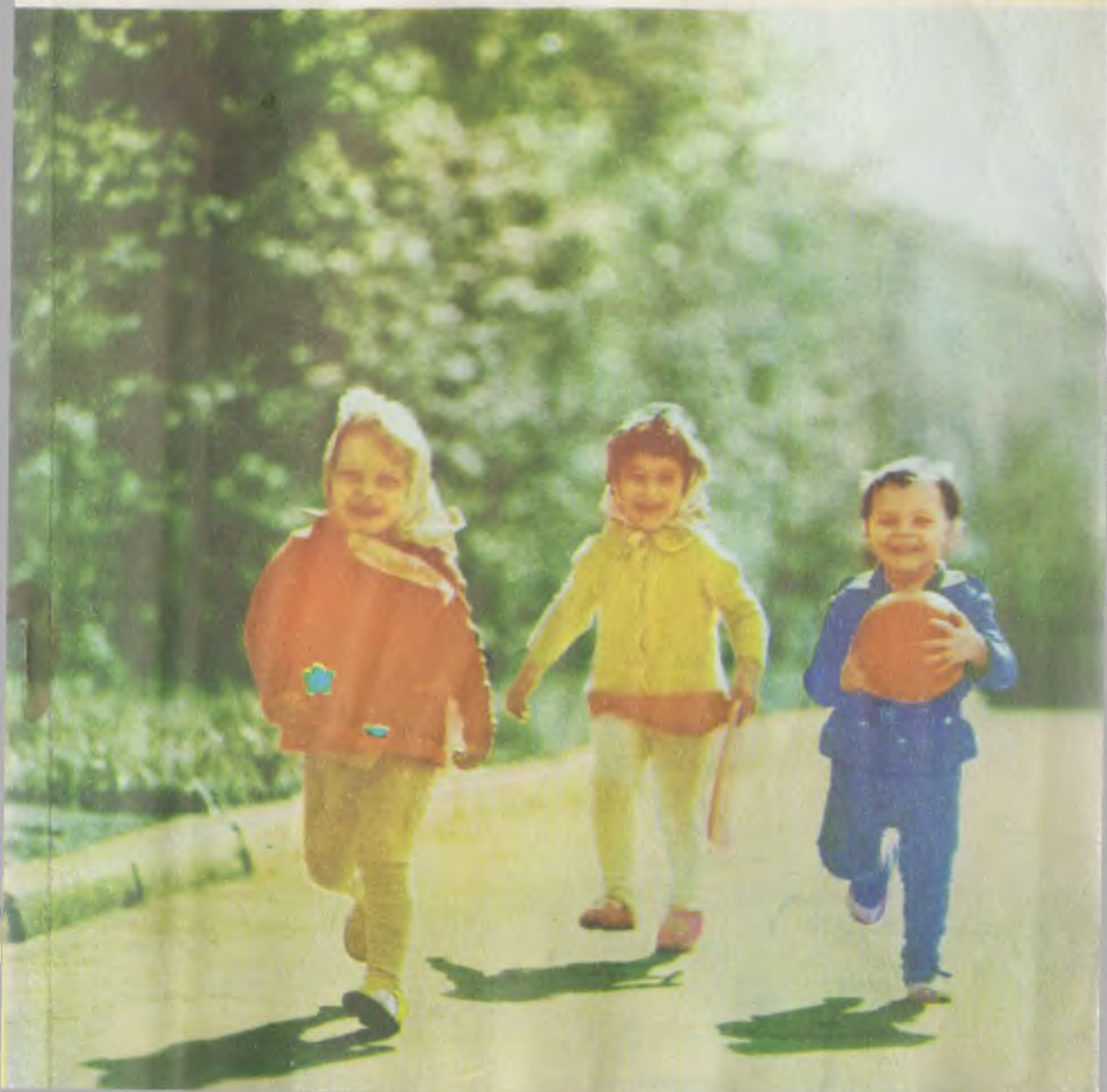

Р.с.
0158 № 3 • 1979

июль — сентябрь

ОГНИ
КУЗБАССА

Воспеваю то, что вечно ново.
И хотя совсем не гимн пою,
Но в душе родившееся слово
Обретает музыку свою...

Слово это — зов и заклинанье,
В этом слове — сущего душа.
Это искра первая сознания,
Первая улыбка малышка.

Слово это средь нас обманет,
В нем сокрыто
Жизни существо.
В нем — истоки жизни.
Ему конца нет.
Встаньте!
И прокричите его.
«МАМА!»

Г. И. ГАМЗАТОВ

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 31-й

№ 3(64)

В Н О М Е Р Е

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Геннадий Емелвянов, Владимир Колубакин. Железная держава 3

СТИХИ

Игорь Киселев. Музыкальная шкатулка. «Ветер стих. Померкли дали...» «Бродить по мху в брусничной сказке...» «Даль в огне...» «Пусть еще не холод...» «Лету еще не пора догорать...» «Ударит ветер, вдоль столетий вея...» «Над белой бумагой снова...» 25

Владимир Поташов. «Дорога через жито...» «Облака проплывали и я говорил: «Облака...» «По небу птичья клинопись...» «И приветливость во взгляде...» 72

Иосиф Куралов. Сирень. Влюбленный летчик. О любви 74

Игорь Гурьянов. Поэтические миниатюры 75

ПРОЗА

Людмила Филаткина. Мой дом — Земля. Рассказ. 62

Геннадий Естамонов. Дядя Ваня. Подарок. Кобчик. Рассказы. 28

Гарий Немченко. Показание для тебя одного...	35
Расская	45
Олег Павловский. Не поле перейти...	45

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Геннадий Юров. Леса спускаются в долину.	77
--	----

СЛОВО — КРИТИКЕ

Вера Пушкарёва. На своей земле	84
--------------------------------	----

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Евгений Красносельский. Берн, я еще принесу.	87
Пародия.	87
Людмила Яковлева. Коллективное смотрение в небо.	88
Пародия.	88

На 1-й стр. обложки: Счастливое детство. Фото В. Клюева.

На 2-й: Евгения Алексеевна Кукушкина из г. Осинники, мать-героиня, воспитавшая восемь сыновей и двух дочерей. Фото Г. Нефедова.

Редактор В. М. МАЗАЕВ

Редакционная коллегия: В. М. Баянов, Г. А. Емельянов, И. М. Киселев, В. Ф. Куропатов (отв. секретарь), В. В. Махалов, Э. А. Чигарева, Г. Е. Юров.

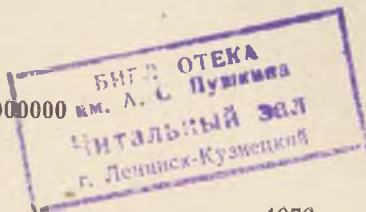
Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский пр., 40,
тел. 6-26-95, 6-85-14.

Рукописи не возвращаются

Ведущий редактор Т. И. Махалова, художественный редактор А. С. Ротовский, технический редактор Г. Н. Манохина, корректор В. А. Лузина.

Сдано в набор 10.V.1979 г. Подписано к печати 1.VIII.1979 г.
Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 3. Усл. печ. л. 6,44.
Уч.-изд. л. 7,87. Тираж 5000 экз. ОП00029. Заказ 7338.
Цена 45 коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово, Ногородская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово, Ногородская, 5.

О 70500—41
М 145(03)—79 30—79—4702000000

© Кемеровское книжное издательство, 1979

09
99492
✓

Геннадий Емельянов
Владимир Колубакин

ЖЕЛЕЗНАЯ ДЕРЖАВА

В июле нынешнего года Западно-Сибирскому ордена Ленина металлургическому заводу имени 50-летия Великого Октября исполнилось 15 лет. За этот сравнительно небольшой срок завод вышел в число передовых мощных предприятий страны и завоевал всесоюзную известность.

Запсиб отличен своими уникальными коксовыми батареями, агломерационными машинами, доменными печами, конверторами, прокатными станами. Характерной особенностью является и то, что все мощности металлургических агрегатов освоены досрочно.

Наш рассказ о современном металлургическом заводе, о славных делах коллектива, о том, как и за счет чего записовцы вышли на передний край технического прогресса.

1. ВТОРОЙ ЗА УРАЛОМ

Результаты труда запорожцев стали заметными на общем трудовом фронте. «Так же, как в годы первых пятилеток, — писала «Правда», — вся страна строила «Магнитогорскстрой» и «Кузнецкстрой»...

Л. И. БРЕЖНЕВ. «Возрождение»

Тридцать два года пролегло между двумя важнейшими событиями — пуском первой домы на Кузнецком комбинате и пуском первой домы на Запсибе. Но эти события тесно связаны между собой, это не случайные эпизоды в биографии города и Кузбасса: Запсиб был задуман давно, чуть ли не сразу после того, как Кузнецкий комбинат стал набирать силу. Но об этом — чуть позже. Сперва надо сделать небольшой экскурс в историю.

В 1771—1772 годах на Тельбесе существовала царская штольня (ее еще называли екатерининской). Руда отсюда

перевозилась по речной системе Кондома — Тельбес — Чумыш на Томский завод, кстати, не имеющий ничего общего с Томском. Завод находился в шестидесяти километрах на юго-восток от Кузнецка. Работали здесь ссыльнопоселенцы, участники пугачевского восстания. Возраст же металлургии в наших местах, согласно археологическим данным, насчитывает более 2000 лет. До сих пор геологи находят в Шории неподалеку от рек примитивные домины, на которых аборигены выплавляли отличное железо.

Кстати, на упомянутом уже Томском

заводе впервые в российской практике (1830 год) чугуны начали выплавлять на коксе вместо древесного угля, чуть позже эта практика была перенесена на Гурьевский завод. Вообще же освоение в промышленных масштабах железа и стали — это, по существу, история современной цивилизации. В наши дни «на балансе» всех стран и народов числится около семи миллиардов тонн железа, заключенного в разного рода сооружениях, станках и машинах, то есть более двух тонн на душу населения планеты. И гонка продолжается. Кто больше выплавит высококачественного железа, за тем и сила!

В газете «Правда» от 6 января 1937 года академик Иван Павлович Бардин в статье «Мечты инженера» писал: «Я представляю себе время, когда первое место в мире принадлежит сильнейшей металлургии Советского Союза. Уже давно далеко позади осталась Германия, теперь, наконец, позади и Америка. Советский Союз построил 40 новых доменных печей с годовой производительностью в один миллион тонн каждая. Успешные опыты советских инженеров привели к повсеместному использованию для доменного процесса кислородного дутья...»

Эти рубежи отечественной металлургии даже оптимисту И. П. Бардину казались далекими и непонятными. Что ж, ФРГ теперь позади, да и Америка по некоторым позициям начинает нам уступать. А домны? Их только в Кузбассе прибавилось с тех пор на четыре (пятая КМК и три запесибовских), все же в Союзе сейчас, когда пишутся эти строки, работают на полную мощь десятки домен, а их производительность превзошла намного даже самые дерзкие предположения инженеров и ученых старой школы.

Однако вернемся к металлургии Кузбасса. Далекая и феноменально богатая Сибирь давно привлекала инженеров и деловых людей, потому что на неосвоен-

ной земле было всего в достатке — и угля, и руды, и леса. Но ведь за морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Рабочая сила в Сибири, как впрочем и на Урале, была дешевой, но все выгоды производства поглощало расстояние и абсолютное бездорожье. Малоомощные артельного типа предприятия закрывались по причине нерентабельности. Известен случай, когда в конце прошлого века хозяин заводика в Абакане сбежал в неизвестном направлении, страдая позора и долгой ямы. Рабочие не растерялись и стали управлять заводом сами. Случай уникален. Но коммуна в Абакане просуществовала, конечно, недолго.

Итак, для освоения сибирской целины требовалось приложение сил на государственном уровне, требовался немалый и организованный капитал. У царской России руки были коротки и немощны: императорская фамилия, владеющая этими землями, стала передавать право на разработку природных ресурсов Кузбасса европейским толстосумам. Наиболее серьезная попытка создать металлургическую промышленность за Уральским хребтом была предпринята акционерным обществом Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз). Основными пайщиками нового общества были немецкие и французские промышленники. В 1912 году Копикуз получил в концессию большую часть Кузбасса. Первым делом планировалось строительство металлургического завода с расчетом на тельбесскую руду. В 1917 году для проектирования завода был приглашен в Сибирь талантливый доменщик-самоучка Михаил Константинович Курако, вслед за ним потянулись сюда и его лучшие ученики. В их числе был и Иван Павлович Бардин, которого Курако метил в начальники доменного производства.

Приобрести Горбуновскую площадку, где стоит сейчас КМК (ее выбрал профессор Сибирского технологического

института в Томске И. В. Гutowский), общество по разным причинам не смогло, тогда решено было перебазироваться в Горную Шорию, в Тушталеп, но и этим планам не дано было воплотиться — деньги иссякли, подготовительные работы замерли, потом и вовсе стало не до Кузнецка и не до Тельбеса — грянула Октябрьская революция.

Владимир Ильич Ленин сразу после революции обратил внимание ученых и хозяйственников на безотлагательную разработку недр Востока страны, ибо, как сказал еще великий Ломоносов, «Российское могущество прирастать будет Сибирью».

Мы упускаем здесь ряд документов молодого советского правительства исключительно ради краткости изложения, упомянем лишь о том, что в апреле 1918 года Высший Совет Народного Хозяйства объявил конкурс на «проект создания единой хозяйственной организации, охватывающей область горно-металлургической промышленности Урала и Кузнецкого каменноугольного бассейна».

Осенью 1927 года, наконец, начался набор рабочих, которым предстояло взяться за дело, а в октябре уже была создана в деревне Бессоново партийная ячейка строительства, и вскоре нарастающими и невиданными дотоле темпами закипела здесь жизнь, вполне сравнимая с жизнью военного бивуака перед дальним и трудным походом. Инженеры тех времен смотрели на Гурьевский завод как на серьезное подспорье, как на ту самую «печку», от которой по русскому обычаю идут плясать.

Однако нельзя забывать, что мало-мощный Гурьевский завод существенно помог новостройке и выручал кузнечан в самых затруднительных случаях. А случаев таких было больше, чем предостаточно.

Да, но какая все-таки связь между КМК и Запсибом?

Самая прямая, самая кровная и самая непосредственная.

Обратимся теперь к воспоминаниям начальника «Кузнецкстроя» Сергея Мироновича Франкфурта.

Это было зимой 1931 года.

В кабинете Франкфурта заканчивалось совещание с горняками и геологами. Речь шла в первую очередь о перспективах развития рудной базы нового металлургического предприятия, которого еще не было в списке действующих, — до первого чугуна первой в Сибири мощной и современной домны оставалось еще полгода, хлопот было выше головы, строительство шло полным ходом, и ночью площадка была усыпана огнями — то горели костры, возле них грелись и кипятили чай.

Иван Павлович Бардин в тот памятный вечер мало сидел на месте, он вставал из-за стола, прижимался лицом к заиндевелому окну, стараясь угадать, что делается на площадке, и думал вслух. Думал он примерно так:

— Всяк знает: металлургические заводы рационально и экономически выгодно строить ближе к углю, чем к руде. А у нас ведь и руда есть. Уголь, прекрасный уголь, это уж само собой. И все остальное, как говорят, в наличии: известняки, кварциты, доломиты, огнеупорные глины... Наш район самой природой создан для металлургических предприятий, прав я или не прав, товарищи?

Главный инженер был конечно же прав, и присутствующие тогда в кабинете замотанные «спецы» и не менее замотанные хозяйственники с надеждой и дружно посмотрели на Франкфурта: как, мол, Сергей Миронович, полагаете на этот счет, за вами последнее слово? Начальник строительства сухо сказал:

— Прикинем, потом, может быть, и войдем с предложением, туда, — и показал пальцем на потолок.

Сергей Миронович еще в 1920 году,

тоже зимой, встречался с Владимиром Ильичем Лениным. Владимир Ильич расспрашивал «человека из Сибири» жадно, кое-что записывал для себя. Вместе они славно попутешествовали по карте. Напоследок Владимир Ильич сказал такие слова:

— Сибирь, товарищ Франкфурт, должна стать и станет промышленным краем. И аграрным — само собой.

Позже начальник «Кузнецкстроя» в своей книге «Рождение стали и человека» вспоминает, как после пуска доменной КМК он был вызван для доклада в столицу. Вез он деловые бумаги и кусок первого чугуна — самый дорогой подарок. У этого чугуна была интереснейшая, славная биография, он был как бы метрикой гиганта сибирской металлургии, сыгравшего поистине неоценимую роль для государства в годы первых пятилеток и особенно — в годы Великой Отечественной войны.

Встреча состоялась на самом высоком уровне. Начальника «Кузнецкстроя» слушали И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов. Слушали со вниманием и заинтересованно. Здесь-то Сергей Миронович впервые заговорил о строительстве нового завода. Речь его была аргументированна и доказательна:

— Нам ничего не надо будет брать со стороны, не надо будет загружать магистралей. Уголь, руда, нерудные ископаемые — все это есть у нас! Второй Кузнецкий завод будет иметь готовую строительную базу.

Франкфурта горячо и безоговорочно поддержал нарком тяжелой индустрии Серго Орджоникидзе, кузнецкстроевец возвращался из Москвы с новым заданием: подготовить материалы и инженерные соображения по строительству нового завода рядом с Кузнецким. Сразу было обращено пристальное внимание на Антоновскую площадку близ КМК. В июле 1932 года сюда пришла геологическая партия под руководством

П. М. Большакова и пробурила первую скважину у озера Криного. От деревни Антоново партии Большакова двигалась на восток и закончила свои изыскания у Костина болота. Данные были систематизированы в специальном отчете.

Экономические расчеты, сделанные плановиками Кузнецкого комбината, заключение геологоразведочной партии позволили с полным основанием Сергею Мироновичу Франкфурту уже в сентябре 1932 года на Пленуме ЦК партии внести предложение о строительстве в Кузбассе еще одного завода с полным металлургическим циклом.

1 августа 1933 года в наш город приехал Серго Орджоникидзе. Вместе со здешним руководством нарком осмотрел Антоновскую площадку и на другой день, выступая перед партийно-хозяйственным активом, сказал:

— Строители являются великими героями Советского Союза, во втором пятилетии на этих строителей ложится задача вдвойне большая. Вы кончите этот Кузнецкий завод... и начнете строить еще больший завод рядом, здесь же» (Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 2, с. 496.)

Первый колышек вбить на Антоновской площадке намечалось ориентировочно в 1934 году. Замелькали сообщения в центральной печати о новом металлургическом гиганте на Востоке страны. В январе 1934 года на XVII съезде партии по предложению сибирской делегации было признано целесообразным включить в план пятилетки сооружение еще одного завода на Кузнецкой земле — вагоностроительного.

Второму КМК было отведено шесть квадратных километров в том месте, где прошла геологоразведочная партия П. М. Большакова, рядом было запроектировано химическое предприятие, ближе к городу проектировщики вчерне заложили заводы: автосцепок, тормоз-

ной, насосно-компрессорный, паровозо- и вагоностроительный. По расчетам планировщиков, общая численность рабочих всего комплекса на Антоновской и Островской площадках должна была достигнуть 16 тысяч человек.

Инженеры Кузнецкого комбината под общим руководством начальника проектного отдела Павла Дмитриевича Зайцева без устали и с понятным воодушевлением вычерчивали схемы промышленных корпусов и жилых районов.

В первую очередь планировалось построить три доменных печи по 1300 кубических метров объемом каждая, две коксовые батареи, мартеновский, прокатный, бондажный, трубный и листопрокатный цехи, создать, как и предполагается, ремонтную и энергетическую базы, без которых немислимо любое производство.

Предусматривалось, конечно, и строительство поселка. Жить здесь должны были, по расчетам, около шестнадцати тысяч человек. Проектировщики, примериваясь ко времени и обстоятельствам, не мудрствовали лукаво. Дома планировались деревянными, трехэтажные и барачного типа, рассчитанные в основном на общежития для молодых рабочих. Предполагался клуб со стадионом, предполагался трамвай и мост через Томь.

Однако обстановка помешала воплощению больших замыслов: по ряду причин международного и внутреннего порядка в 1935—1937 годах ассигнования на расширение тяжелой индустрии, в том числе и металлургии, были резко сокращены, и техническая документация по Антоновской площадке легла, пронумерованная, на архивные полки. Но жизнь требовала свое: новостройки неумолимо, повинувшись логике и обстоятельствам, продвигались все дальше на восток. Кузнецкий комбинат был перегружен заказами, работал он, можно сказать, выше всяких похвал, но не обеспечивал свой регион металлом нужного сортамента. В 1940 году правитель-

ство вновь принимает твердое решение начать закладку завода рядом с Кузнецким, и в сентябре к нам прибыла уполномоченная комиссия, возглавлял которую начальник технического отдела наркомата черной металлургии Николай Иванович Коробов. Специалисты из центра опять выбирали место, соображаясь с русской пословицей: семь раз отмерь, один — отрежь. Они побывали близ Мысков, в Атаманово и на Антоновской площадке. Предпочтение безусловно было отдано последней.

21 августа 1940 года был издан приказ за подписью заместителя комиссара черной металлургии СССР П. Коробкова «О строительстве второго металлургического завода в Сибири».

Итак, все началось сначала. Гипромез в Москве засучил, что называется, рукава и уже в декабре 1940 года подготовил записку, где особо подчеркивалась необходимость вложить крупные средства для развития рудной базы Сибири и разведки недр. Предложения проектировщиков были признаны целесообразными. В первоначальные наброски были внесены некоторые коррективы, но не в них суть. Война и эти, обновленные уже, документы снова положила в архив, Кузнецкий комбинат трудно работал на победу один: на правом берегу Томи не дымили трубы и не варилась сталь. И даже такое национальное бедствие, как война, не остановила мысль и желание, продиктованное опять необходимостью, пустить домны и мартены на Антоновской площадке. В феврале 1942 года заместитель министра черной металлургии Д. Я. Райзер созвал специалистов (министерство было эвакуировано в Свердловск), чтобы обсудить возможность немедленного строительства второго Кузнецкого завода, но обстановка сказала тогда свое веское «нет». «Младшему брату» КМК явно не везло.

Оставалось сибирякам ждать праздника на своей улице. И дождались.

1 июня 1951 года начальник технического отдела Кузнецкого комбината Георгий Ефимович Казарновский получил из Москвы телеграмму такого содержания:

«Телеграфируйте возможности использования Антоновской площадки прежних границах. Гипромет. Орлов».

Через три дня из Сталинска ушел ответ:

«Положение Антоновской площадки без изменения. Казарновский».

Несколько спустя на имя директора КМК Р. И. Белана пришло письмо за подписью заместителя министра черной металлургии А. С. Вишневого с настоятельной просьбой представить свои соображения и соображения областных общественных организаций о возобновлении проектирования второго Кузнецкого завода. Ответ городских партийных и советских властей был безусловно положительным. И — опять телеграмма из Москвы:

«Прошу срочно выслать Гипромет весь материал изысканий районе Антоновской площадки. Орлов».

Главному инженеру центрального Гипромета Ивану Владимировичу Орлову во второй раз надо было приступить с группой ведущих инженеров к сибирским делам, потому как последний довоенный проект уже не отвечал требованиям дня. Кстати, проекты стареют, пожалуй, быстрее людей. Любой сложный металлургический агрегат, будь то прокатный стан или домна, начинает «седеть» еще в процессе строительства и монтажа. Это естественно, потому что техническая мысль быстра и разворотлива, она бежит вперед без усталости и оглядки, меняется и мужает не по дням, а по часам, заводы же от первого бетона до первого дыма рождаются в немалых муках годами. Таковы современные обстоятельства.

Еще две даты.

28 июля 1952 года государственная комиссия подписала акт о строительстве Западно-Сибирского металлургического завода, в мае 1957 года на Антоновскую площадку пришли первые рабочие. С путей, образно выражаясь, были убраны тормозные колодки, и паровоз малым ходом двинул состав. Он не скоро еще наберет скорость, этот паровоз, но путь ему наконец то был открыт. Путь до станции назначения неблизок даже сейчас, когда пишутся эти строки.

Иные времена, другие песни.

Если КМК строила вся страна с наругой и немалыми жертвами, то Запсиб был лишь одной из сотен новых площадок. Рождение металлургического завода — событие нередкое, но в шестидесятые годы уже и не чрезвычайное.

Для сравнения — два штриха.

«Барак напоминал внутренность непросушенного мешка — был он узок, тесен, под ногами хлюпала водица. Ночами мучали клопы, от которых не было ни спасу, ни отбоя».

Так вспоминает про свое житье-бытье на «Кузнецкстрое» горновой Лукьян Викторович Селицкий.

«До пуска домны вырос огромный поселок, он стал новым районом Новокузнецка. Здесь было уже около 400 тысяч квадратных метров жилой площади со всеми атрибутами культбыта».

Так пишет про Запсиб и Антоновскую площадку Иван Михайлович Звездов, начальник Главкузбасстроя.

Были, конечно, первые колышки на пустыре, стояли палатки, но жили в тех палатках недолго — были они натянуты скорее для доброй романтики. Но ошибочно и неправильно утверждать, что все давалось легко и соответствовало планам и исходящим сверху бумагам. Первопроходцы хватили лиха, досталось на их долю всякого рода неурядиц, сбоев и нервотрепки. Но с самого начала четко прослеживалась стра-

тегическая линия: поселок — промбаза — завод. Строители называли промбазу и поселок тылом, откуда должно начаться и начнется основное наступление — к первому коксу, к чугуну, стали и прокату. Был у Запсиба еще один тыл — Кузнецкий металлургический комбинат, откуда Антоновская площадка брала квалифицированных рабочих и инженеров, специалистов высокой руки, потому-то, в частности, Запсибу удалось, как, пожалуй, никакому другому заводу-новостройке, так быстро, так чет-

ко и даже красиво выйти на плановые показатели и вскоре превзойти их.

Мы не имеем права забывать их — первых: добровольцев из города Горького, добровольцев-москвичей, демобилизованных солдат, ветеранов Кузнецкого комбината, мудрых наставников и старых большевиков, передавших эстафету легендарного «Кузнецкстроя» новому поколению.

Мы не имеем права забывать недалекое наше прошлое — ведь без прошлого нет настоящего.

2. БЕССЕМЕР В СИБИРИ

...Это было в субботу 28 декабря 1969 года. На первом конверторном комплексе состоялось очередное, но не будничное заседание государственной комиссии. Специалисты решали, можно ли дать «добро» на опробование и пуск конвертора. Инженеры с теплой фамильярностью называют еще агрегат просто горшком. Но «горшок» этот варит не кашу и требует к себе почтительного отношения, трезвого расчета и крепкой хватки, потому-то государственная комиссия дотошно взвешивала все «за» и «против». Строители доложили, что по техническим актам сдано более 2000 объектов. Представитель эксплуатации, тогдашний главный инженер завода П. П. Мишин, сказал:

— Для горячего опробования у нас есть все необходимое — есть кислород, жидкий чугун, скрап, изложницы... Что ж, пожалуй, можно и начинать.

На следующий день, в воскресенье, председатель государственной комиссии произнес, наконец, заветные слова:

— Приступить к плавке!

— Есть! — ответили ему. Ответили с хорошим настроением: ведь этого часа многие ждали годы, для других же этот заветный час был, может статься, одним из самых волнующих в жизни. Особо же, конечно, торжествовали стро-

ители, за плечами которых теперь оставалась напряженнейшая и сложнейшая работа. Строители уходили, чтобы начинать снова с первого колышка и с первого ковшика тяжелой сибирской земли где-нибудь на ветряном пустыре...

Итак, плавка!

На вахту встала смена под началом Аскольда Сапсая. Начальником первого цеха был тогда С. А. Донской.

Стронулась с места технологическая цепь: машинист тепловоза Герман Ивашков подал на площадку короба с металлоломом, машинист главного пульта управления Юрий Сапа наклонил конвертор, помощник машиниста Владимир Кирсанов занялся загрузкой скрапа. 15 тонн — таков был вес «порции». Мастер Василий Миргородских заказал жидкий чугун. Доменщики прикрепили к составу лозунг: «Желаем успеха в пуске конверторного!» Однако первый блин, известно, почти всегда печется комом: торжество несколько подпортил лютый мороз — обмерзли троллеи на кранах и миксеровые замешкались. Лишь через час машинист тепловоза Виктор Костылев привез чугун на заливку. На площадке сразу появился старший конверторщик Равис Нургаиев с подручными. Началась продувка. Обычно на эту операцию отводится 20—25 минут,

но тогда она продолжалась дольше обычного. Вынужденно, конечно. И кислород подавался малыми порциями. Наконец, взята проба для анализа. Лаборантка экспресс-лаборатории Людмила Долганова не задержала с ответом — она доложила:

— Углерод в норме.

Сотни людей вздохнули с великим облегчением. Есть сталь Запсиба! Она родилась 29 декабря в 23 часа и 21 минуту. На дворе была глухая ночь. С тонким подвывом каталась метелица, застрегивая сугробы. Пуск комплекса был событием нерядовым даже по теперешним нашим меркам. Нерядовым в масштабах страны. Во-первых, потому, что до декабря 1969 года Сибирь не имела конверторного производства, во-вторых же, отечественная металлургия не могла еще опираться на всеобъемлющий опыт в этой области. Конверторы начали интенсивно строить в Европе, Америке и особенно в Японии после второй мировой войны. Дата же рождения нового способа сталеварения «без огня» — май 1856 года. Вспоминая о том событии, автор великого в новейшей истории открытия англичанин Генри Бессемер писал: «Что все это значило, какой полной революцией по всем областям металлургического производства во всем мире это угрожало, все это я вполне понимал, когда недвижно глядел на этот раскаленный слиток». Упомянутый слиток Бессемер получил в цилиндре с футеровкой, в конверторе (от латинского «конвертере» — превращать), который продувался снизу воздухом.

Насколько мартены прочно занимали место в металлургии, говорит хотя бы тот факт, что в генеральном плане Запсиба, утвержденном в 1957 году, конверторы не предусматривались. А ведь проектировщики — не просто изобретательные и квалифицированные инженеры, они еще и стратеги металлургии, а стратегам положено глядеть далеко вперед. Прозорливее на этот раз оказа-

лись практики. И стоит отметить здесь принципиальность ныне покойного директора Запсиба Леонида Сергеевича Климасенко, который, будучи сам марتنовцем по специальности, настоял все-таки традиционные и тысячу раз проверенные мартены заменить конверторами. И сибиряки не дали промашки, теперь это ясно никому.

Мы уже говорили о том, что на Запсибе в двух цехах — пять конверторов: три емкостью по 160 тонн (в первом цехе) и два по 300 — во втором.

Первый цех — типовой, сделанный, что называется, под копирку, и имеет «двойников» в европейской части Союза, зато второй цех — уникален. Пока уникален. Это и понятно: наша тяжелая индустрия не стоит на месте, скоро появится, если уже не появилось, на металлургических предприятиях страны производство еще мощнее и еще совершеннее.

Строители пришли на площадку второго цеха в октябре 1971 года, покинули же ее в мае 1974-го. Работы продолжались 31 месяц, вместо 35,5 установленных планом. Было сдано 210 объектов собственно конверторного цеха, всего же их было сдано 510. В технической записке сказано: «Второй цех стоит на Костином болоте, в двадцати километрах к северо-востоку от Новокузнецка». Все здесь масштабно и удивляет даже тех, кто вроде бы уже и разучился удивляться. Возьмем хотя бы здание гиганта на Костином болоте. Длина — 300 метров, ширина его — 119,2 метра и высота в отдельных точках достигает до 83,25 метра. В такой «коробке» без особых хлопот, пожалуй, «спрячется» современный океанский лайнер. Конвертор без футеровки со всеми приспособлениями весит 1210 тонн, а футеровка, огнеупорный кирпич, которым выложена внутренность стальной «груши», тянет до 710 тонн. Совок для загрузки скрапа имеет емкость в 50 кубических метров, то есть полезную площадь современной трехкомнатной квартиры. Гру-

зов здесь за сутки перевозится столько же, сколько перевозится их в трех мартеновских цехах Магнитки, имеющих 35 печей. Не лишним будет упомянуть здесь, что второй конверторный цех имеет сложнейшую вычислительную технику, перед машинистом дистрибутора, к примеру, на экране зажигаются периодически зеленые цифры: электронный мозг подсказывает человеку, как варить заданную марку стали. Правда, машинист иногда и пренебрегает такими советами, но светлая железная голова пока не научилась обижаться, да и ошибается она по вине людей, дающих часто неправильную исходную информацию. Попутно заметим, что все рабочие в цехе имеют образование не ниже среднего — такова реальная необходимость: сложная техника диктует и образовательный ценз.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Это — справедливо, поскольку любое описание, любые факты — лишь слабое отражение той впечатляющей картины, которую можно увидеть и почувствовать лишь побыв в цехе.

Особенно, конечно, впечатляют сами конверторы, внутри которых, когда они, наклоняясь, принимают металлическую шихту или чугун, кажется, плещется солнце. Все кругом — циклопических размеров: и сами конверторы, и совок, падающий металлолом, и мостокран, цепляющий ковш с жидким чугуном, и «юбка» над конвертором, с помощью которой отсасываются восходящие газы... Людей мало, за плавкой следят лишь трое — сталевар и два подручных, а на голубиной высоте — машинист дистрибутора. Это он, по существу, управляет плавкой. Работа машиниста дистрибутора с виду совсем легкая — поворачивай ручки да нажимай кнопки. Вот и все. Остальное изящно и легко делают мощные механизмы, упрятанные где-то в недрах огромного цеха. Легкая, конечно,

работа, если есть опыт, техническая эрудиция, мгновенная реакция и способность за считанные секунды принимать решения. Ошибку здесь не поправить. И всякая, даже мелкая ошибка, обходится дорого. Так что на человеке за пультом лежит огромная ответственность. Кроме того, надо учитывать, что процесс непрерывный, круговорот длится восемь часов в заданном темпе и лишнего времени совсем нет.

Горячее опробование конвертора № 5 во втором цехе началось 29 апреля 1974 года. Плавка длилась 2 часа 17 минут. На конверторе № 4 металл был получен 8 мая.

Сталеплаватели Заненба отметили десятилетие трудового стажа. Срок, сами видите, небольшой, но достигнуто очень и очень много.

В конверторном производстве доминируют два показателя — время эксплуатации футеровки и время самой плавки. Счет ведется буквально по секундной стрелке. Надо учитывать, что цех — это огромный и живой организм и на конверторы работают многие так называемые вспомогательные службы. От четкой организации этих служб зависит все. Имеет коллектив высокую и современную культуру — будет успех, слаба культура — лавров не жди.

И опять обопремся на цифры, которые были у нас под руками. Первый конверторный цех Запсиба создан по типовому проекту. У него есть двойники в Европейской части Союза, цехи-ветераны. Так вот на Ново-Липецком заводе футеровка конверторов выдерживает 736—800 плавов, в Челябинске 540—663, в Енакиевке 515—616, в Кривом Роге 415—594, в Жданове 338—412, в Нижнем Тагиле 438—534 и так далее. На Запсибе футеровка выдерживает 958—1444 плавки, а рекорд — 2500. Устойчивый и, можно подчеркнуть, с самого начала самый высокий. Деталь немаловажная.

Возьмем второй цех, где варят сталь

большегрузные конверторы. И опять сравним, поскольку сравнение просто необходимо. На том же Ново-Липецком заводе футеровка держит 538—594, в Караганде 317—442, на Запсибе же 688—758. И опять плюс в пользу Запсиба.

Проведение плавки включает, как правило, 22—24 подготовительные операции, и, естественно, вся эта цепь составляет немало хлопот, вместе с тем в ней заложены и немалые резервы. И здесь записибовские сталеплавыльщики на высоте—они, прибегая к спортивной терминологии, на 5—7 минут быстрее «пробегают» марафонскую дистанцию по пересеченной местности, чем на других заводах страны. Они не отстают и от японцев, которые часто «диктуют моду», а Япония в силу ряда причин начала активно развивать конверторное производство намного раньше других.

А что стоит минута хотя бы для второго цеха? На этот вопрос без особых затруднений ответил нам старший мастер Владимир Афанасьевич Буймов:

— Восемь тонн стали.

Элементарная арифметика дальше расскажет нам с предельной ясностью, какую прибавку металла даст минута в смену, за сутки, за месяц и год... Мелочей, как видим, нет. Все важно в современной металлургии.

Итог — лишь сухой перечень фактов. Мы и опирались на факты, а они говорят: футеровка конверторов стоит на Запсибе дольше, чем на других заводах, и плавка идет быстрее. Отсюда сверхплановые показатели и рекорды производительности труда.

Может быть, это покажется странным, но записибовцы еще до пуска агрегатов заверяли, что досрочно освоят проектные мощности, больше того, превзойдут их. А ведь на производство, учтите, надо было принять более тысячи человек (штат небольшого завода), обучить их, «притереть» коллектив и так далее, и так далее. Записибовцы за-

явили сразу, что освоят проектную мощность полного производства за шесть месяцев вместо двенадцати, предусмотренных государственными нормативами. На заводском счете победителей социалистического соревнования в 1973 году, спустя пять лет после того как заработал первый конвертор, бригадир сталеваров, кавалер ордена Ленина Рахис Фаузиевич Пургаев смог торжественно сказать такие слова:

— За счет досрочного освоения проектной мощности конверторщики уже дали дополнительно 3,4 миллиона тонн стали.

Молодой завод сумел настоять на том, чтобы персонал эксплуатационников был набран задолго до пуска цеха. Отбор людей происходил самый строгий. Будущие сталеплавыльщики для начала развешивались по всей стране учиться. Кроме того, они у себя дома помогали строителям, и особенно монтажникам, собирать агрегаты и машины цеха и своими руками ощупали буквально каждый винтик, узел. Этот опыт, как выяснилось сразу же, был уникален и неоценим. Конечно, в горячий предпусковой период возникало немало конфликтов между строителями и будущими хозяевами цеха, но конфликты решались обычно в пользу эксплуатации, то есть в пользу общего и большого дела. Строители уходили, как им положено, после праздничных речей и грома оркестров, заводчане же оставались навсегда. Оставались работать, потому что они были придиричивы и строги.

Без интервалов, сразу же начались технические поиски. Известно: самый, казалось бы, проверенный способ в технике — не самый совершенный, путь же к идеальному решению бесконечен. Записибовцы, не обремененные еще традициями и неизбежным консерватизмом, имели свежий глаз и хорошую дерзость, присущую молодости, — ведь собралась в конверторном, за малым исключением, молодежь.

Поиски велись (и ведутся) сразу в нескольких направлениях.

Футеровка конверторной «груши» — проблема вечная. Каждая плавка съедает 1—1,5 миллиметра кладки. Кроме того, очень важен «рисунок» кладки, так же важен, как и, например, у доменщиков. Если доменщики папушывали на заре индустриальной эры рациональные пути в этом направлении с помощью исключительно опыта, то в руках современного металлурга есть научно обоснованные методы. Давно стало ясно, что лишь за счет утолщения футеровки много не выиграешь. Раскаленный металл должен иметь удобное ложе, и здесь — суть. Прогара не избежишь, но за счет продуманной кладки, просчитанной математически, век агрегата можно продлить. На Запсибе меняли и меняют конструкцию, абрис футеровки. Эксперименты дают выигрыш, измеряемый тоннами, деньгами и временем. И большая заслуга здесь товарищей А. В. Лакунцова, А. М. Ракульцева, Ю. А. Макакулина.

Нельзя забыть и о том, что качество огнеупорных материалов тоже играет не последнюю роль. И здесь записовцы сказали свое веское слово, они употребляют смолмагнезитовый кирпич, производство которого налажено и освоено на Антоновской площадке. Кирпич пропитывается специальным составом, найденным инженерами А. И. Вагановым, Г. П. Сухановым, В. И. Шапелем, Т. П. Бугрим.

Больше десятилетия назад в городе Жданове на заводе имени Ильича под общим руководством института ДонНИИЧермет начались работы по созданию установки циклонно-факельного торкретирования. Инженеры и ученые попытались решить весьма сложный вопрос — они задумали чинить кладку конверторов без их остановки, подавать с помощью машины на раскаленный кирпич специальную смесь, которая бы заравнивала раковины, выеда-

емые шлаком. Идея, что называется, висела в воздухе. Больше того, на Западе машины подобного рода уже действовали как на экспериментальном уровне, так и на промышленном. В технике, пожалуй, хорошая мысль — не самое главное. Черновая, суетливая и нервная повседневность по доводке озарения, запечатленного торопливой рукой на клочке бумаги, гарантирует настоящий успех. Не каждый способен выдержать такие нагрузки. В Жданове дело по разным причинам заглохло, зато в Сибири было доведено до логического конца: лаборатория механизации завода превратила замысел в металл. Творцами новой установки были А. В. Лакунцов, М. В. Малахов, В. П. Бартышев. Состав огнеупорной массы для торкретирования и технологию ее изготовления в цехе огнеупоров нашли А. И. Ваганов, И. А. Попов, Ю. А. Макакулин.

После каждой четвертой плавки в первом цехе конверторы «чинят» теперь с помощью новой установки. Она, установка, подает в раскаленное жерло конверторной груши под давлением огнеупорную массу, и за 5—6 минут ремонт закончен.

Мы видели машину, предназначенную для ремонта на ходу. Она отдаленно напоминает пылесос внушительных размеров — есть у нее гибкая бронированная труба, свернутая змеей, с железным наконечником, ходит машина по рельсам и службу несет исправно. Красотой она, правда, не отличается, но так ведь Запсиб — не машиностроительный завод. И самоделка есть самоделка. Лишь бы исправно несла свою службу. А этой задаче установка вроде бы отвечает.

Водил нас по первому цеху помощник начальника цеха Георгий Анатольевич Копылов, человек, похоже, очарованный всем, что крутится-вертится, гремит и дышит. Он мимоходом посетовал, что не успевают они в суете да в заботах доводить до ума хорошие задумки.

— Вон, — указал Георгий Анатольевич рукой, — ковш сушат. Долго сушат. А тут подсказали: чем сверху огонь жечь, лучше перевернуть ковш-то и снизу его прогревать. Дельно ведь. И как это до такой вроде малости никто раньше не дошел, удивительно!

Георгий Анатольевич с настоящим увлечением рассказывал нам о том, что они собираются сделать в самое ближайшее время — и по мелочам, и по крупному, потом свел нас с верхней площадки цеха вниз.

— Вот здесь все начиналось.

Раньше Г. А. Копылов обещал показать нам бесstopорную разливку стали. Вообще же разливка стали в изложницы — зубная боль металлургии во все времена. Существует такая последовательность: конвертор, ковш, изложница. Ковш — посуда большая, изложница — посуда мелкая. Со слитка, вынутого из изложницы, начинается прокат. И начинается он с блюминга — главного и самого мощного стана.

Расплавленный металл — не вода, он требует массу хлопот. Сложных хлопот. Раньше повсюду существовал так называемый stopорный способ разливки, он и теперь доживает свой век на многих заводах страны.

Что же такое stopор?

Это — металлический штырь с огнеупорной насадкой, который пронизывал всю толщу раскаленной стали и закрывал донное отверстие ковша. Разливщик поднимал и опускал stopор — открывал и закрывал отверстие почти вручную, с помощью устройства, напоминающего колодезный журавль. Операция, конечно, не из мудреных, но, повторяем, речь ведь идет не о воде, поэтому разливщик — профессия одна из самых тяжелых. Stopор выдерживал одну плавку. Немало стали выливалось мимо изложниц.

Георгий Анатольевич Копылов привел нас в маленькую мастерскую для того, чтобы показать, как в натуре вы-

глядит шибберный затвор. Он прост по конструкции, но весьма сложен в изготовлении — две корундовые овальные плиты высококачественных огнеупоров с отверстиями накладываются одна на другую, вернее, притираются одна к другой с великой точностью, роль смазки выполняет графитный порошок. Отверстия совмещаются или перекрываются с помощью гидравлики. Разливщик держит привод с кнопкой, и металл с большой точностью и ровной струей падает в изложницы. На разливочной площадке мы позже заметили женщину с тетрадью, в которую она что-то записывала. Спросили, чем человек занимается? Женщина, выяснилось, представляет ОТК и специально следит за качеством разливки.

Записовцы пороха не выдумали, их заслуга снова состоит в том, что они довели начатое до конца. До них многие начинали, но по разным причинам останавливались на полпути. В группу энтузиастов входил первый директор завода Леонид Сергеевич Климасенко. Это он появлялся в маленькой мастерской цеха порой в самое неурочное время, ночью и помогал рабочим добрым словом и советом. Он, рискуя многим, решительно запретил даже при острой нужде возвращаться к stopору, отрезав все пути назад. И теперь на Запсиб приезжают учиться те, кто еще работает по старинке. Проблема, часто по объективным причинам, правда, еще не решена окончательно, но одно ясно — новое прочно внедрено и будет день ото дня совершенствоваться.

Что дает шибберная разливка?

Применение этого способа позволяет с помощью окислителей доводить в разливочных ковшах сталь до заданного химсостава. Она, кроме того, экономит время, экономит средства (затвор выдерживает две и больше плавки), труд разливщика стал намного легче.

Записовцам, инженерам первого конверторного цеха, по праву приписывает-

ся заслуга в том, что они путем усовершенствования фурм повысили мощности на продувке металла кислородом и, значит, ускорили процесс плавки. По проекту предусматривалось, что конвертор будет получать 220 кубических метров кислорода, получает же он 350. Над этой проблемой вплотную работали специалисты А. М. Учитель, В. А. Бобров, В. Г. Завалин. Главный итог — выиграны времени.

Простая, в сущности, мысль — заменить речное грузозачное устройство для металлолома одним совком — родилась тоже на Антоновской площадке. Если при речном (малыми совками) на загрузку тратилось 7—8 минут, то теперь всего 1—2.

Мысль простая, но она приходит, уны, не каждому. Недаром американцы говорят: «Он плохой инженер, потому что не умеет придумывать простых вещей». На Записбе, как мы видим, хорошие инженеры — они придумывают простые вещи. А поиски всегда дают результат: уже за первый год работы конверторщики первого цеха выполнили план на 100,2 процента, и за счет досрочного освоения проектной мощности было выплавлено 414 400 тонн стали. Стоит еще подчеркнуть особо: ни копейки не было затрачено капитальных вложений для достижения этого внушительного успеха, только внутренними резервами располагал молодой коллектив, и резервы были приведены в действие.

Когда конверторщики второго цеха еще задолго до того, как были пущены агрегаты, во всеуслышанье заявили, что проектные мощности они освоят за 3 месяца (по нормам было — 9), то многие серьезные люди лишь пожимали плечами: сказать-то, дескать, можно все, что угодно, сделать — трудней. Сделать, наверно, вообще невозможно, потому что до сих пор никто в такие сроки не укладывался. Но напрасно пожимали плечами скептики: записбовцы называли рекордные сроки не ради красного словца и не ради дешевой славы — они опира-

лись, во-первых, на инженерный расчет, во-вторых, за их спиной к тому времени уже был и немалый опыт, «горячий стаж», если можно так выразиться. Сталилавиальщики не хотели стоять на месте, и новый шаг вперед надо считать логическим продолжением начатого и уже достигнутого. Не надо забывать, однако, что дорога была опять нетореной — ведь новый цех, второй, не имел аналогов и строился по уникальному проекту, что создавало, само собой, неповторимые сложности. Незадолго до пуска второго цеха репортер спросил у старшего мастера эксплуатации Василия Фомича Николаева:

— Если заправка, какую бригаду поставите работать?

— Ту, которая на смене. Они у нас все одинаковые.

Такой была кадровая политика новой администрации, самая, пожалуй, правильная политика. Народ подбирался скрупулезно, и выше всего ценились деловые качества. Незначительная часть инженеров и рабочих была приглашена с заводов Европейской части Союза, другие приказом директора были переведены из первого цеха во второй, остальных набрали, что называется, со стороны.

Записбовцы без промедления «брали быка за рога». Они, например, решили заменить фурмы Ждановского завода тяжелого машиностроения. Пока шли споры с машиностроителями (конструкция фурм была устаревшей), инженеры М. Кононенко и А. Тартаковский по заданию начальника цеха Ю. Н. Борисова готовили свой проект. Не станем вникать в подробности, не станем перечислять, сколько заседаний и летучек было посвящено конфликту с поставщиками, но в конце концов точка зрения записбовцев восторжествовала и фурмы, изготовленные на Антоновской площадке своими силами, простояли втрое больше ждановских. Кроме того, если на других заводах страны фурмы дают 350—

400 кубометров кислорода в минуту, то запсибовский дает 1200—1500 кубов. Остальное понятно: больше кислорода, быстрее выдается металл.

У нас по ряду причин получилось так, что сперва было пущено прокатное производство — мелкосортные станы, потом уж очередь дошла и до стали. Заготовки возили с других заводов и прокатывали на Запсибе. Такая расточительность вполне объяснима, если учесть, что товарного металла, арматуры, проволоки, уголка остро не хватало в ту пору гигантским стройкам Сибири и Дальнего Востока. С пуском же второго конверторного цеха вставала другая проблема: три доменных печи на Антоновской площадке даже при рекордной выработке не могли обеспечить сталеплавильщиков чугуном. И проблема в конце концов нашла разрешение: Кузнецкий комбинат на левом берегу Томи готов был помочь младшему своему брату. Но как и в какой посудине возить жидкий металл почти за двадцать пять километров? Из цеха в цех подвезти — это понятно, а вот через весь город... Союз огромен, велик и могуч. И такое, как выяснилось, нам по плечу. Были изготовлены (в Донбассе) вагоны-миксеры на специальных тележках (с высоты они очень напоминают ракеты), железнодорожники тоже не подкачали, и КМК отдает часть своего чугуна каждый день (2000—2500 тонн) Запсибу. Так будет до тех пор, пока на Антоновской площадке, наверно, не вступит в строй новая доменная печь. Может статься, так будет всегда... Так далеко вперед пока еще никто не заглядывает.

Во втором конверторном цехе нет миксерного отделения. Миксер, чтобы знали непосвященные, — огромная «бочка» с футеровкой, в которой хранится запас жидкого металла, необходимый для непрерывности производства. Миксер заменяет те самые специальные вагоны. В них возят чугун не только с Кузнец-

кого комбината, но и со своего доменного цеха.

Мы у всех спрашивали:

— Почему и как?

Мы спрашивали, почему конверторное производство Западно-Сибирского металлургического завода считается образцовым в своей области. Мы спрашивали, каким путем были заняты рубежи, которые не под силу многим другим. Ведь сегодня Запсиб выплавляет за сутки 21—22 тысячи тонн металла и занимает по его производству четвертое место в Союзе, хотя по количеству агрегатов многим и уступает. Подчеркнем особо: до проектной отметки второй конверторный цех вышел за три месяца, вместо девяти, то есть в три раза быстрее, чем предусмотрено нормами. И этот срок стал с легкой руки сибиряков теперь государственным для предприятий аналогичного направления. Недаром же в адрес Запсиба было получено письмо Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева. Глава партии и государства поздравлял сибиряков с достижением мирового масштаба, никак не меньше.

Так вот. На часть вопросов, заданных руководителям цехов и ведущим специалистам, мы уже ответили. Итог подвел главный сталеплавильщик завода Василий Фомич Николаев. Он невольно повторялся, но вместе с тем отметил ряд существенных моментов, которые другие лишь упоминали вскользь. Василий Фомич сказал, в частности, о ступенчатой продувке металла кислородом. Само слово «ступенчатая» многое объясняет. Кислород особенно интенсивно подается в начале плавки и в конце. Способ чисто запсибовский, он, помимо прочего, дает выигрыш во времени, экономит 2—4 минуты на плавке. А цену минуты во втором цехе мы уже знаем. Еще важный момент. На Запсибе конверторы после того, как их выкладывают внутри огнеупорными материа-

лами, обжигаются без дымососов. Не станем вдаваться в тонкости, но способ оценен как изобретение, его экономический эффект — 242 тысячи рублей в год за счет того, в основном, что иск конвертора удаляется примерно на 100 миллиметров. Авторы изобретения — В. Ф. Никольцов, А. П. Пресняков, Д. И. Колобаева.

Главный сталеплавильщик — должность по существу чисто инженерная. На этой должности положено в первую очередь думать о технической стратегии, видеть далеко и угадывать общую тенденцию развития цеха.

Каковы же перспективы у конверторщиков Запсиба?

Сейчас реконструируется первый цех, там ставятся агрегаты емкостью в 160 тонн. Современные наши темпы, как видим, диктуют: больше, быстрее. Как можно больше и как можно быстрее. Миновало со дня пуска цеха чуть больше восьми лет, а он уже реконструируется. Однако реконструкция требует капитальных затрат, и немалых.

Не каждый день бывает реконструкция. Но каждый день остается поиск. Главный сталеплавильщик так и ответил нам на вопрос: «А что же дальше?».

— Дальше — поиск. И нет ему конца.

Счастье — понятие многообразное. Но одна из граней настоящего счастья — это преодоление препятствий.

3. ПРОКАТ И ПРОКАТЧИКИ

Прокат венчает металлургический цикл, он — конец цепи. Современные металлургические предприятия громадных, и тем не менее основная часть рабочих и инженеров занята в обрабатывающей, машиностроительной промышленности. Вот цифры. В 1940 году, накануне Великой Отечественной войны, существовало такое соотношение: 4 процента рабочего класса страны давали металл и 26,9 процента его обрабатывали. В 1975 году опять же 4 процента давали металл и 40,6 его обрабатывали в станки и машины.

Металлургия, конечно, выдают и готовую продукцию. Сюда можно отнести, например, рельсы, арматуру, проволоку, трубы, лист, но все-таки основная часть «вала», выраженная в тоннах, — исходный материал, сырье.

Прокат с Запсиба направляется в 5000 адресов Союза, в 23 страны Европы, Азии и Африки. Перечислять адреса не станем. Наша задача — рассказать о прокатных цехах, начиная, как положено, с обжигного. С него, как правило, ведется и строительство технологической линии, однако на Антоновской

площадке сперва был смонтирован и запущен мелкосортный стан «250-2», и заготовка для него доставлялась из далекого далека. Нелогично? Да! Расточительно? Да! Но стройкам Сибири и Дальнего Востока остро не хватало арматуры, не хватало ее и Запсибу. Обстоятельства, как то часто случается, оказались выше и важнее здравого смысла. Горячее опробование мелкосортного стана началось 2 сентября 1965 года. Этот день принято считать началом, рождением проката на правом берегу Томи. Однако, чтобы не путаться, не следовать фактам слепо, приступим к изложению существа дела согласно технологии.

Нашим первым гидом был начальник ремонтной службы прокатных цехов Михаил Павлович Глушков.

На дворе кувыркалась несильная метелица, какие бывают в предзимье. Снег только лег на асфальт, хотя начался декабрь, и чуть слышно похрустывал под ногами. Михаил Павлович Глушков — гренадерской стати, и поспеть за ним не так-то просто. Мы по заводу любим ходить неспешно, чтобы побольше замечать да попристальней

приглядываться, а гиду нашему приглядываться вовсе ни к чему — он тут свой. Справа из-за могучих корпусов открылась площадка и на ней сооружение, довольно миниатюрное по здешним масштабам, и напоминало оно небольшой химический заводик. И труба есть, как положено. Из трубы сочил неприятный парок. Вдруг пар загустел, надулся шапкой и толчками ударил вверх.

— Блюмс на огневой зачистке, — сказал Михаил Павлович Глушков, кивнув в сторону трубы. — По выхлопам, если нечего делать, можно сосчитать, сколько штук прокатано.

— Что за установка?

— Очищает отходящие газы.

Сути мы из короткого этого разговора не уловили, но впереди у нас было все, мы надеялись, что потихоньку разберемся и в том, почему пар из трубы поднимается то вяло и редко, то густо и сердито.

У блюминга есть «прихожая» — стрипперное отделение, где «раздевают» часть слитков — освобождают от излохничей, снимают с них огнеупорную рубашку. Производят эту операцию, когда слиток уже достаточно остыл и, значит, в нем завершён сложнейший процесс кристаллизации. Но холодные слитки не годны для проката, поэтому огромный пролет занимают нагревательные колодцы. Сами колодцы — внизу, управляют же ими нагревательники с «галерки», со второго этажа. Но и отсюда, сверху, лишний раз в колодцы не заглянешь — в лицошибает нешуточный жар. Недаром же возле стула, на котором сидит нагревательщик, работают мощные вентиляторы. Нутро колодцев, когда они открыты, нежно-желтого цвета, и цвет этот живой — он дышит и вздрагивает, по раскаленной кладке пробегают голубые огоньки. В квадратных ячейках по одному стоят слитки — греются, набирают свои 1280—1300 градусов, чтобы из заготовки превратиться в товарный металл. Обслуживают колодцы кле-

щевые краны — они отправляют стальные слитки на прокат или же опускают их томиться. На наших глазах кран своими клещами, отдаленно напоминающими щипцы, захватил с платформы слиток, понес его к колодцу. Человека, управляющего механизмом, не видно (здесь вообще людей мало), и казалось, что кран действует по своему разумению и даже слегка сопит. Наконец все в порядке, крышка колодца поползла и закрылась, жар пригас, кран убежал хлопотать дальше. Вообще же, когда смотришь, как живет цех, слушаешь мощное его дыхание, моментами возникает мистическая мысль, что находишься внутри огромного существа, которое вполне справится с делом, если люди даже и совсем уйдут. Такая мысль мелькает, наверно, потому, что процесс отлажен и совершенен. Ничего лишнего, никакой суеты и аялагов. Лишь наметанный глаз может определить, где заело и где скрипит.

Цех имеет 12 групп нагревательных колодцев, в группе — 4 ячейки, и всего, значит, 48. В каждую ячейку входит 12—14 слитков. Общая длина колодцев, этого пекла, — 384 метра, ширина — 67. Одновременно здесь «сидит» 530—560 слитков, общий их вес 6000 тонн. За сутки через колодцы пропускают 18 тыс. тонн металла. Назовем, коли уж начали, еще несколько цифр, которые впечатляют. Площадь цеха — 15 гектаров. Длина его километр, высота — 25 метров. Штат 1000 человек — инженеров, техников и рабочих.

Клещевые краны обслуживают кольцевую слиткоподачу — подают слитки на специальные тележки, которые с монотонной обстоятельностью, управляемые компьютером, ходят по кругу, принимают тяжелую, раскаленную докрасна ношу и подают ее на рольганги, те в свою очередь подают ее к главному стану завода — к блюмингу с диаметром валков в 1300 миллиметров. Управляет всем процессом старший нагревательщик.

Перед ним каждую минуту возникают сложные задачи, требующие оперативного решения. Он, нагревательщик, обязан видеть «голову» и «хвост» технологической линии, держать в памяти массу сведений и четко распоряжаться, потому как он — дирижер громадного производственного оркестра и каждая фальшивая нота стоит слишком дорого. Фальшивых нот вообще не предусмотрено. В будке нагревательщика три телевизора, из них днем и ночью показывается одна программа, название которой — прокат. Должность нагревательщика — ключевая, особая и по плечу не всякому.

Нале, санток ползет по роликам к главному стану. Размер слитка: вверх — 847 / 747 миллиметров, вниз — 930 — 830 и длина 24 тыс. миллиметра, вес — 11 тонн. Рессоры не всякого грузовика выдержат такую нагрузку.

Нагретый металл пластичен и может менять форму под давлением. По этому принципу и построены станы — они давят и одновременно прокалывают. Как вы уже знаете, длина слитка перед блюмингом около двух с половиной метров, после блюминга она вытягивается до 11—12 метров. Стан очертанием отдаленно напоминает ворота, и между воротами вращаются валки, вес каждого вала — 40 тонн, вращают их два электромотора мощностью по 11 тыс. лошадиных сил. В валках выточены вырезы (кальбры или ручьи), они-то и придают металлу определенную форму.

Сему мы набросали, конечно же, принципиальную. Потому набросали принципиальную схему, что боимся увязнуть в подробностях.

На второй этаж стана ведет железная лестница. Точно такие лестницы на кораблях — узкие и крутые.

Гид нанял, Михаил Павлович Глушков, открывает дверь операторской будки — застекленной и вместительной — с долей почтительности. Он тут свой и все-таки спрашивает:

— Можно?

Ему отвечают:

— Можно.

Посторонним в операторской делать нечего, даже представительные экскурсии сюда заглядывают редко и по специальному разрешению: ведь здесь — святая святых блюминга, здесь работают прокатчики самой высокой квалификации. В былые времена, говорят, нарком тяжелой индустрии Серго Орджоникидзе знал таких спецов по имени и отчеству. Сейчас всех знать невозможно, конечно, но все равно операторы блюминга — люди известные. Нам повезло — мы попали на смену Алексея Ефимовича Лобанова, мастера высокой руки. Ему 1 ноября 1969 года было поручено катать первые слитки, когда Запсиб пускал заглавный стан. Раньше он катал сталь на КМК, потом в Череповце. Когда же узнал, что на Антоновской площадке задумано строить блюминг, вернулся домой. Позже нам рассказывали, что директор завода в Череповце спрашивал у записовской делегации, нельзя ли, мол, нам Лобанова заполучить назад? Выходит, нельзя.

Вальцовщики двое, они сидят в креслах перед застекленной стеной и видят все, что происходит в стане, а там с грохотом, похожим на гром, раскаленный раскат-заготовка (пока еще заготовка) — ворочается между валками. Руки оператора на рычагах, ноги на педалях. При опыте и многолетнем навыке прокатчик чувствует металл всем телом. Справа, если стоять к стану лицом, сидит помощник, слева — сам оператор (его называют еще хозяином). Хозяин слит с машиной. За смену, подсчитано, он производит около 40 тыс. движений. 600 слитков в смену — такая норма. Рекорд же установили 654 слитка в смену, или 7114 тонн металла.

Скоро, сказал нам позже заместитель начальника цеха Александр Петрович Павловский, производительность стана возрастет, он будет давать 7 миллионов

тонн вместо 6 — за счет реконструкции некоторых систем и узлов.

Не успели, значит, пустить цех, а на повестке дня уже реконструкция? Да. И ничего удивительного в этом нет — такова нынче общая обстановка в металлургии, такова стратегия технического прогресса. Иначе безнадежно отстаешь, а отстающих, известно, бьют.

Теперь же, после короткого отступления, приглашаем вас снова подняться по крутой железной лестнице в операторскую будку. В будке мягкий полусумрак, и седая голова старшего вальцовщика Алексея Ефимовича Лобанова отлиывает синевой, как утренний снег. Алексей Ефимович работает и успевает говорить. Он говорит о том, что все Лобановы мужчины — металлурги. Брат металлург, племянник здесь, в цехе, работает комсоргом. А ему, Лобанову-старшему, скоро на пенсию. Укатали сивку крутые горы? Ничего не укатили — старший вальцовщик выглядит куда с добром: он осанист, широк в плечах и голос его весел. Он не оборачивается к нам головы: ему нельзя оборачиваться — по ролямгангам, покачиваясь, все плывут и плывут красные слитки. И нет потоку конца. Вальцовщик не выдерживает, конечно, все 8 часов, его подменяют на короткое время. Сменщик отдыхает сейчас в боковушке за дверью, он появится, когда его позвуют. Ни минуты, ни секунды простоя!

Труд по подбору, воспитанию достойной смены дал плоды. Выросли свои высококвалифицированные специалисты. Среди них операторы Анатолий Иванович Безгачев и Петр Петрович Меркулев, старший нагревальщик Михаил Гаврилович Озаренко, машинист клещевого крана Владимир Михайлович Ермохин и Борис Михайлович Мельников, бригадир слесарей.

Вот так.

Теперь и мы знаем, почему труба, на которую нам показал Михаил Павлович Глушков, когда мы шли в цех впервые,

часто «сердится» дело в том, что блюмс (теперь уже блюмс, а не слиток) после стана «1300» попадает в машину огневой зачистки. Не всякий блюмс проходит зачистку, лишь нерядовые стали и особого назначения попадают сюда.

Что же такое — огневая зачистка?

Думаем, что упомянуть об этой машине лишь вскользь будет несправедливо по двум причинам. Во-первых, потому, что огневая зачистка есть не на каждом заводе страны. Во-вторых, на Запсибе она единственная в своем роде, поскольку сделана и смонтирована в порядке, так сказать, самодеятельности.

Еще в пятидесятые годы группа инженеров и ученых под руководством профессора Сибирского металлургического института Э. Х. Шамовского пыталась спроектировать и внедрить установку огневой зачистки на КМК, но добрая задумка по разным причинам не была претворена в жизнь. Лишь магнитогорцам это удалось, и Запсиб взял за исходящий образец работу магнитогорцев, внося в нее, разумеется, свои коррективы. По чертежам инициативной группы отдел главного механика завода сумел организовать изготовление деталей на месте, сумел также под руководством инженера Александра Сергеевича Шинкаренко собрать машину, и она сравнительно удачно вписалась в технологическую нитку, как здесь говорят. Вписалась и «пошла». Пошла она, снова усовершенствованная и модернизированная, в Череповце, Орско-Халиловске, Криворожье...

Поверхность проката имеет, как правило, дефекты: трещины-волосовины. Огневая зачистка, подобно рубанку, снимает с блюмса или сляба (заготовка для листостана) примерно 2 миллиметра поверхностного слоя. Снимает с помощью кислорода, который подается на раскаленный металл со всех четырех сторон. Кислород плюс вода, нагнетаемая под давлением в 10—12 атмосфер.

В этот-то момент, когда сталь попадает в «чистянище», исходящие газы отсасываются на очистное устройство и труба по двору выбрасывает в небо шапку пара. Окалина падает вниз и по специальным конвейерам подается в бункер. За смену окалинный набирается немного-немало 200—240 тонн, 6—7 БСАЗов. Грубошники везут ее на аглофабрику и там добавляют в агломерат.

Когда и цехе нам говорили о машине огневой зачистки, сразу называли Михаила Васильевича Малахова: он занимался этой кухней, его, мол, и распросите подробней. Михаил Васильевич теперь заместитель главного инженера по новой технике. Мы пошли к нему и ничего нового по существу не услышали: да, трудно было, сутками не вылезали из цеха, когда пускали агрегаты и особенно — машину. А проектировали ее и доводили до ума вчетвером: Александр Андреевич Кугушин, Георгий Фролович Коломников, Анатолий Васильевич Расторгуев, Леонид Антонович Гераськин. Путь, с одной-то стороны, был торный — на Магнитке дело было налажено, но, естественно, хотелось создать более совершенный агрегат, отвечающий сегодняшнему дню — жизнь ведь не стоит на месте. Условия покойный директор Леонид Сергеевич Климасенко поставил жесткие — он, собственно, отрезал все пути к отступлению: в четыре раза сократил штат вырубщиков, тех людей, которые на адьюстаже, уже на складе готовой продукции, убирают на прокате брак — те же нашлапки, полосины, трещины и так далее. Так что у изобретателей не существовало вариантов, они с самого начала волей или неволей настраивались на успех. В новом корпусе возились еще строители и монтажники, а на Магнитке записовские рабочие учились управлять новой машиной, заложенной пока еще в чертежах. Климасенко не внимал никаким доводам, он рубил одно и то же: — Назвался груздем, полезай в короб.

Дело прошлое, когда-то на директора, может быть, и сердились, но по прошествии времени даже те, кто оказался, как принято говорить, между молотом и наковальней, соглашались: правильная была линия.

Оператор машины огневой зачистки тоже сидит в будке, похожей отдаленно на рубку небольшого парохода. Перед оператором пульт управления, вполне современный, с кнопками, часть передней стенки загорожена синим стеклом, потому что там, на потоке, зажигаются моментами пронзительно-белый огонь и смотреть на него без специальных очков — рискованно.

Машина, созданная на заводе, созданная своими руками, работает и никого не удивляет. Это хорошо, и это правильно.

Когда вы назовете цех, где начинается прокат, блюмингом, специалист вас не преминет поправить: не блюминг — обжимной цех. Поправка существенная — ведь за блюмингом и машиной огневой зачистки на сотни метров тянется непрерывно-заготовочный стан, включающий две группы клетей — черновую и чистовую. Черновая группа, состоящая из 8 клетей, дает квадрат размерами 150 и 200 миллиметров для стана «450». В чистовой группе 4 клетки, и дают они квадрат 80, длина полосы 160—180 метров. Сразу за главным станом есть еще ножницы в 1250 тонн, они отсекают «голову» и «хвост» блюмса, концы, негодные для проката. В самом конце линии тоже есть ножницы, уже другой конструкции, наделенные фотоглазом и счетно-решающим устройством, они «раскраивают» на ходу «штуки» без остатка, согласно государственному стандарту. Готовая продукция поступает на склад, или адьюстаж, здесь она распределяется или на отгрузку потребителям-заказчикам, или же служит исходным материалом для проката мелких сортов.

Строительство, монтаж и особо же первые дни эксплуатации обжимного

цеха дались Запсибу нелегко. Существовали с самого начала препоны разного порядка и разного масштаба, но главная беда состояла в том, что непрерывно-заготовочный стан импортного изготовления не выдерживал нагрузок, он просто-напросто не был на них рассчитан. Почему так получилось? Рассматривать этот начальный момент в биографии цеха не наша задача. Важно другое: несмотря ни на что, оборудование было смонтировано за рекордно короткое время, несмотря ни на что обжимники сдержали слово — дали прокат, как и обещали, к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Мы уже упоминали, что катать на блюминге пробовали еще в ноябре 1969 года, но 14 апреля 1970 года был прокатан первый блюме на непрерывно-заготовочном стане. И опять мы подходим к самому главному, к людям, к коллективу, сумевшему преодолеть, кажется, невозможное, способному сказать «да» даже там, где упрямый факт твердил свое «нет».

Бывший начальник цеха Георгий Фролович Коломников (он теперь заместитель директора по экономическим вопросам) вспоминает те дни с доброй улыбкой, он считает, что предпосылкой лихорадка, месяцы высочайшего напряжения — та самая пора, которая выпадает раз в жизни и остается в памяти навсегда.

— В самую горячку кое-кто донимал меня вопросом, как я думаю выходить из положения: слово-то мы дали пустить непрерывно-заготовочный стан к столетию со дня рождения Владимира Ильича, а дел еще видимо-невидимо. Я отвечал: пустим! Злые языки шутили: Коломников столярам макет заказал, покрасит его в красный цвет и покажет по телевидению — вот вам и прокат. Я же верил, потому что уже знал своих людей, товарищей своих. Я обязан был знать.

Георгий Фролович не ошибся, полагаясь на своих товарищей, на специа-

листов и рабочих — они не подвели, потому что очень много было посвящено времени и вниманию созданию коллектива. Опять оправдал себя, уже в который раз, запсибский стиль. На площадке будущего цеха еще и конь не валялся, а начальник цеха вместе с кадровиками неутомимо ездил по заводам страны — подбирая людей. Существует уже некий стереотип: Сибирь, она суровая, и едет туда работать или уж совсем молодой, зеленый, едет в поисках романтики, или несудачник. Запсибу нужен был не каждый, нужны были безусловно лучшие. Георгий Фролович не сулил золотых гор, но он твердо гарантировал перспективу, рост, а для настоящего рабочего или инициативного специалиста, влюбленного в дело, — это превыше всего. В итоге подобралась плеяда с недюжинными способностями, готовая выдержать сверхжесткие нагрузки.

— Сам я с КМК, — рассказывал нам Георгий Фролович Коломников, — там прошел школу и имел четкое представление, кого позвать оттуда на Запсиб. Мое личное мнение: примерно десять процентов в коллективе, который только встает на ноги, должно быть ветеранов с выдающейся трудовой биографией, остальные — молодежь. У ветеранов — уникальный опыт, у молодежи — порыв, великое желание показать себя и полное отсутствие традиций. А не всякая традиция, не всякое устоявшееся представление полезно. Инерция — порой тяжелый груз, путы на ногах. А путы мешают шагать вперед раскованно и быстро. Известны классические правила практики капиталистических фирм: меняется технология, меняются и люди, обслуживающие машины. Это бессердечно, хотя в принципе и правильно. У нас другой подход к этой проблеме.

В пору разворота и становления нового производства тактические и стратегические задачи были определены обжимниками четко. Они сводились, если

коротко, к таким положениям: никаких промежуточных решений, ничего не откладывать на завтра. Устранять ошибки проекта и монтажа не медля, иначе цех будет изжорить годы, десятилетия, всегда инициативе — зеленый свет. В работе нет мелочей.

Во время монтажа обжимники, представлявшие эксплуатацию, настояли, например, на том, чтобы усилить конструкцию корпуса цеха, поскольку предвидели клещевые краны, поставленные по 100 рубежа, не выдержат нагрузок, их придется менять. Так оно в общем-то и получилось — сегодня на блюминге работают краны с маркой красноярского завода, наши, сибирские, и, значит, надежные.

Монтажники к претензиям металлургов относились с пониманием, но у монтажников свои интересы, своя технология и планы, им тоже не с руки повторять работу. Дело доходило до того, что обжимники в критических ситуациях и сами насучивали рукава. Руководил такими операциями обычно опытный специалист Виктор Михайлович Новиков. Энергичкой вплотную занимался квалифицированный инженер Михаил Леонтьевич Редких, сутками не выходил с монтажной площадки Николай Петрович Лаушкин, он нынче руководит цехом, заменил Георгия Фроловича Коломникова. И вот что любопытно: даже в самые что ни на есть напряженнейшие моменты, даже тогда, когда неокрепший пруд бы коллектив нес на своих плечах утомительнейшие хлопоты по строительству и монтажу, когда утрясал поистине неисчислимые «узкие места» с проектировщиками и поставщиками оборудования, то есть, прибегая к военной терминологии, держал круговую оборону, у людей, у активистов, хватало времени, желания и досуга строить базу отдыха. База (одна из лучших на заводе) строилась довольно успешно, и на изживении цеха там, в тайге, было уже два прилюдных лосенка, о которых пеклись все,

пеклись, наверно, чересчур, потому как один лосенок околел, как выяснилось, от переедания, поэтому второго отдали на попечение пионерам одной из школ. Больше всего затратил сил и нервов на создание базы отдыха бывший председатель цехкома Виталий Иванович Дягилев, недаром же о нем до сих пор говорят с искренней теплотой. С такой же теплотой вспоминают ушедшего на пенсию старшего мастера нагревательных колодцев Владимира Борисовича Митрофанова. Под его неусыпным глазом строилось все нагревательное хозяйство цеха. Владимир Борисович сумел воспитать целую плеяду учеников, и они, ученики, с успехом продолжают дело. Владимир Дмитриевич Лошагин так же, как и Владимир Борисович Митрофанов, специалист с левого берега Томи, с Кузнецкого комбината. Там он работал на рельсобалке, завершил свою карьеру на Запсибе и качестве старшего вальцовщика непрерывно-заготовочного стана и был награжден за высокие заслуги орденом Ленина. Старая гвардия покинула цех, оставив за себя надежную смену. Хорошую память о себе оставил и первый партийный секретарь цеха Витольд Владимирович Загеркорн.

Если вы будете интересоваться людьми цеха, вас обязательно направят к ветерану Василию Павловичу Бурову. У Василия Павловича есть журнал, куда он заносит все заметные события с аккуратностью и удовольствием. Вам здесь скажут, что в цехе уже 34 орденосца, что слесарь Борис Михайлович Мельников лауреат областной премии как рационализатор, что у помощника начальника цеха по электрооборудованию Виталия Васильевича Лопатина — светлая голова и он каждый день в поиске: изобретательство у него в крови... Кстати, Василий Павлович Буров поведал нам и о лосятах на базе отдыха. Он ведет летопись, и когда-нибудь найдется у обжимников свой Пимен, он напишет досконально о своих товарищах, о том,

как в результате крупных недочетов проектирования случилось в цехе 97 аварий, как они устранялись и как, несмотря ни на что, была спасена честь цеха, рабочая и гражданская честь прокатчиков-записовцев.

...Если вы захотите узнать о том, что такое обжимной цех с технической стороны, вас отошлют к специалисту Виктору Григорьевичу Бухтееву. Он, не заглядывая в бумажки, скажет, что блюминг был изготовлен на Урале и особых хлопот не доставил, что весит он 5800 тонн, что это второй блюминг такого типа в стране. Виктор Григорьевич — помощник цеха по реконструкции, помнит очень многое, много цифр. Он ответит вам на любой вопрос, но лучше, однако, самому пойти в цех. Там — интересно. Пойдите возле главного поста, понаблюдайте, как плющаются слитки в мощных челюстях валков, как тоньшают полосы на линии непрерывной заготовки и как электрический кран складывает в вагоны синеватые и уже совсем холодные стальные брусья.

Обжимники Запсиба очень четко, пристально смотрят в перспективу и стараются максимально использовать внутренние резервы — они с инженерным тщанием подсчитали, что главный стан при минимальных затратах может

и должен в ближайшем будущем давать 7 миллионов тонн проката в год. Начальник цеха Николай Петрович Лаушкин сказал нам при встрече:

— Главное — не стоять на месте. Уже тогда, когда только устанавливалось оборудование под крышей, мы прикидывали, как достичь наивысшей производительности труда. За счет чего, собственно, мы рассчитывали давать столько проката? За счет, по-первых, реконструкции колодцев, за счет, во-вторых, смены некоторого оборудования на обходной линии. Прогнозщики предусматривали остановку всего потока на целых 50 суток, но мы доказали, что можно провести реконструкцию без остановки. В 1980 году готовим заменить главную клеть производства. И наше предложение было принято.

Вот вам наглядный образец хозяйского отношения к делу, образец социалистической рачительности и кровной заинтересованности рабочих и инженеров в успехе.

Реконструкция идет, она трудна и требует нешуточного напряжения творческих сил коллектива, но задача эта для обжимников, безусловно, по плечу, они справятся с ней, они способны теперь на многое. Как и весь коллектив Запсиба.

НОВОКУЗНЕЦК

Игорь Киселев

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

То она смеется гулко,
То лепечет, как сквозь сон,
Музыкальная шкатулка
Незапамятных времен.

И в ее старинной дверке,
Полной сказок и чудес,
Городок из табакерки
Будто только что исчез.

Все бывшее, дорогое
Стиснет холодом виски:
Столько спрятано в ней горя,
Столько счастья и тоски!

А теперь она потухла,
Потеряла прежний тон,
Музыкальная шкатулка
Незапамятных времен.

Но мне кажется: ночами,
Между часом и тремя,
Все надежды и печали
Воскресают в ней, шумя.

Песен время не скосило,
И звучит исподтишка
Тихий голос клавесина
С нежной жалобой рожка.

Вновь она роняет гулко
Золотой и странный звон —
Музыкальная шкатулка
Незапамятных времен.

Бродить по мху в брусничной сказке,
И на пугливого зверька
Смотреть доверчиво, по-братски,
И небо пить из родника,
Когда в нем тонут облака
И звезды —
Робкие подсказки
О том, что ночь уже близка.

Пробраться тою же тропой,
Где бродят лоси к водою,
Оглохнуть от лесных вестей
И думать просто, без затей,
Что ты не обойден судьбою...
И вдруг,
С тревогою слепую,
Мгновенно пожалеть детей.

Ветер стих. Померкли дали.
Свет растаял надо мной.
Повернулись все медали
Оборотной стороной.

Вверх вносили.
Вниз кидали —
По вине и без вины.
Я не раз видал медали
С оборотной стороны.

Обо всем судить не вправе.
Но стучатся, как всегда,
Вслед за славою — бесславье,
Вслед за дружбою — вражда.

И совсем не в глупой сказке,
Не по прихоти пера
Зло разгуливает в маске
Благородства и добра.

Свет мой тайный!
Друг мой дальний!
До тебя — как до луны.
Может, все же есть медали
Без обратной стороны?

Даль в огне.
И долина лесиста.
Бродит ветер, обижен и пьян.
Меж цветных занавесок из ситца
Исчезает холодный туман.

Я-то знаю, о чем занавески
На ветру этом жестком шуршат:
Как подстреленный зверь,
В перелеске
Умирает последний закат.

Щедрость осени!
В ливнях и звездах...
И на все золотые лады
Запевающий пушкинский воздух,
Воздух воли,

любви
и беды.

Пусть еще не холод,
Но уже не жар.
Пусть уже не молод,
Но еще не стар.

Возраст мой, короче,
Осени сродни:
Все длиннее ночи,
Все короче дни.

Не за морем где-то —
Здесь, внутри, в груди
Отпевают лето
Длинные дожди.

А давно ль, давно ли
Взбрыкивал, как мог,
На июньском поле
Юный стригунок!

Шелест прежней дрожи
Стихнул, унялся.
Чувства стали строже,
Пристальней — глаза.

А закат в полуде,
А кругом дожди...
Подождите, люди,
Юность, подожди!..

Пусть в конце дороги
Ноша нелегка —
Подводить итоги
Не спешу пока.

Лету еще не пора догорать
В зарослях мяты, смородины, щавеля,
Но по зеленому — желтая прядь:
Нота прощания.

Счастье, как лодка на легкой волне,
Мимо неслось, ненадолго причалило.
Парус, истаявший в голубизне —
Нота прощания.

Август — настройщик лесов и полей,
И сорвалась из-под пальцев печальная
Нота рванувшихся в ночь журавлей,
Нота прощания.

На пустыре журавлиная кровь.
Били не целясь,
Убили печально...
Больше любовь — тяжелее прощание.

Что ж, попрощаемся, ветер и свет!
Были друзьями — дошли до отчаянья.
Музыки нет,
Только нота прощания.

Лету еще не пора догорать,
Рано ему сочинять завещание.
Что ж ты так светишься,
Желтая прядь,
Нота прощания!..

Арсению и Андрею Тарковским

Ударит ветер, вдоль столетий вея,
Прошелестит в страницах древних книг.
И, в певчем горле сдерживая крик,
Еще не раз оглянутся орфеи
На медленных послушных эвредик.

Ты выбрал путь.
Ты взял кифару в руки.
Ты весь в цветах, и в трепете,
и в звуке,
И зеркала волшебного стекло
Тебе навеки зрение сожгло.

Пойми, пройдя сквозь ветер и сквозь
дым:
Не ты владеешь голосом твоим,
Но, встав над жизнью, смертью
и судьбой,
Твой мерный голос властвует тобой!..

Мелькнут века, бесшумны и крылаты.
И, вновь родившись, вновь
получишь ты
Все те же и надежды, и утраты,
И разочарованья, и мечты.

И в легкодумной славе бронзовея,
Перезабыв советы вещей книг,
Еще не раз оглянутся орфеи
На медленных печальных эвредик...

Над белой бумагой снова
Споткнусь, потрясенный, с разбега...
Ведь белая магия слова —
Как магия белого снега.

Бывает:
у края пороши,
Где пляшут сияния шатко,
Застынешь, как намертво вросший,
Пугаешься первого шага.

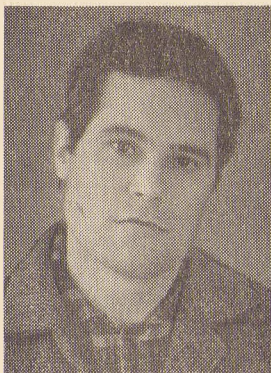
И страшно, тот шаг совершая,
К зиме торопясь на свиданье,
Тишайшее это шуршанье
Сломать, искалечить следами!

Ты болен и лесом, и полем,
Ты снегом и нежностью болен.
Но перед бумагой, бумагой
Ты должен быть болен отвагой.

Твой путь по бумаге огромен.
Ты вышел. Ты нищ и бездомен.
Что толку в достатке и доме,
Когда ты у всех на ладони?

Ты ищешь созвучья и строки,
Уходишь в певучие книги.
Но строки твои — одиноки,
Но книги твои — как вериги.

В конце, на пороге ночлега,
Исчезнут под грузом былого
И магия белого снега,
И белая магия слова.

Геннадий Естамонов

РАССКАЗЫ

ДЯДЯ ВАНЯ

Дядя Ваня — столяр. Для нас — дядя Ваня, для взрослых — Иван Антонович Клопов.

У верстака стоит легко, уверенно, прочно. Большой, силаща — коня поднимет. Смеется.

— Ну что ты рубанком тычешь, словно пилом в подметку? Держи его свободно.

Мы краснеем и дружно шмыгаем носами. Ребята постарше — небрежно цокают сквозь зубы. Мол, чего там толкуешь, понимаем.

Рубанок в руках дяди Вани поет, и подание это плывут стружки, тонкие и прозрачные.

— А теперь давайте посмотрим, что же вы уловили.

Мы стараемся в поте лица доказать дяде Ване, что мы кое-что поняли.

А он ходит от верстака к верстаку и, словно большой, добрый волшебник, посвящает нас в таинство удивительных дел. Десятки мальчишеских глаз и ушей ловят каждое его слово и движение.

— Молодец, Юра! Смотрите, ребята, как у него свободно ходит рубанок, словно санки по снегу...

Юра, красный от похвалы и внимания, старается вовсю.

Потом дядя Ваня неожиданно быстро идет в дальний угол, где у низкого верстака пристроился самый маленький из нас — Эдик Бужанский.

— Эдуард Батькович! А ты перестарался. Силенка у тебя и сновка — дай бог! Похвалить бы, да воздержусь. Вон какая гора стружек. Зачем? Для растопки? И еще запомните крепко. — Лицо его становится строгим, даже хмурым. — Самое главное для столяра: сделать вещь — дело. Хорошее дело. Сберечь материал, при этом выдумку применить — два дела. Беречь отрезок доски, самую малую полешку — это значит беречь дерево.

Мы виновато смотрим под ноги, на стружки.

С каждым занятием по «труду», как называли в детстве столярное дело, мы все увереннее держали в руках инструмент, и чем больше пилили, резали, тем больше узнавали о лесе...

Иногда дядя Ваня ставил нас в тупик, казалось бы, простыми вопросами:

— Лес в нашем Верхотомье хорош?

Переглядываемся. Лес как лес. Наверное, никто из нас над таким вопросом шибко не думал. Привычное разве может быть хорошим или плохим? Небо хорошее? Смешно даже. Но мы не смеемся. Вопрос дяди Вани заставляет думать... Лес для нас и место для игр, и дом, вернее — продолжение дома. Провинившись, можно спрятаться от воспитателя, погоревать о несчастной доле своей, когда кажется, что все и всё против тебя.

Еще лес для нас — столовая, столько в нем скрыто всякой вкуснятины. Как у хорошей бабушки в темном чулане. Правда, мы не только бабушек, но и матерей родных не знаем. Раньше по рассказам да из книг представляем щедрых и добрых бабушек. Зато лес знаем. Луковицы саранок и кандыков, словно смазанные постным маслом; молодые березки доуха, будто вымоченные в сладкой патоке; стебли медуниц, кислицы, — все приподняли ненадежные наши желудки.

Мы знали — лес не оставит, не обидит нас.

А березонный сок? Что желаннее и вкуснее? Напьемся, сыт и рад, глаза блестят, а уж когда на лице — сразу розовеет. Розовеет и релаксирует.

А хорош ли наш лес? Наверное, хорош, вот только грецкий орех не растет у нас (говорит, страшно полезный — съешь и два дня сытый ходишь, на хлеб смотреть не будешь. Поди, брешут?). Яблонь и груш тоже нет.

Знаем лес, а слушаем дядю Ваню с таким вниманием, которому мог бы позавидовать любой учитель.

Здесь, в мастерской, где можно говорить по лесу голос, ходить, смотреть и даже шутить, чаще всего стояла тишина. Не та сонная, которую приносят лень и безделье, а рабочая, сосредоточенная, с перестукиванием, звоном пил, с ворохом падающей стружки. И над всем этим — голос дяди Вани. Неназойливо, то с шуткой-прибауткой, то почти серьезно вел он бесконечный рассказ о лесе, уснащая при этом что-то показать, подсказать, посоветовать, и все это не дробит его повествования, а влетается незаметной нитью.

Пешпроходной полосой вдоль берега Томи тянется чистый, как убранный горница, сосновый бор. Здесь нам нравится играть в войну или в разбойников.

Дальше от берега сосны, ровные и однообразные, как спички в коробке. Потом все смелее и смелее примешиваются к соснам ель, лиственница, береза, осина, рябина, а у придорожья — тополь. Кое-где, словно редкие цветы в засушливое лето, вспыхивают своей особенной густой зеленью одиночки кедры.

Дядя Ваня говорит, что когда-то в Верхотомке был хороший кедровый бор. Повывели. А жаль! Вот бы где полазить!

Смешанный лес веселей и богаче, его мы любим больше, чем чистый сосняк.

Дядя Ваня говорит, что осина, тополь, не говоря уж о кустарниках — сорный лес. Выходит — бери топор и руби! Что же тогда останется от леса? Мы оторопело и недоверчиво смотрим на него: не шутит ли? Нет, серьезный. Даже повторяет несколько раз — сорный лес. Мы в недоумении и растерянности. Спорим между собой на переменах, пока кто-нибудь не скажет:

— Да что вы, дядю Ваню не знаете? Пошутил он.

А может, действительно, и пошутил? Без его шуток и в мастерской было бы не так интересно. На подсобное хозяйство работать не рвались бы, когда он туда зовет.

А сенокос, а уборка, а посадка саженцев сосны и кедра, которые прошлой весной мы делали под его началом?

Разве все это шло бы так споро без дяди Вани, без его шуток, поговорок, пословиц, без его едких, но беззлобных насмешек над нами? Само собой понятно.

Бесшумно скользим по снежному покрывалу, вытканному узорами следов зверьков и птиц. Хорошо! Лыжи в детстве любят. А если они еще сделаны собственными руками!.. Останавливаемся.

— Сосна — превосходное, отличное дерево. Неприхотливое, как русский мужик. Растет на песчанике и на болоте даже лезет, а вы видите, — показывает дядя Ваня палкой в сторону Лысой горы, — на самом обрыве — сосны. Почти на голом камне живут. Молодцы!

— Цы-цы-ы-и! — разносится в морозном воздухе.

Падают снежные шалки, словно сосны бьют нас челом, и мы вслед за дядей Ваней летим вниз, в самый распадок.

Отдыхаем у лиственницы. Пикой взметнулась ввысь, словно на страже стоит, не дрогнет, не шелохнется...

— Крепкое дерево, — поглаживает ствол дядя Ваня, — знаменитому дубу не уступит.

По триста лет стоят избы, сработанные нашими дедами. Ни гнили, ни плесени не боялся. Тяжеловаты только, по реке без мудрости не сплавить. Вот и чередуют ее, когда плоты вяжут: сосна, лиственница. — И без всякого перехода: — Но больше всего я люблю все-таки березку. Материал хорош. Прочен достаточно, обрабатывается легко. А лес без березки — не лес, и весна-то без нее — не весна...

Слушаем его, открыв рты, только облачки пара отличают нас от пеньков в белых шапках да блеск глаз, с заиндевевшими ресницами, выдают наше любопытство, и узнаем мы как открытые, что от березы и осины да и кустарников тоже людям большая польза.

Из осины, например, спички делают. Хорошо горит дерево. К тому же осина — музыкальное дерево. А это — понимать надо. Юрке больше всех понятно. Он у нас музыкант и домбрист и балалаечник. Не каждое дерево для инструмента пригодно, не каждое дерево запоет. Среди многих пород деревьев осина музыкальностью отмечена.

Дядя Ваня не спешит надевать рукавицы. Ладони его огрубевшие мороз не берет, они словно корой защищены, только не поймешь какой: сосновой ли — коричневой, березовой ли — желтоватой с черными нарезками.

В его пальцах хрусткая, как льдинка, веточка осины. Он разжевывает кусочек и морщится.

— Как эту горечь зайцы глотают?

— Потому и глотают, что голодают, — подсказывает Юрка.

— Нет! Что-то они в ней находят, — задумчиво возражает дядя Ваня и сразу же совсем о другом. — Сибирячка вроде бы осина, а болезненная. Грибок ест. Стоит осенью полыхает, весь лес своим огнем поливается. Даже в пасмурный день веселит. А у самой вся сердцевина трухой стала. Ну чисто человек. Не тот, который охает да при каждом нутяке за поясницу или за сердце хватается. А такой, который и людей развеселит и даже себе в своей хвори не признается. Вот вырастите — подумайте... Может, кто-нибудь из вас и найдет лекарство для осины. Не только люди, а зайцы тому в поги кланяться будут.

Мы, наверное, все разом представили эту картину, так позавывая поклонился осине дядя Ваня, дружно засмеялись.

— Черти! Только бы гоготать! — строго так сказал, как командовал.

Виновато умоляем.

А еще, оказывается, на березах наросты бывают, наплывы такие. Мы их видели не раз. Капом называют. Так из этого капа шкатулки и разные красивые поделки вырезали. По всему миру раньше расходились. И были они на вес золота.

Вот ведь как бывает. Нам казалось, что мы знаем лес. Большую часть лета, весны и осени жили в нем. Он — как книга, мы обложкой полюбовались, а прочитать не сумели. На другом языке словно написано...

Как-то зашли к дяде Ване домой, угостил нас своим знаменитым квасом. Квасок хорош, конечно, был, не зря славится на всю деревню, а вот ковш — как сказка, на свету переливался скрытыми узорами: как вены в здоровом теле, рдели те узоры на нем. Оказывается, из капа сделан.

Весна в том послевоенном году, последнем году нашего пребывания в детском доме была ранняя, шумная, нетерпеливая.

Черные скворцы, облепившие березы, вели бесконечные заседания. Веселые и аккуратные домики привлекали внимание скворцов, а некоторые из них уже обживались воробьями. На соседних соснах даже сороки, равнодушные к благоустроенным квартирам, кому-то сигналили белыми боками и трещали деловито, успокаивающе: мол, все в порядке. Жилья хватит всем...

Скворчички мы изготовили на последних запятых в столярной мастерской. Не сговариваясь, мы решили подарить новые квартиры тем, кому еще не раз суждено будет вернуться в Верхотомский бор.

Мы редко бываем в своем детдоме, в стране своего детства. Стали взрослыми, умными, занятыми. Редко встречаемся друг с другом и еще реже собираемся группами. Но если встречаемся, сколько всего хорошего вспоминаем друг.

— А помнишь дядю Ваню?

Ивана Антоновича? Клопова? Ну как же! Кто его не помнит?! И это звучит как пароль. Пароль детства. Мы не замечаем тогда, что Колька — совсем полыхсел. Толик уже не причет совсем округлившийся животик, а Витка — сутулится еще больше.

Мы — снова пацаны. А среди нас — дядя Ваши. Не такой, как сейчас: с белой клочковатой проседью на висках, а с черной пышной шевелюрой; высокий, широкоплечий, веселый и умный рассказчик; добрый и знающий все на свете учитель.

Мы представляем, как Иван Антонович

прямит спину, шевелит свои кустистые брови и говорит строго:

«Почему же из вас никто ни по столярному делу не пошел, ни по лесному? Зря, видно, я рассказывал и приучал вас к лесу. Эх, молодежь!»

Голос его с хрипотцой, а лучики морщинок собираются в хитрую усмешку.

Мы договариваемся навестить старика. Назначаем срок. Потом его переносим, откладываем. То одно, то другое мешает нам. А время идет.

Посадки наши давно стали лесом...

ПОДАРОК

На праздничном утреннике Женю Шмелева наградили подарком. Женя, красный от смущения, под туш духового оркестра и аплодисменты вбежал на сцену. За столом президиума, окруженный ребятами, воспитателями, стопками книг и какими-то свертками, сидел внуч детского дома.

Он поднялся навстречу Жене, близоруко прищурившись, взглянул в бумажку, лежащую перед ним, обвел взглядом стол, словно искал шалуна, как это делал не раз на уроке, и, подняв небольшой сверток, протянул его Жене, сказал:

— Желая, Женя, тебе стать в следующей четверти отличником.

Женя кивнул:

— Ага.

Высвободил свою руку из цепких рук завуча и побежал на свое место.

Под любопытные взгляды ребят он медленно и осторожно развернул сверток.

— Так, так... альбом, цветные карандаши... «Худож-ник».

Женя не был художником и даже на уроке рисования занимался художеством с неудовольствием. Покрутил в руках свое богатство. И так, и эдак. Карандаши как карандаши. Альбом, правда, хорош. Повернулся к Вите Пташкину, подвижные руки которого бесцельно крутили наган, стреляющий горохом.

Взглянул на наган. Положил плашмя на руку альбом и, легонько потряхивая его, предложил:

— Давай меняться: альбом — на наган.

Витя Пташкин восторженно. Его рука вместе с наганом медленно поплыла к Жене, но остановилась.

— Давай тогда с карандашами вместе? — сказал неуверенно Пташкин.

— Вот голубь, — удивился Женя, — я ему вон какой альбом, а он еще — и карандаши. Ты рисуешь? — спросил Шмелев и сам ответил: — Рисуешь! И он рисует, — кивнул головой на шмыгающего носом Колю. Поразглагольвал его раздумчиво. — Бери, Стручок! — И решительно протянул Женя карандаши. Коля самый маленький в классе, никогда не был даже хорошистом, зато умел рисовать. Тетради у него были размаляваны зверями, птицами. Всех удивляли его увлеченность и постоянство. Он рисовал даже в столовой.

Коля неуверенно взял коробку с карандашами. Шмыгнул носом: — За так?

— За так! — великодушно ответил Женя. — Когда будешь художником, нарисуешь мой портрет.

Коля заулыбался.

— Ну, Вить, — обратился Женя снова к Пташкину, — меняешь?

Витя с сожалением отдал Жене наган, предмет зависти многих детдомовских мальчишек, и сказал:

— Кобуру возьмешь в спальне.

— Ладно, бери свой альбом, — согласился Женья и добавил: — В следующий раз, если дадут карандаши, отдам тебе. Ну, а пострелять захочется, я тебе дам.

Комкая оберточную бумагу, Женья воскликнул:

— Здесь еще что-то есть!

Развернул бумагу и вытащил блестящий никелированный предмет.

— Циркуль! — сказали несколько голосов.

Витя Пташкин спросил:

— А почему на обеих ножках иголки?

Ребята задумались. Правда, зачем две иголки? Кто-то предложил спросить у Кольки Вездесущего. Он учился в шестом классе. Все

знает. Коля, высокий вихрастый парнишка, почесал затылок, авторитетно ответил:

— Так это ведь... как бы вам сказать понятнее... Это циркуль по дереву или же по металлу.

Он присел на корточки, воткнул одну ножку циркуля в пол и ловко, как будто этим занимается всю свою жизнь, повернул другую. На полу остался ровный красивый круг. Коля поднялся довольный, словно первый решил трудную задачу, и обратился к Жене:

— Женья, ты мне отдай его, тебе он все равно не нужен, а если понадобится, можешь брать в любое время. — Добавил: — А я тебя летом возьму на рыбалку. С ночевкой!

Женья Шмелев был заядлым рыбаком, так что рыбалка с ночевкой — это здорово, хотя у Жени было большое желание поделаться циркулем кружочки. Наконец он сказал:

— А я что? Вери, мне не жалко!..

КОБЧИК

Пацаны иритацили откуда-то подбитого кобчика. На жестком детдомовском одеяле он лежал, как серый камень. Его темный клюв напоминал пулю. Словно истратила пуля свою силу в полете и теперь, безобидная и нестрашная, вызывает любопытство и удивление ребят. Иногда пуля вдруг разделялась на две почти равные половинки. Они широко расходились и, подрагивая, медленно смыкались вновь. Крепко и плотно. В спальне было так тихо, словно ребята, сдерживая дыхание, экономя воздух для раненой птицы. Тонко зашипела на кухне муха и лопнула под крепким пальцем детдомовца.

Ребята будто забыли, что, когда в воздухе раздавался пронзительный и тоскливый крик кобца, голубятники со всех ног бежали к своим голубятням, отгоняя трещотками и пугачами опасного гостя. Вчера не помогли ни трещотки, ни пугачи. У Петьки Рябого утащили кобчик (может быть, этот?) шикарного сизаря. Того самого, за которого Косой предлагал финач с наборной ручкой.

Сейчас Петька стоял у койки нахмури-

вшись, и не поймешь: то ли злорадствует, то ли сизаря жалеет.

— Подохнет!

— Ты сам подохнешь.

— На свежий воздух его!

— Воды надо!

Пацаны вывалились из спальни. Стали кружком у сосны. Кто-то услужливо подложил кобчику мягкой травы. Кто-то принес в банке холодной воды. Окунули голову кобчика в банку, но она слабо, как надломленная ветка, метнулась.

— Дайте-ка! — это сказал подошедший Петька. Ребята недоверчиво протянули ему птицу.

Петьке Рябому, хоть он и был ровесником многих: никто из пятиклассников ни в чем не отказывал. Еще бы, с Петькой не каждый даже из старших пацанов осмеливался драться. Сильнющий! Впрочем, Петька редко с кем дерется. Ему помогают воду сменить, клетку почистить или зерна принести голубям. И каждый считает это за честь! Кому не хочется — хотя голуби есть у многих — поддержать

и рукав синего с отливом красавца или по-смотреть, и послушать, как обращается и разговаривает с голубями молчаливый обычно Петяша. Правда, не всем он разрешает это. Вот Ваню Сопливого пускает всегда. А этот запертый даже клетку не может переставить. И это в нем правится Петьке? Не поймешь!

Петяша привычным движением положил кобчика на ладонь. Взял банку, глянул. Сморщился.

Не могли найти почище? Наверное, прямо с помойки? — Это он говорит Федору. Федор в детдоме недавно. Осенью будет учиться в первом классе. Удивительно даже, у него нет прозвища. Фамилия — Кузя. Можно бы и окрестить Кузей, но все почему-то зовут Федор, как будто ему тридцать лет!

Сейчас Федор будет несолодино оправдываться.

Так оно и есть. Выпучил глазищи.

А ты что? Не с помойки, — повертел головой обиженно, — это я шел, а Муля говорит «Хочешь тушенки? Я уже наелся». Там было немного, я попробовал на вкус, хоть и тушенка, а какая-то не такая. Не понравилась. А тут вы с кобчиком. Я и драпанул за собой. Поицал? Мыть-то некогда было.

Петяша, не слухая его, набрал в рот воды и, поддерживая головку кобчика вытянутыми пальцами, приложил губы к клюву.

Кобчик слабо дернулся. По шее, под перьями, прокатился комочек. Это видели все. Потом вдруг комочки забегали часто-часто. Кобчик дернулся сильнее.

Подожди, дурашка, для тебя же стараемся, — проговорил Петька ласково. Так же он и с голубями разговаривает, и они будто его понимают.

Петька положил кобчика на траву. Тот приоткрыл глаза. Федор заметил это. Закричал:

— Смотрите, смотрите, глаза открыл!

Как будто без его крика не видели, слепые, что ли?

Косой сказал:

А ну-ка, расступись, салаги! Кобчик? Интересно, как его Рябой до сих пор не съел? Отошли.

Испугались?

Да-а, Косого даже воспитательницы боятся. Говорят, что он уже жил в детдоме. Давно. Тогда Федора, наверное, еще на свете не было... Шесть, семь, во... Да, Федор еще не родился. Ученые Косому не шло. Три года в каждом классе. Сейчас насчит детдомовских коров. Молоко нет. У, рожу-то отъел.

— Рябой, а ты что не отходишь? — это опять Косой. А сам, посмеиваясь, пятится назад. Остановился. Неужели? Да он не делает этого, хоть и дурак.

— Рябой, Христа ради прошу. Отойди, еще и по ногам попасть могу. Ты же знаешь, — сам ухмыляется. Все знают, что на конце бича маленькая свинцовая гайка. Он этим бичом горляшки у бутылок срезает, как будто они деревянные.

— Отойди, считаю до трех...

— Косой, не тронь кобчика, Петька покраснел.

— Раз...

— Пять голубей отдам.

— Два!...

— Косой, всю голубятню отдам! крикнул Петька.

— Был у тебя игровой, пожалел! — Косой отбросил назад бич.

— Фашист...

— Ри...

Тонко засвистела волосая плетъ, зажужжала потревоженным шмелем свинцовая гайка.

А Петька... Это уж потом разобрались. Петька подпрыгнул, перевернулся через голову. Ноги его дернулись в сторону, и бич Косого, словно нитка, мягко обвился вокруг Петькиных ног. Петька обратно через голову, еще раз. Ловко ручку бича у Косого вырвал. Когда вскочил на ноги, успел уже и хлыст размотать, бич в руке держит. Лицо черное. Нет, это показалось, просто он в тени стоял. Подбежал, схватил кобчика. И в кусты его. А у Косого ухмылочка так и застыла на роже. Ну, сейчас Петька драпанет. Косому-то его, конечно, не догнать. Не драпанул почему-то. Подошел к Косому.

— Косой!... — и выругался Петька.

Бичом как он ловко его! Бац! Косой на землю — трах! Петька на него, как тигр, и как закричит: «Бей его, пацаны!» Ну, ему и дали...

Кобчика не нашли в кустах. Наверно, очутился и убежал.

Косой к Петьке не лезет?

Пока нет.

Бойтся?

Кто его знает. Зачем-то голубей своих выпустил.

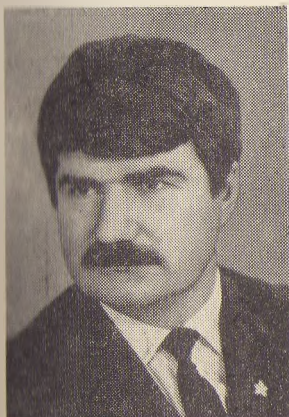
Всех!?

Да. А клетку и кормушку отдал Соне. И с бичом перестал шляться. Раньше даже в кино с ним приходил. Наматает на ручку и тащит под мышкой. В детдоме почти совсем не показывается. Встанет в кустах, чтобы не видели, и смотрит, смотрит...

ВСТРЕЧА С ВАСИЛИЕМ ФЕДОРОВЫМ

В Кемеровской писательской организации состоялась встреча с известным советским поэтом, секретарем правления Союза писателей РСФСР Василием Дмитриевичем Федоровым, который рассказал литераторам Кемерова о новостях литературной жизни столицы и республики, поделился своими мыслями о творческом процессе и творческими планами, ответил на вопросы собравшихся. В свою очередь кемеровские литераторы рассказали о жизни и делах областной писательской организации.

Гарий Немченко

ПОКАЗАНИЕ ДЛЯ ТЕБЯ ОДНОГО...

РАССКАЗ

«...Может быть, ты отчасти прав, когда говоришь об этом моем решении: финит ушами. Хотелось бы, однако, кое-что тебе объяснить.

Ты представь себе начало этой истории: хорошее воскресное утро в южном городе, переполненный автобус, в котором люди едут за город отдохнуть. И писят на подножке эти ребята, которых потом судили — три закадычных друга. Хлопцы как хлопцы — давай-ка вспомним и свои восемнадцать... В субботу были на танцах, вернулись в общежитие поздно и потому, конечно, проспали. Заводские автобусы ушли, их уже записали в прогульщики, а они надеются добраться на попутных.

Мы к тому времени уже приехали, причем активность проявили необычайную. Накануне наш предместкома покаялся, что, если не будет стопроцентной явки, биллиарда нам не видать. И вандальные игроки обошли отделы, пропели работу, всех сагитировали, из солидарности вышли даже те, кто уже давно позабыл, что такое воскресник... Правда, тут надо сказать, что в то лето об этом не давали нам забывать. Почти каждый выходной — на стройку. Мало того что мы водохранилище проектировали — потребовалась еще и мускульная

наша энергия. Вот-вот уже собирались пустить воду, а дно подготовить не успели, надо было вырубить кустарник — чтобы деревья потом, как в Красноярске, не начали гнить. Вот мы и ездили, и рубили. Само собой, это будущее море сидело у нас в печенках. Прибавь сюда, что мы по долгу, так сказать, службы очень хорошо знали, каких там понасажали плух, да чего строители напоролы уже от себя. А тут еще явно запоздалая эта дискуссия в центральных газетах, из которой в общем-то очень хорошо было видно, что это самое море как зайцу стоп-сигнал. Можно поэтому понять, с каким настроением приехали мы на этот воскресник. Митинговать начали с самого утра. Мужчины то и дело покуривали, а женщины озабочены были тем, как бы соблюсти нравственность, получив при этом законную свою, богом положенную порцию загара...

Тут эти мальчишки и появились. Подбежали, запыхавшись: а где, мол, тут работают с такого-то завода, не скажете?

Ну, Хлудякова ты немножечко знаешь. Делает самую серьезную морду, достает блокнот: как фамилии? Эти охотно так и доверчиво: Иванов, мол, Петров и Сидоров.

Что ж это, Хлудяков говорит, дорогие товарищи, вы разгуливаете? А еще небось комсомольцы! Вас троих придали нам в помощь, мы на вас надеемся, а вы только к обеду появиться изволите! И это в то время, когда все труженики края озабочены только одним... Ну, ты его, действительно, знаешь.

Мальчишки оправдываться, а он уже размечает деланки: эта, мол, Петрову, а эта Сидорову...

Наши, конечно, кусают губы, все потихоньку ржут, а мальчишки ничего не замечают. Стаскивают рубахи, топоры в руки — и пошел!

Знаешь, у меня было; признаться, такое ощущение, что на этот раз Эдик наш хватил через край... Но, с другой стороны, все мы привыкли: штатный хохмач, любимец публики. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующую минуту, ну, и не позволяешь себе встречать — сам начал, сам и доиграет... Полезешь со своей угрюмой кондовостью — над тобой же и посмеются!

Ловлю себя на том, что оправдываюсь... Как-то оно все вышло! Теперь я кланю себя за то, что промолчал тогда.

А они, брат, старались!

Там были заросли облепихи, сплошные эти колючки, недаром в этих краях зовут ее — дереза. Мы от нее уже натерпелись, и без рукавиц, без брезентовой курточки никто к ней теперь не подходил. А этим хоть бы что. Знай себе топорами машут — все поцарапались! Потом подходит один, видно, самый бойкий. А можно, говорит, мы еще маленько прихватим, только уйдем пораньше? Очень, мол, надо! Ну, и какую-то такую причину — то ли за гитарой к товарищу, то ли еще что. Хлудяков им про встречный план: молодцы, мол!

В общем, половину того, что всему нашему институту отвели, они втроем сделали. Тот их похвалил, пожал руку: будут, говорит, на ваш завод передавать сведения, обязательно, мол, укажу,

что работали по-ударному... Стыдно, конечно!.. Но что теперь делать: раз было — значит, было. Да и кто, естественно, мог предполагать, что из всего из этого выйдет? Мол, пошутили — и ладно.

А теперь поставь себя на место этих мальчишек. Приходят они в понедельник на свой завод, а комсорг давай им пенять: лодыри, мол! прогульщики! Те за свое: мол, большие нормы сделали, только сведения, верно, еще не дошли... А та, ну, как бы тебе сказать, — не то, чтобы окончательная язва, но девица с характером... Из тех, знаешь, что одноклассников своих, с которыми десять лет вместе проучились, зовут только по фамилиям. А может, просто молодая, зеленая, потом поймет — кто знает. Ее вины здесь во всяком случае нет. Просто она стала каждый день потом терзать ребят: так где же, мол, сведения о ваших трудовых подвигах?

Почему я все это досконально знаю, — мы потом, уже после суда, вместе со следователем выстроили всю эту цепочку, и, чтобы кое в чем убедиться еще раз, я поговорил почти со всеми, кто в этой истории так или иначе участвовал — в том числе и с этой не по летам въедливой особой... До нее и тогда, когда я уже все растолковал ей, не очень дошло, долдонила все про одно и то же: они, мол, всегда вели себя безответственно... Можешь представить, с каким прилежанием взялась она пилить мальчишек!

В конце концов ребята решили: надо им разыскать того самого, с блокнотом. Пусть подтвердит, что они работали — больше всего им, как ты понимаешь, хотелось, чтобы эта молодая язва «заткнулась».

Шутка ли в таком городе найти человека, которого ты толком-то и не видел! Но мальчишки не отчаивались, составили какой-то свой хитрый план, который не должен был их подвести. Что ты хочешь, для них это была своего рода

игра — разбили город на квадраты... А потом неожиданно встретили Хлудякова в летнем кафе. Причем надо же такому случиться: этот пижон стоял у них за столиком с молодой девчонкой и в красках рассказывал, как однажды на воскреснике подшутил над тремя лопухами — некими молодыми энтузиастами... Ты, действительно, знаешь Хлудякова и потому представишь, как это все могло прозвучать.

Стерпел бы ты? А что бы стал делать?

Потом уже вместе со следователем мы попробовали еще раз «проиграть» эту ситуацию — конечно, она была для парней слишком неожиданной и слишком обидной.

Обернуться и дать в морду? Или зайти, узнать каким-то образом имя да фамилию и подать затем в наш местком жалобу?

В общем, когда этот лысеющий ухажер допил шампанское, а молодая девчонка, которой он пудрил мозги, доела мороженое, ребята двинулись за ними следом. Шли поодаль, спорили, как им быть, а улица становилась все безлюдней... На следствии Эдик говорил, будто они напали неожиданно. Действительно ли он не чувствовал, что за ними следят? Кто его знает. Этот молодой лейтенант из милиции, к которому попало дело, уверен как раз в обратном. Он говорит, что такая молниеносная драка могла произойти только в том случае, если взвинчены были, так сказать, обе стороны.

Вообще-то неизвестно, чем бы все кончилось, но на дороге появилось пустое такси, Хлудяков к нему бросился, и ребята, наверно, поняли, что сейчас он с девчонкой сядет, — и снова потом ищи-свищи... Крикнули и кинулись к Эдику, кто-то схватил его за рукав, а он, конечно, рванулся, и тут пошло. Девчонка уже сидела в машине, выскочила, чтобы разнять их, бросилась в середину... Ее оттолкнули, а таксист в это

время дал газу, — ну, и перелом ребра и сотрясение мозга.

Машина так-таки и уехала — шофер потом утверждал, будто в суматохе не заметил, что он кого-либо сбил. Да и вообще у него была своя твердая линия: все случилось пятнадцатого, в получку, в тот день он работал в две смены, и ему уже пришлось хлебнуть вволю. Вмешался и один раз, и два, а на третий плюнул, и все дела — тут уж у кого хочешь нервы не выдержат... И все же железно подтверждалось — до этого он уже был записан в милиции свидетелем. На суде потом он все бил себя в грудь, и понять его в общем-то было можно, — определили ему год условно.

Мальчишки, перепугавшись, убежали. Хлудяков постучался в ближайший дом и попросил помочь ему вызвать скорую. Вот такая грустная вышла история...

Недели через две Эдик уехал в Ленинград на трехмесячные курсы, и когда ребят, наконец, нашли, то с фотокарточками следователь поехал к нему: знал ли Хлудяков задержанных до этого — или не знал? Эдик сказал, нет.

В общем-то, если он и в самом деле ни о чем еще в тот вечер не догадался, то на фотокарточках, и верно, мог ребят не узнать. Потому что были на них уже другие ребята...

Я вспоминаю, как они тогда к нам подошли: только и того, что волосы, как у батьки Махно, а так — хорошие, с доверчивой улыбкой парни... А с фотографии на тебя угрюмо глядели наголо остриженные, с тоскливыми лицами дебилы — и мне тоже тогда невольно казалось, что есть у них в чертах что-то такое преступное. Потому-то, когда следователь пришел с этими фотографиями в институт, никто из наших, конечно, их не узнал... А у меня, понимаешь, что-то такое шевельнулось... Где-то, говорю, я их видел — только не вспомню где. Следователь и зацепился. Записал мой рабочий телефон и давай названивать: так и не припомнили — где?

Бедная эта девочка, которой не повезло, можно сказать, больше всех, в тот вечер видела их, и в самом деле, впервые, и все сходилась постепенно на том, что здесь типичный случай, когда у подвыпивших хулиганов чесались руки...

Видишь, как много всяких «потом» — потом-то девчонка, которая дружила с тремя этими ребятами, рассказала мне, что один бывалый человек научил их держаться неколебимо: были, мол, выливши — ничего не помним. Нашли их не сразу, время обо всем договориться у них было. Придумали они в деталях эту свою выпивку — хотя на самом-то деле в тот вечер пили в летнем кафе только коктейли и заедали только мороженым. Ну, тут уж тоже тот самый бывалый человек постарался: следовательно говорил, что эта очень правдивая картина выпивки больше всего его и смущала... Невольно подумает: сколько самых разных усилий — вольных или невольных — приложили мы, люди взрослые, чтобы эти, не имеющие жизненного опыта мальчишки запутались окончательно... Дали они, в общем, друг другу слово ни в какие подробности больше не вдаваться и на этом уперлись: выпивка ударила в голову — и все дела.

Следователь, который занимался ребятами, парень и умный, и терпеливый, да только у них ведь свои заботы — гони процент раскрываемости, или как там? А тут история вроде бы совершенно ясная — чего тянуть? Начальство на него поднажало — передал дело в прокуратуру. Только это уж точно: сам он до последней минуты сомневался. Больно все, говорит, гладко. Вечером перед судом опять он мне позвонил: не припомнили? И на суд пришел, хоть это никак уже не входило в его функции. Да и меня туда притащил — это была его идея, сам я наверняка не пошел бы — на что мне?

У следователя, видишь, был свой расчет: одно, мол, дело, когда человек про-

сто посмотрит на фото, а другое — когда на суде посидит. Сердце, если не каменное, подскажет. Так оно, знаешь, и случилось. Глядел и на ребят, глядел, и хоть держались они как будто с вызовом, так мне стало отчего-то их жаль... И тут вдруг стукнуло — да это ведь те самые наши помощники, над которыми когда-то мы поднуживали!

Знаешь, захотелось мне встать и крикнуть: погодите, что же мы делаем! Здесь ведь вот такая история!

Лейтенант один раз глянул на меня, другой раз глянул, и уже, кажется, начал привставать, но тут сидевший со мной рядом Борис Фильчук придержал меня за колено: ты что это, мол?! А у меня сел голос, еле слышно шепчу ему: сам-то вспомнил? Знаешь, что это за хлопцы? А он спокойно так: ну и что?.. Да как, толкую ему, — что? С этого, небось, и пошло! А он все держит руку на моем колене: да брось, мол! Ты, говорит, может быть, не знаешь, что у них ножи были? Это родители упростили Эдика, чтобы не говорил о ножах, вот он и промолчал. А если бы сказал? Сам посуди: я ведь не пошу ножа? Ты не носишь. А эти — что? Не одного пырнет, так другого. Не завтра, так послезавтра, — какая разница? Ты, говорит, посмотри на эти морды! Думаешь, раскаялись они? Как же, мол, держи карман шире! Так и зыркают. Да его сейчас под стражу не возьми, он тут же после суда подойдет к тебе и первого же тебя и зарежет...

Я ему что-то такое в ответ, а он так спокойно: продать, мол, хочешь? Как же ты после этого товарищам своим в глаза будешь глядеть?

Удивительная, скажу тебе, штука! Вот мне уже скоро сорок. И демагогию вроде этой я за километр чую. И вместе с тем... Посмотрит кто-либо на тебя ясными глазами, скажет что-либо уверенным голосом, и ты неизвестно чего в себе застыдишься... Да почему это мы должны стыдиться, а не они?!

Вот мы часто говорим: душа, мол, болит. И редко, пожалуй, представляем при этом, что это на самом деле такое. Верить, я это впервые там, на суде почувствовал: что-то заняло в груди, сжала какая-то вполне реальная боль... И все-таки это самое чувство ложного товарищества — или как там наши школьные учителя это называли? — все-таки оно во мне тогда победило...

Еле высидел до конца! Как будто что-то в себе или кого-то я предал...

Мимо лейтенанта, мимо всех бросился скорее на воздух. Только подошел на миг к подружке этих троих ребят — она все порывалась с места что-то такое сказать, а потом заплакала навзрыд, и ее вывели... Сказал ей, что мне надо ее увидеть, и мы договорились, что вечером подойду к общежитию — она учится в медицинском училище...

Давно ты не был в студенческом общежитии? Я, признаться, давно. А тут вдруг пахнуло на меня чем-то таким...

Подождал ее внизу, подождал, но она все не выходила, и тогда я решил найти комнату. Пропустили меня без всяких, вахтерша только спросила: «Вы, наверно, чей-нибудь папа». И я вдруг подумал: а правда! Мне сейчас тридцать семь, а им по восемнадцать. И у меня вполне могла бы расти такая дочка. Или такой парень... Ладно!

Пришел я в комнату. Чистота, уют. Все эти вышитые, накрахмаленные занавесочки — как в старые добрые времена нашего студенчества. И все эти зарубежные красавцы над кроватью с высокими, из дома, подушками у наших девочек еще не висели. Но дело не в том и не в другом. Понимаешь... В этой комнате у меня перестала вдруг ныть душа.

Две девочки, которые были дома, сказали, что Надя вот-вот придет, предложили посидеть у них, и, знаешь, я с какой-то неожиданной благодарностью согласился. Сижу, помалкиваю, исподволь все рассматриваю... Приходит еще

одна девчонка, соседка этих по комнате. Подсаживается к одной из моих девочек, потихоньку спрашивает: пойдешь завтра в кино? Нет, денег нету. Та опять: а мы убежим, и на дневной — всего, мол, двадцать копеек. Эта: а у меня и двадцати нет. Соседка: что, давно перевода не было? Ага, мол, что-то задержался. А что ты ешь? А у меня, говорит, еще кулечек конфет остался от посылки — на прошлой неделе сестра прислала...

Я, старый дурак, чуть не прослезился! Такого на меня вдруг повеяло почти нереальной чистотой. Это мы с тобой давно уже по земле... а они еще, как птички, по веткам!

Подумал вдруг: с полочки я бы мог все это общежитие в кино повести да еще угостить мороженым. За расширенное получил — хватило бы всем на ресторан. Но меня вдруг острая такая тронула зависть...

Посидел я, спрашиваю: когда же Надя придет? Она говорила вам? Нет, мы третий день не разговариваем. Это почему? А потому что, говорят, когда мы в воскресенье суп с тушенкой готовили, то мясо, перед тем как бросить в кастрюлю, не размяли. А зачем его разминать? Тут они хитренько так: а как же, мол? Чтобы всем поровну. А то кому целый кусок, а кому только волоконец от мяса и достанется... Надя, мол, та всегда разминает — это у них, у альпинистов, такой закон. А что, она альпинистка?

Ну, и стали мне девчата о Наде. Она, мол, чудная. Ни одного костюма порядочного, зато носков шерстяных — полный абалаковский рюкзак. Бывает, прибегают подружки: в магазине есть хорошие платья! Всем колхозом уговорят ее — она загорится. Соберут ей денег. А обратно придет — еще один свитер принесла...

Ходили мы потом по улицам с Надей. Долго ходили. Она уже вроде бы успокоилась, только вздыхала вдруг иног-

да — как всхлипывала. Рассказала мне об этих ребятах... Фонари, слушай! Такие же, как она сама. Все они из одного класса — дружили еще в школе. Учились, правда, неважно, ну да, она говорит, хорошо учиться — это вообще теперь дурной тон, и, если увидишь отличника, знай — перед тобой придурок, забубенный зубрилка или подлиза последняя... Видишь, как оно четко. Жили они в станице, а в город решили поехать только потому, что тут, видишь, большой радиоклуб. Пошли в профтехучилище, потом — на завод, а вечерами все четверо занимались в радиоклубе: была у них мечта уехать на север, устроиться радистами, и там — через тысячи километров — друг с другом переговариваться. А пока, значит, к холоду привыкали в горах... А ведь когда-то и я был таким! Да и ты даже в институте тоже был порядочный фонарь — ты поймешь.

Спрашиваю: Надя, почему они в конце концов не сказали из-за чего сбор? Она совершенно серьезно: чтобы над ними еще и на суде посмеялись?

Я сперва ничего не понял. Только потом стало до меня потихоньку доходить, что это примерно из той же оперы: если быть отличником стыдно, то и хорошо работать на воскреснике — выходит, тоже... Как бы там ни было, а хлопцы эти выросли в станице, и, когда их обманули так запросто, а потом еще над ними и посмеялись, заговорило в них самолюбие. А, может быть, если разобратся, — гордость?

Проводил я Надю в общежитие, а сам домой не пошел — сел на скамейку в привокзальном скверике и просидел всю ночь...

Как же, думал я, так?

Вот все мы — космические философы, нас хлебом не корми, дай только порассуждать о цели жизни, о всеобщем благе народном, о судьбах цивилизации. Тут мы, взывая к добру и к разуму, ссылаясь на понятие высшей справедливости,

готовы все, что угодно, человечеству подсказать и всех, кого угодно, поправить...

Но вот подходит к нам эти мальчишки. Наши соотечественники. Наши современники. Понимаешь?

У меня тогда выходило складно. По-крикивали ночные поезда, и мне думалось: вот едешь ты, предположим, с кем-то в одном вагоне. От станции А до станции Б. Время и пути — какие-то сутки. Но сколько мы, люди незнакомые, окажем друг другу за это время и знаков внимания, и всяких мелких услуг. И полку уступим, и чаю принесем, и у окна с разговором постоим, и что-то такое посоветуем. А ведь объединяет нас всего-навсего то, что мы — путчики!

Представь себе другую дорогу. Ту, что из глубины веков, из еле различимого прошлого тянется в далекую даль времен будущих... Что там одно купе или один вагон — у нас судьба одна! Сегодняшний день собрал нас, как скорый поезд. Это ли не должно объединять?

Мелочами тут, правда, не отделаешься. И вежливостью одной не обойдешься. Тут нужны и великая доброта, и великая любовь, и терпение великое... Да ведь на то мы и люди! Вот мы какую-нибудь машину проектируем. Закладываем в нее десятикратный запас прочности. А разве в самих нас нет такого запаса? Наверняка есть. И не надо нам бояться душевных перегрузок. А то ведь как: мало того, что мы сами слишком быстро сдаемся обстоятельствам — с удивительной охотой других мы тоже настраиваем на поражение. Потеряв достоинство, тут же пытаемся лишить его остальных... Не великий ли это грех?

Мы успели всякого хлебнуть, это ясно. И многому знаем теперь истинную цену. С тем больше заботой мы должны бы что-то такое главное растолковать идущим за нами вслед... А мы их

вонючим нашим скепсисом — по ноздрям! И будь здоров. И, как хочешь, — так и живи...

Вот она чем, космическая наша философия, чревата: мы настолько заняты всеобщими проблемами, что на проявление конкретного добра нас просто не хватает. Подавай-ка нам высшую справедливость, и все дела! А что мы кому-то ненароком сделали больно или кого-то обидели?..

У меня тут в последнее время и дома становилось все хуже, и все дальше отходил от здешних своих товарищей. В этом положении особенно нуждаешься в участии, невольно ищешь его у знакомых, и я внимательней обычного присматривался теперь к людям и где-нибудь в троллейбусе, и просто на улице... Дубина стоеросовая! Я впервые стал понимать, что, едва взглянув друг на друга, мы уже как бы вступаем в отношения, что первый наш взгляд — это целая программа, и от того, как ты посмотрел, зависит и спокойствие тех, кто рядом с тобой, и настроение, и еще многое из того, что молниеносно заряжает атмосферу даже самого короткого человеческого общения... Я понял, что неприязнь может вспыхнуть так же внезапно, как приступ дружелюбия, что в наших силах что-то погасить, а чему-то дать разгореться, и от того, чему в себе дадим мы взвешать верх, в прямой зависимости находится, чего в нашем колеблющемся мире прибавится: ненависти или любви? Я понял, что каждый миг — хотим того или нет — мы что-то отдаем другим и что-то забираем у них сами и собственная ценность в общем-то заключается в способности безвозвратно поглощать холод и отдавать взамен только тепло.

Если мы договоримся исходить из этих моих заключений, попробуй себе представить, сколько настороженных, а то и откровенно враждебных взглядов ни за что достается этим длинноволосым мальчишкам! Подумай-подумай, что

тут на что влияет... Вовсе не хочу сказать, что мы, подсознательно чувствуя свою вину за недостаток внимания к ним, за неспособность подать достойный пример, с первоначальным подозрением щуримся: а что из них, действительно, выйдет? Я тебе о другом. О добром, возвышающем душу человеческом взгляде.

Может быть, оттого что у самого нет детей, у меня всегда было время подумать над тем, как их надо воспитывать, — ведь, когда они есть, времени на это, говорят, не остается. Откуда, часто раздумывал я, наши беды? Может, вся штука вот в чем: слишком уж велика разница между тем, что слышат наши мальчишки в школе и что потом за пределами школьного двора тут же преподносит им улица — и самом широком смысле...

И в жизни каждого маленького человека наступает момент, когда надо посадить его рядом и что-то умное и дружеское сказать ему: о том, что все вокруг не так просто. Что так было во все времена — иначе в жизни и не бывает. О том, что отсюда вовсе не следует, что все мы должны махнуть друг на друга рукой и жить кому как захочется. Как раз наоборот — каждый должен осознать, что от его личного достоинства зависит общая наша человеческая ценность...

Но тут я о другом.

Вот посадил ты рядом сына, положил ему руку на плечо... Где та мера, в пределах которой сказанное тобою будет и разумно, и справедливо? Как себе ее соблюсти? Ведь можно все перепутать, и те невзгоды, которые выпали тебе на долю из-за собственного твоего разгильдяйства, представить следствием пороков общественных. Я тут говорю об объективности по отношению к самому себе... Вот послушай!

Дело тебе хорошо знакомое — курсы повышения квалификации или что-либо такое еще, после чего ты должен побы-

стрей шевелить мозгами... А что, если бы существовала и другая какая-нибудь форма работы со специалистами нашего возраста, главной целью которой была бы забота о душе?

Часто ли мы вспоминаем о том, какими были мы в юности, какие обеты тогда давали и самому себе и другим? Только тогда, когда собираемся на двадцатипятилетие выпуска в школе? На двадцатилетие со дня окончания института?.. Приходим на встречу бодрячками и пускаем друг другу пыль в глаза. Выпили коньячку, повздыхали и мирненько так разошлись.

Понимаю, что это невозможно... Но что, если, предположим, на месяц-на полтора собрать бы весь курс и поселить в общежитии в тех же комнатах и в том же составе, как это было двадцать лет назад? И койки, которые уже некому занять, пусть бы оставались пустыми... Опять бы мы стали горячиться и спорить до рассвета? Опять бы стали строить планы истребления всеобщего зла и назначать конкретные сроки, когда окончательно и бесповоротно восторжествует святая истина? Ведь как мы думали раньше: все плохое, что есть на земле, исчезнет почти автоматически — стоит лишь нам дожить, стоит лишь дорасти... Но вот мы уже в том самом возрасте, когда очень многое зависит только от нас. А все, как шло, так и дальше идет себе своим чередом... Что же произошло? Или мы были тогда неопытны и слишком самонадеянны? Или стали теперь ленивы, и очень многое из того, что обещали когда-то и себе и друзьям своим, просто-напросто позабыли?

Вспомним ли теперь, когда опять соберемся вместе? Встрепенется душа? Забьется ли сердце? Или, обрадовавшись неожиданному отдыху, ночью мы станем отсыпаться, днем, убегая с лекций, простаивать в очередях за английскими лезвиями или французской пудрой, а все это наше лирическое меро-

приятие по очищению духа превратится в грандиозный симпозиум на тему, где что можно достать?

А ведь когда-то нас тоже могло бы ранить, если не размяли тушенку!

Два или три года назад, когда я еще не совсем потерял неру в то, что моя подруга жизни не научилась понимать меня окончательно, я подсунул ей «Былое и думы». Прочти ка, мол. Через несколько дней она говорит: да, спасибо тебе, — действительно, любопытно. Так быстро прочитала? А я, отвечает, в основном про «былое», а «думы» я пропускала...

Это я вовсе не для того, чтобы лишний раз осудить ее — бог с ней! Затем, чтобы яснее стала общая наша позиция — разве бывшая моя благоверная в этом своем нежелании позиться с «думами» одинока? Другое дело — тряпки, мебель, машины, дачи... Я ведь тоже стал потихоньку закисать — я это временами тоскливо чувствовал. А тут нахлынуло! В этом совсем не очень веселом показании для тебя одного я хоть и пытаюсь объяснить все как можно подробней, но разве восстановить картину водоворота, в котором я в ночь после суда над мальчишками буквально захлебывался? Куда только меня не швыряло! И первая наша стройка, да и вообще Сталегорск — они были, как островок, на котором можно найти спасение... Это там, на привокзальной скамейке я впервые вдруг отчетливо понял: не стройка нас предала лет восемь или десять назад — скорее мы предали стройку... Это — азбука, все конечно понятно: домен мы тогда понастроили, а с культбытом безбожно затянули — вот и поехали многие наши ребята искать, где руководство поумней, да где снабжение лучше. Оно понятно: сколько лет таскали глину на кирзачах — разве не хотелось, наконец, чтобы маленькая дочка с новеньким футляром для скрипки в руке пошла в музыкальную школу по асфальту!

Сколько жили мы тогда на одном энтузиазме? До первого чугуна, считай. Лет шесть. Но в жизни стройки, конечно, наступает пора, когда с уютом больше нельзя тянуть — потом уже будет поздно. И никуда тут не денешься, это так. И все же: не слишком ли нас обидел приезд вербованных и всех тех, кого прислали на стройку вслед за ними? Подумать здраво: не сворачивать же производство! А что оставалось, если добровольцы в то время уезжали со стройки пачками?..

Ты не подумай, нет, — я вовсе не осуждаю тех, кто уехал. Причина тут — какой-то общий наш недосмотр: страна в то время стала уже богаче, и где-то уже до архитектурных излишеств дошло, и где-то уже хватили через край, а мы все копались то в котловане, под конверторный, а то под прокатный, мы все держали сибирскую марку... Не потому ли многие из нас и очутились потом кто поближе к Москве, а кто и вовсе на юге, — как твой покорный слуга?..

Но я сейчас не об уехавших — о тех, кто на стройке остался. Сколько наших «старичков» потихоньку тянут лямку еще с палаток! И давай не будем больше ни о чем: они остались, а мы — уехали.

...У меня с собой были деньги, и билет до Сталегорска я купил ранним утром, как только открылись кассы.

Заглянул потом в парикмахерскую и пешком пошел в институт.

Наши почти все уже собрались. Хлудяков рассказывал новый анекдот, и меня вдруг поразило, что голос у него ровный и как всегда чуть насмешливый...

Я его тронул за плечо, и он обернулся. А знаешь, говорю ему, что мальчишки, которым дали вчера по два года — это те самые, которых мы тогда разыграли?

Думаешь, у него хоть что-нибудь в лице изменилось? Ни единый мускул не

дрогнул. Да? — говорит. — Ты мне открываешь глаза...

Рядом стоял Фильчук. Вдохнул, глядя на меня, и развел руками: Гречишкин Ваня, говорит, — в любимой роли правдоискателя!

И я вдруг понял, что оба они давно все знали, и что на суде Фильчук недаром сидел со мною рядом.

Но теперь они продолжали как ни в чем не бывало.

Хлудяков руку протянул и лоб у меня потрогал: «У мальчика жар...»

И тут я его ударил.

До сих пор вижу иногда, как один за другим валятся чертежные столы, как выскакивают из-за них наши девчонки...

Потом я написал заявление, отнес секретарше, а сам пошел в милицию. И три дня потом, которые у меня оставались до отъезда, мы еще распутывали эту историю и ставили все на свои места.

А потом я сел в поезд, и четверо суток проводницы не могли отодрать меня от окна.

Жилье получил на проспекте Первых Добровольцев. Можно было в районе получше, да потянуло, видно, на старые тропы...

Здесь, скажу я тебе, все как было. Вечером после смены по-прежнему не хватает воды. И колотун в квартирах, если подует с севера, точно такой же. Сижу на днях у Инокентьева Вити — поклон тебе от него! — вдруг он говорит: надевай-ка, мол, свои валенки. И шубу мне подает. Чего это ты меня, спрашиваю, выпроваживаешь? Почему, говорит, выпроваживаю? Просто пойдем в ту комнату, где телевизор, хоккей посмотрим...

Может быть, помнишь, работал у нас на участке сварщиком парнишка по фамилии Перваков. С ним еще история была: на отметке то ли десять, то ли пятнадцать резал по окружности стальной лист, а сам сидел в середине круга, и так увлекся, что загудел потом вниз

и повис на воздушке — его электрики снимать помогали, давали нам вышку, помнишь? Вот он теперь главный инженер управления. Сидели с ним вчера, кумекали, как провести хитрый один подъем. До этого трест уже договорился с вертолетчиками — они тут раза два или три крепко выручили монтажников. Ты, действительно, представь: действующая, со всеми своими потрохами домна — та самая, наша первая, а совсем рядом с ней, в тесноте невообразимой — новая печка, по мощности чуть не в три раза больше. Старую потом погасят, и мы ее быстренько разберем, а вместо нее надвинем на пенек эту новую. Идея не наша, на других заводах это уже играли, но надвижка такой большой печки и в такой срок — это, и в самом деле, впервые, тут поломать голову придется. Вот и пришла мне одна занятная мысль — как на этот раз обойтись без авиации. Посидели с Перваковым, просчитали еще раз, он и сам подписал, и уговорил трестовских специалистов —

завтра утром начнем подъем. Нарочно выбрали воскресенье: если уж загремит, так чтобы нишу — никого...

Надеюсь, правда, обойдется без этого. Только вот уснуть что-то не могу. Слонялся сперва из угла в угол по холостяцкой своей квартире, а потом сел за это письмо. И не думай, что главная моя цель — это между прочим сообщить тебе, что мне нужен толковый прораб... Дело не в этом. Честно говоря, я и сам боюсь, что попытка повторить молодость — штука довольно рискованная. По крайней мере, до этого я всегда мог сказать себе в грустную минуту: А что? Плюну на все да уеду в Сибирь! Это оставалось всегда, как запасной вариант. Грело спину. Так же, как у тебя сейчас, а ?..

И тем не менее, толковый прораб и действительно очень нужен. Разумеется, с перспективой.

Черкни по этому поводу.

Твой Гречишкин Иван».

МОСКВА — НОВОКУЗНЕЦК

Олег Павловский

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ...

РАССКАЗ

1

И стало Варваре вдруг жалко себя. Так жаль, что не будь рядом Ивана, мужа ее, распласталась бы прямо на мокром холодном песке и взвыла б с потягом в голосе, словно на похоронах самого дорогого, близкого человека. Она не могла ни понять, ни осознать внезапности этого нахлынувшего на нее тягостного ощущения, а тем более уловить причину, ниточку хотя бы тонюсенькую, за которую потянуть можно, чтоб потом весь клубок разматывать. Нашло — и все! Так тучка, случается, набегает на чистое белесое небо.

— Ты чего, Варя? — встревоженно спросил Иван.

— А чего? — Она удивилась его вопросу более, нежели своему состоянию. Ничем вроде бы себя не выдала — ни словом, ни взглядом, разве что замерла на мгновение, но тут же и совладала с собой.

— Сказать будто что-то хотела.

— Не-е.

— Видать, поместилось.

И эту, вторую, сеть забил проклятуший окунь. Суцая беда вытаскивать его из ячеи, заостеневшего, с острыми колючими плавниками. Все руки изранишь, никакие рукавицы не спасут. Да и неудобно работать в рукавицах. И было б ради чего стараться, а так — лишь бы сеть освободить от этой заразы. Промхоз окуня берет неохотно, к тому ж и платит по семь копеек за килограмм.

Да не просто — взять так-то и на склад. Не-ет, вынотроши его, посоли, тогда лишь... Ну кто ж за такую цену возиться с ним станет! Одна соль дороже обойдется. И тара... Забьешь бочки окунем, а вдруг хариус пойдет — куда девать? Промхозу окунь тоже не выгоден. Не машинами — самолетами рыбу отсюда вывозят. Дороговато этот хищник обходится. А что в нем, соленом, хорошего? Ни вкуса, ни сытости. Пожуеть да выплюнет — глотать не захочется. Хариус — дело другое. Он и в засоле нежен, и с чем угодно идет — хоть с хлебом, хоть с горячей картошкой. За хариуса — пятьдесят пять копеек. И из сети вынимать, и чистить его — одно удовольствие. Красивая рыба, королевская! Когда-то полные сети отборного хариуса вытаскивали, а вот уж который год все меньше и меньше его становится. Вконец извел его всеядный хищник, которого прежде вроде б здесь и не водилось. Икру сжирает, мальков ловит, при случае и сеголетками не побрезгует, вон пастища-то какая...

— Отдохни, Варя, — сказал Иван. — Я уж и сам приморился.

— И то... — Варвара с удовольствием распрямилась, потерла поясницу, постояла так немного, села рядом с Иваном на толстое, с незапамятных лет лежащее здесь бревно.

Их было двое на всем этом неоглядном пространстве. Их давно уже было только двое. Последним из двадцати трех семей, живших по берегам озера, покинул эти места, захоро-

нив мать, Пашка Колыванов. Его изба стояла на том берегу, на крутояре, посреди высокого кедровника. Ловок и удачлив в рыбалке был Пашка. По два с лишним плана давал. Один управлялся с тремя двадцатиметровыми сетями, никого не хотел брать себе в напарники. Сам и рыбу солил, сам и бочки стокилограммовые вроде бы шутя на тракторные сани вкатывал и так же шутя грозился свернуть когда-нибудь Ивану шею, потому как сизмальства любил Варвару, а она, дура, выскочила за приезжего, неизвестно чем покорившего ее мужичонку, невысокого, вертлявого, шумливого, да еще и с крупным недостатком после ранения. Поначалу, конечно, никто на озере об этом не знал, кроме разве самой Варвары, а потом, в праздник какой-то всеобщий Иван, вообще любивший трепать языком, взял да все под пьяным угаром сам и выболтал.

Воевал Иван, по его словам, отменно. Кабы грамотешки поболее, не четыре класса с половиной, так определенно в командиры бы выбился. Но грамотешка, опять-таки по его словам, подвела.

Родился и вырос Иван на ставропольщине, казаком себя считал. Коня запрягать с малых лет научился, а на учебу в школе смотрел, как на тягостную и никчемную обязанность. Лишь тринадцать годков минуло, так и бросил школу на половине, стал родителям помогать на колхозном поле. А тут вскоре и война. Отца взяли на фронт в первые же дни, а через полгода пришла похоронка. Ну, как плакали, себя измощдая, мать и сестренка, как сам он пережил утрату отца, об этом что говорить — каждому это знакомо, нет такой русской семьи, чтоб мимо нее горе прошло. Когда же немцы придвинулись к северному Кавказу, ушел на войну и Иван. Семнадцать лет ему было в то время.

В пехоте солдат нетронутым недолго воюет. Во втором, третьем бою его обязательно осколок или пуля достанет. Кого лишь царапнет, кому мяса кусок вырвет, руку или ногу отсечет, а кого и совсем... Ивана ж будто кто заговорил от беды. За спины товарищей не прятался, за кустики без нужды не хоронил-

ся, а из боя выходил живым и невредимым. Но до поры. В Польше, перед самой уже германской границей попал Иван в госпиталь не с таким уж тяжелым, но очень неприличным ранением. При случае и близким друзьям такой раной не похвастаешься.

Накануне выписки из госпиталя хирург, который операцию делал, звал Ивана к себе в кабинет, усматривая медсестру, спросил:

— Ну, как настроение, солдат?

— Боевое, товарищ военврач!

— Это хорошо. Только воевать тебе уж вряд ли придется. Сейчас домой отдыхать поедешь, а месяца через три война паверняка закончится, если не раньше.

— Раньше, товарищ военврач, — уверенно сказал Иван.

Хирург протянул ему открытый портсигар с папиросами:

— Кури.

— Не приучен, товарищ военврач.

— Молодец! — похвалил его хирург. — Привычка, должен тебе сказать, скверная. Как в общем большинство привычек. Ну, а тебе к одной... мысли, что ли... привыкать поневоле придется...

Иван насторожился, подавшись вперед всем телом. По сердцу прошел и закрепился незнакомый холодок. Он догадался, о чем хочет сказать ему хирург, сам постоянно думал об этом, страдал и нереживал, даже поганая трусливая мыслишка о самоубийстве не раз приходила в голову: для чего жить, если ты, молодой и здоровый, лишен самого что ни есть мужского... Сам порывался спросить об этом, но боялся ответа. Так хоть лишь сомнение, хоть надеждишка теплится, а коль врач подтвердит догадку — тогда что? Пулю в лоб?

— Нет-нет, не переживай, — поспешил успокоить Ивана хирург, — с этим у тебя все в порядке, отбоя не будет от девушек. А вот детей... — хирург развел руки, прицокнул сожалючи. — Тут уж придется смириться. Я к тому говорю об этом, чтоб к будущей жене (ты никаких претензий не предъявлял, не обвинял ее в бесплодности. Или ты женат?

— Да нет, не успел. — У Ивана отлегло от сердца, заулыбался даже.

— Ну и просто еще один совет, по-человечески: ты об этом свою невесту еще до свадьбы в известность поставь. Стесняться тут нечего. Хуже, если потом по этой причине раздоры пойдут в семье. Понял меня?

Понял, товарищ военврач! Спасибо!

— Не за что. Сделал, что смог. Счастливого тебе возвращения домой!

Но домой, на ставропольщину, Иван не захотел возвращаться. В старых казачьих семьях бездетная семья все одно что конец обрубленный. И рожают там бабы не без крика, конечно, но с удовольствием, радостью, оттого и бедристы все, грудасты, кровь с молоком. А не рожаючи девка захиреет, и мужика, и жизнь свою прокляпёт. Нет, ни к чему даже и на глаза в станицу показываться, напишет лишь матери, придумает что-нибудь. Уж потом будет видно, а пока подальше от людей, к черту на кулички, в тишину...

За два с лишним года на передовой Иван привык к шуму и грохоту, к взрывам и разрывам, свисту пуль, гулу самолетов, подчас и не замечал всего этого, но иногда находили минуты, когда больше всего на свете хотелось тишины, мягкой и убаюкивающей. Опрокинуться, скажем, на спину в степи, заложить руки за голову и слушать, слушать бесконечные легенды седого ковыля под звенящую трель жаворонка. Или зарыться в пахучее сено, зная, что никто не потревожит тебя, не разбудит, не поднимет в атаку.

Кто знает, куда бы направил свои стопы Иван, если бы не тувинец Мерген, снайпер, случайно задетый осколком разорвавшегося снаряда. Он лежал в одной палате с Иваном и при любом удобном случае встречал в разговор, и, захлебываясь от восторга, говорил о своей Туве, и звучали в его речи незнакомые, непонятные, но манящие своей неизвестностью названия городов, поселков, рек и озер: Кызыл, Шагонар, Ваян-Кол, Систиг-Хем, Чаа-Холь, Азас...

— Где ж это твоя Тува находится? — спрашивали раненые Мергена.

Мерген взмахивал руками, прищипывал языком, прищуривал и без того узкие щелочки глаз.

— Ай-ай-ай! Школа плохой ученик был. Карту не знал. Учитель тебе плохо ставил, да?.. Азия знаешь? Тува — самый центр Азии. Кызыл знаешь? Столица Тува. В Кызыл есть... как это?... камень такой... Он самый центр Азии стоит. Нигде такой больше нет. Только Тува есть.

— А что еще в твоей Туве есть?

— Вер есть. Горы есть, тайга есть, олень, белка, соболь есть. Речка много, рыба много. Ты такой рыба не видал. Таймень называется. Сто килограмм есть таймень. Кушан — ох вкусно! У тайменя младший брат есть, хариус зовут. Мясо нежный, мягкий, как девушка.

При упоминании о девушке палата смеялась, и разговор сразу менял русло.

Ивану Мерген нравились. Доверчивостью своей, наивностью. И потому еще, что стрелял метко. Тридцать восемь францев было уже на его счету.

— А русские-то в твоей Туве живут? — поинтересовался как-то Иван.

— Русский много живет. Я там язык учил. Русский охотник плохой охотник. Шкурка портит. Глаз попадай не может. Русский рыба хорошо ловит. Много рыба ловит. Еще орех собирай. Много орех собирай, много деньги получай. Тувинна гуляй, олень ходи. Русский места сиди...

2

Расслабившись, опустив руки меж колен, Барвара смотрела на водную гладь успокоенно, без всяких особых мыслей, отдыхая телом, но все еще ощущая то внезапно пришедшее к ней чувство какой-то никогда прежде не испытываемой беспомощности, неприкаянности, неудовлетворенности собой и своей жизнью.

Она родилась и выросла у этого озера, здесь схоронила отца, мать, а потом и брата, заплутавшего в зимнюю метель и замерзшего в какой-нибудь полсотне шагов от дома. Она с детства никого и ничего не боялась, стреляла не хуже любого охотника, ходила с мужиками на медведя, тонула не раз и выплывала

без страха и крика о помощи. А вот тогда, при виде скрюченного, заметенного снегом тела брата ей впервые стало страшно. Смерть старых родителей была естественной и понятной, здесь косая свалила молодого, не вкусившего еще настоящей жизни парня, родную кровиночку, и Варвара никак не могла смириться с такой несправедливостью. Она долго приходила в себя, пока снова, благодаря, быть может, больше всего Ивану, обрела прежнюю веру в жизнь, в удачу, в собственные силы.

Иван возник на ее пути пришельцем из иного, не познанного ею в близости мира, о котором знала лишь понаслышке из рассказов, книг да школьных учебников географии. Война почти не доносила сюда жестоких своих голосов, и появление молодого парня в солдатском обмундировании с боевыми медалями и гвардейским значком на ладно пригнанной гимнастерке произвело на озере впечатление куда большее, чем если бы однажды пришлось увидеть гребущего на лодке медведя. Ко всему Иван оказался весельчаком, песенником, заводилой на праздниках, и все местные парни отошли для девочек на задний план. Наверняка плохо пришлось бы от этих самых парней Ивану, если бы он и с ними не нашел общего языка, не отказываясь ни от стакана крепчайшего самогона, ни от соревнований в стрельбе по гривеннику, отделиваясь от довольно прозрачных намеков шуточками да прибаутками.

Ну, а если говорить прямо, то побаивались таежные парни пришедшего с войны солдата. Только Пашка Колыванов, заметив, что Иван начал приударивать за Варварой, не выдержал, предложил померяться силами. Здесь, на озере, тогда свои законы ходили. За девушку, если она двоим любя, дрались, как лоси в весеннюю пору, и слабый должен был отступить, не тая в будущем обиды и злости на победителя.

Догадывалась Варвара, что рано или поздно сойдутся из-за нее врукопашную парни, и тот, кто окажется поверженным, не подойдет уже больше к ней на танцевальном пятачке возле Прохоровой избы, не станет ждать

за ольховым логом, чтоб длинной околной тропой проводить до дому. Зато от победившего жди со дня на день сватов. Таковы уж неписанные озерные правила.

Ей, семнадцатилетней тогда девчонке, нравились оба, и сама она не могла сказать твердо, к кому ближе лежало сердце. Пашка строговат, не очень то, как все местные парни, разговорчив, зато хозяйствен, работающ, дружбу водит не с кем понало, за его спиной всю жизнь припеваючи прожить можно. Иван же — полная ему противоположность: весел, беззаботен, о завтрашнем дне не подумает, все ему в раскиданном по берегам озера поселке друзья-товарищи, независимо от возраста и положения, и в каждом доме он желанный гость, хотя своей избы не имеет и неизвестно, будет ли иметь когда. Отец Варвары говорил про Ивана так: «С ним только самогон пить да песни петь хорошо, а по правде — дрянцо мужик, жизни в нем настоящей нету, из трухлявой пеньки свит».

Победил, однако, в схватке Иван. Варвара сразу же поняла это по мрачному виду Пашки, который на очередном субботнем пятачке не подошел к ней, как обычно, а встал с другими парнями в стороне, молча и сосредоточенно глядя на огонь костра, словно пытаясь в жарких его языках угадать дальнейшую свою судьбу. Зато Иван вывел ее в круг с какой-то особой, вроде бы прежде ему не свойственной гордостью, при провожании говорил ласковые и нежные слова, называл зоренькой и укорачивал шаг, продлевая минуты приближающегося расставания, но тискать, как это позволял себе Пашка, не пытался даже, и было это особенно приятно Варваре.

Много позже, на третий или четвертый год после свадьбы, подвыпивший Иван со смехом, — к слову как-то пришлось, — рассказывал ей о драке.

— Особой-то драки между нами, можно сказать, и не было. Я ему, дураку, говорю: ну, что мы, Пашка, звери, что ли? Да и Варюха человек, а не самка, извини, в охоте. Давай, говорю, спросим ес, кто ей больше люб, а то, может, ни один из нас не по ду-

ше, зря мы тогда это самое... А он мне — бей, говорит. А мне смешно — с чего вдруг я его бить буду? Я драться-то никогда не любил, не в моем это характере, а тут вроде б надо ни за что ни про что взять и ударить человека. Ну, смех да и только... А он твердит: бей! Тогда я ему говорю: бей сам, если на то пошло. Пашка упрашивать себя не заставил, зил, видно, был на меня за тебя очень. Кулак у него, сама знаешь, моего покрепче, поувесистее, да и ростом он, статью своей аж куда переплюнул. Только не рассчитал, что я попорчей его, увернулся я от первого удара. Пашка от того еще более обозлился, тараном пошел на меня. И в глазах его такой, знаешь, нехороший огонь загорелся — испепелить готов да и только. Ах ты, зараза, думаю, ведь тебе сейчас пож или железку какую в руки — убьешь и в сторону сплунешь. Поначалу, признаюсь тебе, хотел уже было сгнать в кусты, да удержался. За родину мы ни крови, ни жизни на фронте не жалели, так отчего, думаю, за жизнь свою будущую, за любовь к тебе не постоять... И вот это самое соображение-то и придало мне силы и уверенности. Пока Пашка, значит, примеривался, как и куда меня покрепче садануть, я ему снизу по скуле и врезал. Он, видать, этого никак не ожидал, не устоял на ногах и рухнул. Ну я, сама понимаешь, не стал дожидаться, пока он поднимется да вновь на меня пойдет. Вспомнилось, как мы однажды «языка» брали, — пришлось и таким делом заниматься на фронте, — и не успел Пашка шевельнуться, как сел я ему на спину и руки вывернул. Пашка взвыл: лежачего не бьют. А я говорю: я тебя и не бью вовсе, я сейчас тебя землю жрать заставляю, чтоб ты, значит, больше на Варьку зенки не паял. Не я тебя сюда звал, не я первый ударил, вот и знай, почему мы и немца свалили, капитуляцию подписать заставили, полную и безоговорочную.

— Отпусти! — молит Пашка. И чувствую, нет в его голосе прежней злобы, по-хорошему просит. Ладно, говорю, отпущу, только ты мне прежде слово дай, что никогда к Варьке приставать не будешь. Твоя взяла! Это Паш-

ка мне говорит. А слово даешь? Даю, говорит. Только и ты, говорит, слово дай, что не скажешь никому, что меня с ног сбил. Мне-то что! Хорошо, говорю, не скажу... Тебе вот сейчас первой...

Иван не знает того — не сдержал Пашка данного ему слова. Не раз и не два подстерегал он Варвару и до свадьбы ее с Иваном и после, умолял, чуть на колени не становился, упрямивал ее бросить Ивана, однажды даже спасилинничать пытался, только ничего у него не вышло, верность мужу Варвара блюла тоже по неписаным озерным законам.

А потом Пашка уехал. Долго о нем ничего не слыхали, после говорили, что будто бы оженился он в Кызыле, дом новый поставил, моторную лодку купил, живет не горюет. Слухи эти Варвару никак не трогали и зависти в ней не возбуждали.

Она и представить себе не могла, как жила бы без этого озера с его штормами в осеннюю непогоду, с его гладью и тихий солнечный день, когда в него можно смотреться, как в зеркало, без озера, которое вскормило и вспоило ее, дало силы, здоровье, научило владеть собой и не бояться опасностей.

Она, может, ни городов, ни деревень других в жизни не повидала бы, если б Иван после долгих и многолетних уговоров чуть ли не силком втолкнул ее в самолет, чтоб она хоть месячишко пожила и на его родине. И может, так и не согласилась бы она на ту поездку, если б не чувствовала чутким сердцем своим, как тоскует Иван по своей степи. Да и то в расчет взяла — человек с войны родной матери не видал, а той уже седьмой десяток пошел, мало ли...

Ничего доброго Варвара из того утомительного и бездеятельного путешествия не вынесла. Чудес, конечно, насмотрелась всяких, особо в Москве за десять часов от самолета до самолета: и на такси каталась, и в метро, на Кремль поглядела, по Красной площади прошлась, в ГУМ заглянула, да тут же и поволокла Ивана назад, к выходу — толчеи той несусветной испугалась. И никак понять не могла, как тут живут люди в многоэтажных каменных коробках в суматохе вечной, оче-

редях, сутолоке. В столовой, чтоб пообедать, и то пришлось час выстоять у раздачи. До этого и ведать не ведала, что такое головная боль, а тут к вечеру, еще до посадки в самолет, так голову разломило, хоть криком кричи. Бортпроводница дала потом каких-то таблеток, чуток полегчало.

В Александровском, в родном селе Ивана, встретили их с достоинством, как желанных и почетных гостей, и тяжелые дорожные впечатления сгладились, затмилились лаской и добросердечностью свекрови. Но и здешняя жизнь не пришлась по душе Варваре. Ни леса, ни ягодников, ни воды стоящей — лишь самодельный пруд с тощим кустарничком по левому берегу.

Как-то задумала она заделать уху, — уха у Варвары всегда получалась отменная, — пошла в сельмаг, купила какого-то хека, никакой другой рыбы не было, ну и не уха вышла — стыдобушка. Свекровь ела да нахваливала, а Варвара краской заливалась, сама одну ложку с трудом проглотила, выплюнуть постеснялась на людях. «— Нет, Ваня, — сказала вечером мужу, — не могу я тут больше. Ты как хочешь, а я не могу». Ивану должность хорошую предлагали в колхозе, дом пообещали новый, если в родительском жить не захочет, да и для нее нашлась бы работа, заработки в крестьянстве неплохие стали, но Варвара от здешнего житья наотрез отказалась. Нойон-холь звал ее к себе, требовал, манил, соблазнял во снах суровой своей красотой. Видала, понимала Варвара — пеленко Ивану вновь расставаться с родными ему стенами, но и себя переломить не могла.

— Ну что мы там, Варя, совсем почти без людей? Никого ведь на озере уже не осталось, — пробовал уговаривать ее Иван. — Что ж мы с тобой, так вдвоем куковать и будем?

— А вдвоем разве плохо?

Ну, как знаешь... — так и не ответил на ее вопрос Иван. — Вдвоем так вдвоем...

3

Пора бы и подниматься уже, не время расшиваться, надо освободить сети, пока совсем не заостенела в них уснувшая рыба,

но тело, налитое непривычной тяжестью, пристыло, казалось, к бренту, и почему-то не хотелось прилагать никаких усилий, чтобы поднять его, заставить работать, двигаться.

«Да уж не старость ли втихую подкралась, разом убавила силы, забралась невидимо в душу, точить ее начала? ужаснулась про себя Варвара. Ужаснулась и тут же подумала, что ужасаться-то особо и нечего, так оно наверное и есть, не восемнадцать годков, осенью все сорок пять стукнет-отбрыкает. А для чего, зачем они ей отпущены были? Что она после себя оставит, когда в землю сойдет? Даже природой предназначенного материнского счастья не испытала. Природе мужика всю жизнь прожила. Иван тоже в том, конечно, не виноват. Не он — война отняла у нее это счастье.

Темной беззвездной ночью, стыдясь своих слов, сбиваясь и путаясь, еще до того как назвать ее своей суженой, поведал Иван Варваре о ранении и разговоре с госпитальным хирургом. Она краснела, слушая о таком, радовалась беспроглядности ночи и думала по девической своей наивности, что судьба даже благоволит ей, избавляя от мук, которые претерпевает женщина при рождении ребенка. А теперь, кажется, и жизнь отдала бы, чтоб только испытать эти наверняка сладостные муки.

Потянувший из долины ветер взрыбил воду, и озеро стало похожим на огромную, с крупной чешуей рыбину. Лежавший возле Ивановых ног старый и мудрый пес Нойон, названный так в честь озера, лениво приподнял голову, взглянул на хозяев: собираетесь, дескать, работать или до вечера прохлаждаться будете? — и снова закрыл глаза. Его уделом была охота. Его время наступало, когда хозяин или хозяйка брали в руки ружье. Тогда с Нойона моментом слетала сонливость, он молодел, пружинился, и чуткий на запахи его нос словно бы обострялся, вытягиваясь вперед.

— Старая я стала, Ваня? — спросила Варвара.

Иван обеспокоенно вглядывался вдаль, где над Тора-Хемским перевалом плавали тяжелые облака. Намертво и бесприсветно, казалось,

затянули они перевал с острыми пиками скалистых гор. Третий месяц из-за них не летали в ближайший поселок Хамсару самолеты. Третий месяц не видел Иван людей с большой земли, тосковал по спиртному, которое давно иссякло на складе поселкового магазинчика, по веселым анекдотам и всяческим новостям-слухам.

На вопрос Варвары Иван обернулся, посмотрел на нее озадаченно — не ослышался ли, потом рассмеялся: «Да уж куда старше еще», обнял, притянул к себе, прошепел, слегка переделав, старую частушку:

Шел я лесом, шел тайгой,
Енисеем плыл рекой.
Енисеем плыл рекой
К старушонке дорогой.

А допев, с озорным, всегда легко вспыхивающим в его глазах огоньком, запрокинулся на спину, и Варвара — только ноги мелькнули в воздухе — вмиг оказалась вместе с ним на земле.

— А вот сейчас мы и проверим, какая ты у меня старушка, — хохотнул Иван.

Варвара вывернулась из-под него, вскочила на ноги.

— Рехнулся? Ночи тебе не хватает?

— С тобой-то?.. Да мне всей жизни не хватит. Помирать буду — с собой позволю. Нойдешь?

— Очень мне надо с тобой помирать! Я еще жить хочу, — Варвара отряхнула приставшую к одежде прошлогоднюю сухую траву и пошла к сетям.

— Да я ж так, к слову... Ты что — обиделась?

— Вот еще!

— А я по правде тебе скажу, Варя... Вот пришла бы мне, скажем, пора помирать...

— Тыфу, дурень! — Варвара суеверно махнула рукой перед лицом, словно что-то от него отогнала. — Силюнь сейчас же...

— Ладно, сплуну. Мне это ничего не стоит... Я ведь к чему это говорю... Пришла б мне пора сейчас помирать... Да не таращись, все там будем рано или поздно... И вот спросил бы меня неважно кто: «А доволен ли ты, Иван, своей прожитой жизнью или хотел бы,

чтоб она у тебя на другой манер была повернута?» И я б ответил: «Доволен. И никакого другого манера мне не надо. Только мало мы все же с Варьухой моей целовались-миловались. Нам бы еще так годочков двести. И чтоб само собой по той, значит, части все было в порядке, не рачки ползать». Ты как — не возражала бы?

— Трепач ты. Ну как с молоду был трепачом, так и досель не образумишься. Помогай лучше рыбу выбирать.

— Рыба! Была бы рыба... Чтоб в засол, а не в яму. Надо б что-то против этого хищника волосатого придумать.

— И думал бы, чем пустое молотить.

Над перевалом среди облаков обозначился просвет, и в нем ясно стали видны заснеженные вершины гор.

— Варь, глянь-ка, Иван показал рукой в сторону просвета, и глаза его при этом масляно заблестели. Прилетит, ей-бо, прилетит...

— Ну и прилетит тебе-то что?

— Так ведь встретить надо.

— Кого?

— Самолет.

— А тебя что начальником площадки назначили? Самолет ему встретить! Велика шишка! Без тебя сядет и улетит без тебя.

— Так-то оно так, да все-таки... Последний-то когда прилетал? Вспомни... Аж в конце февраля. А сейчас уже май, двадцать второе.

— Двадцать третье, — поправила Варвара.

— Вот, тем более.

— Ну и что! Теперь целое лето верещать будут. Эка невидаль! Вот когда в пятьдесят четвертом на самом деле первый самолет прилетел, тогда и я, если помнишь, на площадку бегала, ахала да охала. А ты еще на войне самолетов всяких насмотрелся.

— Войну не поминай, ну ее к черту...

— Так ведь не война — мы бы с тобой и слыхом друг о дружке не слыхали.

— Это верно, — сказал Иван и тут же, без всякого перехода, повернул: — Пожалуй, уж вылетел из Кызыла, не успеть добежать.

— Да откуда тебе знать, что вылетел? На прошлой неделе тоже вот — вылетел, вылетел,

а зря и пробежал. Еще, может, и не прилетит вовсе.

— Прилетит. Сегодня обязательно прилетит, — уверенно сказал Иван. — У меня с утра еще в ухе звенело.

Разговор этот с некоторыми вариациями повторялся из года в год при ожидании первого весеннего самолета, и заканчивался он всегда тем, что Иван-таки бежал на площадку, а Варвара оставалась на озере гадать, вернется Иван ввечеру или заночует в поселке. Однако похожий на детскую игру в поддавки разговор этот правился им обоим, и они совсем не помнили, что о том же говорили и спорили и в прошлый раз.

— Так я, Варя, пойду, — Иван в конце концов прятал виноватое лицо, ставя таким образом точку на пустопорожний обмен мнениями, и начинал собираться.

— Так я, Варя, пойду, — сказал он и сейчас, когда просвет в облаках не затянулся полностью, а, наоборот, расширился, не оставив сомнений, что сегодня-таки самолет и верно прилетит.

— Иди, коль ног не жаль, — почти безразличным тоном сказала Варвара.

— А чего их жалеть! — весело откликнулся Иван. — Ноги человеку затем и дадены, чтоб ими, значит, землю топтать.

Пойон, догадавшись, чем закончился разговор, без призыва бодро вскочил, размялся, как бы вприсядку obeжав хозяина, и уже ни на шаг не отходил от Ивана. Так и скрылись они в подлеске.

Оставшись одна, Варвара втянулась в работу и подняла голову лишь тогда, когда услышала едва различимый рокот самолета. Она быстро отыскала глазами темную точку и не отпускала ее, пока та не обрела знакомые очертания. Над краем озера самолет развернулся и нырнул в зеленую таежную гущу. И тогда снова давящей усталостью навалилась на нее тоска, сеть выпала из рук и запутавшийся в ней окунь-горбач с разинутой пастью словно бы закричал от причиненной ему боли. Варвара нагнулась, вывела его, оцетинившегося колючими плавниками, подержала на ладони, будто взвешивая, и

бросила вслед за остальными его сородичами в яму, вырытую тут же, на берегу.

Теперь бы зарыть яму, пока не налетела мухота, просушить сети, но не лежали уже больше ни к чему руки, не хотелось ни двигаться, ни утруждаться ничем, хотя дело не ждало — Иван теперь, может, и до завтрашнего дня не вернется, заночует в поселке, такое нередко случается, особенно если липного прихватит, разговенившись после длительного невольного воздержания. И не так уж трудно, наверное, было бы Варваре пересилить себя, превозмочь чудную эту и непонятную усталость, но в самом ее ощущении было для Варвары что-то новое, неиспытанное, и потому она не стала ни отгонять, ни преодолевать эти ощущения, отдавшись в их полную власть, но-бабьи, как бы с головой в омут, испытывая при этом горькую мучительную сладость, тягучую, как патока.

Озеро лежало у ее ног безмолвно и послушно, как собака, и чем-то походило на всю ее жизнь, без бурных всплесков, без особых радостей и щемящих страданий. Варвара склонилась к нему, ожглась ледяной водой, ополаскивая руки от рыбьей слизи, и побрела к избушке, стоявшей на взгорке в окружении сумрачных елей, строгими, неприветливыми сторожами, оберегающими ее покой.

В небольшом дворике под единственной состарившейся уже березой, посаженной по приезде сюда отцом Варвары, стояла широкая лежанка. Лежанку смастерил Иван для себя, чтобы подремать в свое удовольствие в жаркое послеобеденное время, поразмышлять, как он говорил, о праведной жизни или же просто повалаться со свежим номером «Огонька», который добирался сюда не раньше чем через месяц со дня выхода. Варвара смеялась над ним, называла лодырем, бездельником, барином, карасем почему-то, сама же всегда находила себе работу и не помнила случая, чтобы подобно Ивану разлеглась она в ленивом безделье. А сейчас вот, как вошла во двор, так и рухнула на лежанку, будто ждала этой возможности много-много лет. Глянула сквозь березовую, не в полную силу еще распустившуюся листву на белесое небо, и то смутное, неясное чувство тревоги словно испарилось, на

душе стало покойно и лишь саднило в ладонях от уколов о костистые окуневые плавники.

4

Варвара не могла бы сказать, спала ли она, просто ли в одурманивающем забытьи лежала под веселым пригревающим солнцем, но только очнувшись, не открывая еще глаз, она вновь ощутила наплывающую к сердцу тоску и подумала почему-то, не случилось бы что с Иваном, хотя прежде подобные мысли никогда и в голову не приходили. И тогда к тоске прибавился страх, и почудилось Варваре, будто кто-то смотрит сейчас на нее пристально, подслушивает все ее думки, такие несобранные и беспокоящие, хочет что-то сказать, но ждет ее пробуждения.

Варвара разомкнула веки и вскрикнула, будто внезапно ужаленная осой, заслонилась рукой, как от удара, и пришла в себя лишь услышав густой, тоже немного как бы испуганный, но самодовольный голос.

— Ну чего ты? Спужалась со сна? Иль не узнала?

Перед ней, сбочь лежанки, стоял Павел Колыванов. Она узнала его сразу, по одному лишь взгляду, влюбленно и страстно устремленному на нее, потому и вскрикнула, словно увидела явившееся с того света привидение.

— Господи, да откуда ж ты взялся?! — Варвара спустила с лежанки ноги.

— С неба. Откуда ж еще... — сказал Павел и протянул к ней обе руки: — Здравствуй, Варя...

Варвара неловко ткнула ему ладонь, и он, крепко ее стиснув, задержал в огромных своих ручищах.

— Ты и не изменилась ничуть. Будто вчера только видел.

— Полно уж... — Варвара вспыхнула против воли, вытянула ладонь из его рук, потрясла ею, будто прищепила. — Чуть не сломал, медведь... Соскучился по озеру-то?

— По тебе я соскучился, Варя.

— Ивана встретил? — Пропустила она мимо ушей его признание.

— Видал. Он там туристам сказочки рас-

сказывает, сто грамм выжимает. Может, и поднесут, — язвительно, с пренебрежением сказал Павел, и почудилась Варваре в этой его иронии неподдельная зависть к Ивану. Она рассмеялась.

— Чего ты?

— Так... Весело стало.

Павел, на нее глядя, улыбнулся тоже.

— Но правде, не очень-то я надеялся тебя увидеть. Доходили разговоры, будто вы с Иваном в Еврону уезжали. Там, думаю, и остались. А как Ивана-то на площадке приметил — отлегло от сердца, напрямик сюда.

— Не заплутал?

— Не смейся. Присесть можно?

— Садись, чего там...

Солнце уже припекало во всю. Молодые клейкие листья березы откровенно нежались в его лучах. Или и те ожили, приободрились, согнали сумрак с лица, и озерная гладь сквозь них светилась ярко и слепяще.

— Зачем приехал-то? — спросила Варвара после неловкого молчания.

— За тобой.

— Не дури. Я ж по правде.

— Вот по правде-то за тобой и приехал. А еще пошпишкарить надумали. Говорят, прошлогодняя кедра богатой была. Если не врут, то по тыще за две недели возьмем на брата.

— Кто ж орех вывезет?

— Договоримся, найдутся охотники. За деньги-то...

— А ты тож не изменился нисколько. Все богатеешь.

— Да не бедствую. Дом в Кызыле, может, слыхала, отгрохал каменный на шесть комнат, моторка есть, машину купил — «Москвич», телевизор, конечно, прочее... Ну и на черный день припасец есть какой-никакой. Не сразу далось, все своим горбом, этими вот... — Павел развернул перед ней большие, в мозолях, огрубевые ладони. — На Севере вкалывал, на лесоразработках — отсюда-то прямо туда и махнул... Потом золотишко мыл артельно, до Сахалина добрался, на нефтяных промыслах там работал, в море рыбаки звали, да не люблю я ту воду, когда и берега не видать.

Рассказывая, Павел будто любовался собой, будто со стороны на себя глядел, восхищаясь собственными достоинствами и удивляясь тому, что с ним за эти годы приключилось. И хотя тронула седина все еще густую его шевелюру, хотя прорезали лоб две глубокие морщины, обострился нос и губы венчали угрюмые складки, сохранилась в нем и молодечья силушка, и всегдашнее ухарство, и это вот неотъемлемое чувство превосходства над другими людьми. Если так вот просто их рядом с Иваном поставить, то любая баба предпочтение конечно же Павлу отдаст.

Павел словно бы ненароком положил руку на плечо Варвары, притянул ее к себе, спрыснул ласково:

— А ты все, значит, по-прежнему?

— Как видишь.

— Европа, выходит, не понравилась?

— Не понравилась.

— Чего ж так?

— Людно больно, суматошно. Да и серо как-то все, глазу не на чем отдохнуть.

— Скажешь тоже... — ухмыльнулся Павел, покачав головой. — Что ж тут хорошего? Хариуса и того окунь забил. Видел яму-то...

— Закидать бы ее... — вскинулась Варвара и встала. Рука Павла упала на серые, пеструганные доски лежанки.

— Погоди, успеешь, — Павел встал тоже и неожиданно для Варвары обнял ее, сжал, стал целовать, ища ее губы.

Варвара с трудом вырвалась, оттолкнула его, отбежала к избе.

— Сдурел?.. Силой все брать привык? Не сейчас бы тебе силу-то применить.

При последних ее словах Павел аж зубами скрежетнул, поняв намек, и сник, пробормотав:

— Не силой он меня одолел, приемом солдатским. А так я бы его...

— Товарищи-то, небось, ждут. Не один ведь за шишкой собрался, — сказала Варвара.

— Подождут, ничего им не сделается.

— С Иваном-то о чем говорил?

— А мы друг дружку и не заметили. Он враз к туристам прилип.

— А если придет сейчас — что ему скажешь?

— Да уж скажу — Павел сжал кулаки. — Э-эх!.. Ну что тебе и нем? Не мужик, не баба. Брось ты его, Варвара, уйдем со мной. Полной хозяйкой всего станешь. И дом на тебя отпишу, и машину куплю, чего только не пожелаешь...

— Не мила жена уже стала?

— Схоронил я ее в прошлом году. Дочка замуж вышла, уехала в Красноярск. Сына осенью в армию взяли. Один я сейчас, Варя, как есть один.

— Потому-то и вспомнил...

— Да не потому, не потому... Я тебя всегда здесь вот носил, — Павел хлопнул себя по груди. — Верь-не верь, а везде ты со мной была. И чего ты мне так в душу въелась, и посейчас не скажу. Вытравить пробовал, запивал даже — ничего не помогло. Прежде-то по молодости как думалось? Мало ль девок на свете, и получше сыщется. А я вот весь свет объехал и не сыскал. И женился-то так — от горечи. В одиночестве и волк воет. Жена у меня, прямо скажу, всем проде бы хороша была, а не любил я ее, как теперь понимаю. Жил как положено, не бил, не ругал — не за что ругать-то было, — а вот не любил...

Варвара слушала его затаенно, поражаясь не столько такому его признанию, сколько небывалому прежде многословию. Прежде-то два слова за час из него не вытянешь, а тут ну прямо-таки соловьем разливается. Может, и вправду любит?!

— Я ж не в сожительницы тебя зову — хоть сейчас пойдем распишемся, — продолжал Павел. — Тут ты ничего плохого не думай. Ну что тебе в этом медвежьем углу? Телевизора и того нету. Фуфайка вон вечная на тебе — разве она женщину красит? А годы-то, Варя, уходят, нас не спрашивают. Неужель тебе никогда по-человечески жить не хотелось?.. Не знаю, как там у вас с Иваном, и знать не хочу, только нет мне без тебя больше жизни. Сплю — и во сне тебя вижу. Нежу, ласкаю...

Павел уже не смотрел на нее, говорил, опустив голову, словно стесняясь своих слов, будто выплескиваемой наружу душевной боли стесняясь. И таким слабым, беспомощным показался он в этот момент Варваре, что она невольно шагнула к нему, протянула руку,

погладила жалостливо жесткие его волосы и тут же отшатнулась, почувствовав, как содрогнулось при этом ее прикосновении все тело Павла. Он поднял глаза, и Варвара увидела в них почти физическую боль и страдание. Он мог кинуться сейчас на нее, смять, раздавить, но тогда — и Павел наверняка понимал это, — она была бы потеряна для него навеки. Он мог и уйти по-хорошему, но тогда вынужден был бы признать себя вновь побежденным, а шел он сюда не за этим. И Варвара первой поспешила ему на помощь.

— Ты вот что, Паша... Иди... И себя не мучь, и меня. Не звери же мы и не дети. Мне же подумать надо. Столько лет прошло, не виделись, словом не обмолвились, и сразу-то... сразу-то разве что сказать можно?

Боль в глазах Павла постепенно исчезла, вместо нее засветилась надежда, робкая, недоречивая, но надежда.

— Ты, пожалуй, права... Подумать надо. Я-то все уже передумал. А ты... Да-да, тебе надо подумать, верно. Я, Варя, через две недели вернусь, не позже. И знай — я тебе правду говорил, все как есть. Нет без тебя мне жизни. Честно-то, не очень надеялся тебя здесь застать. А как Ивана увидел на площадке, так обо всем позабыл. Не помню, что и мужикам своим сказал, — сразу сюда, напрямиком, без дороги.

— Иди, Паша, иди... — сама не зная почему, торопила его Варвара. — У меня работы еще...

— Ра-боты! — брезгливо протянул Павел. — Только и всего. Обо мне ж и слова не скажешь. Дай хоть поцелую...

Варвара мотнула головой.

— Не надо, Паша. Иди...

Но лицу Павла холодной тенью метнулась тревога. Он подумал вдруг, что Варвара, когда он уйдет, ни о чем думать не станет и слова эти ее только игра, лишь бы спровадить его от себя поскорее. И от этой мысли все в нем взбунтовалось, закипело. Не о таком приеме мечтал он, идя сюда, и видел ее не такой, как она на самом деле оказалась. Представлял ее усталой, покорной, ко всему безразличной, как часто это бывает с женщинами, не имеющими детей, ожидающими избавления

от всех мук, и он шел к ней в надежде вытащить из топкого, затянувшего ее болота, чтоб была она ему за это по гробовую доску благодарна, дарила лаской и нежностью, а все наоборот, видишь ли, получается. Прямая, крепкая, как молодая сосна, стоит она перед ним, и ни в лице, ни во взгляде ее не видит он ни усталости, ни покорности, ни недовольства судьбой. А вот он ждет от нее великой милости, и так выходит, что если она до него спизойдет, одарит его своей милостью, то уже он должен будет по гроб благодарить ее за это. И такое вот неожиданное перемещение ролей никак не укладывалось в его мозгу, не вязалось с его грезами. Никогда в жизни после той рукопожатной с Пашаном не чувствовал он себя таким ущемленным, зависимым от другого человека, как сейчас. В какое-то мгновение у него трепыхнулось желание броситься к Варваре, но уже не просить, не вымаливать у нее любви, а вот так по-мужички просто взять и унижить, и уйти потом, в полной мере насладившись своей властью над ней. Силенок на это у него бы хватило.

Однако он тут же справился с собой и только выдавил:

— Гонишь?

— Ох, и тяжелый же вы, мужики, народец, — засмеялась Варвара. — Все-то вам так вот возьми и выложи. Терпения у вас нет ни к чему. Липнь бы за рога ухватить, как те лоси в весеннюю пору. Чудные вы, ей-богу, чудные...

И вновь затеплилась в душе Павла надежда. Черт их разберет, этих баб. Вроде бы и права Варвара. Свалился, как снег на голову в июльский день, наговорил всего, внес сумятицу, растревожил, быть может, и тут же тебе ответ подай. Да еще и дурака сваяля, когда сразу с руками полез... Верно, нет у мужиков ни к чему терпению.

— Умная ты, Варя, баба, правду тебе скажу. Не так бы мне за тебя биться надо было, не так... Да уж что было, то было, не возвращешь. Только вот чтоую я — судьба нам с тобой быть все же вместе. И свое мы еще возъем, наверстаем. Ты подумай об этом. Я тебя, знаешь ли... Я для тебя на все...

Павел не договорил, горло его перехватило спазмой, чего прежде с ним при самом сильном волнении не случалось. В каком-то безраздельном отчаянии он резко взмахнул рукой, повернулся и вломился в тайгу, треща сучьями, словно медведь, учуявший запах костра или человека.

5

Когда вовсе затихли шаги ушедшего Павла, вдруг громко и радостно, на манер молодого соловушки, защелкал скворец. Варвара отличила бы его несусызное пение от всех других. Она подняла голову. Черная пичуга сидела на крышке нового скворечника, сделанного Иваном ранней весной, когда на озере только начинал трещать и ломаться лед, и во всю силу своих птичьих легких звала кого-то призывно, и не то в крике, не то в пении ее почудилось Варваре ясно выговариваемые скворушкой слова:

«Дом нашел... Дом нашел... Нашел дом...»

Он, чудак, запоздал с прилетом, почитай, недели на полторы, и Варвара подумала, что, пожалуй, бедняга, так и останется один, не дозовется. И только она об этом подумала, как тут же, будто прямо из воздуха, явилась молодая скворчиха, села рядышком, покрутила головкой, осматриваясь и как бы определяя, стоит ли окружающее того, чтобы не искать лучшего, потом нырнула в летку, выкинула какую-то щепочку, выпорхнула и, ничего не сказав скворцу, улетела. А скворец продолжал распевать, любуясь собой и наслаждаясь собственным голосом. Он был уверен, видимо, в своем превосходстве и не ошибся. Скворчиха вернулась быстро, держа в клювике перышко, юркнула в летку, повозилась там и улетела снова искать что помягче для будущего гнезда.

«Вот и устроилась жизнь, — подумала Варвара, — и заверещат вскоре скворчата. Но тогда уж некогда будет ему распевать — придется работать и работать, чтобы накормить досыта желторотых прожорливых птенцов. А потом они оперятся, научатся летать и сами добывать себе пропитание. А будущей весной

совьют свои гнезда, и вновь явятся на свет желторотое племя. Хорошо-то как!..»

Павел тоже сегодня, как тот скворец, распевал, звал в свой дом, каменный, в шесть комнат... А она вот не полетела, не кинулась сразу осматривать гнездышко. Человек не птица, у него куда как все сложнее. Пропорхать можно, конечно, да только ведь от того чаще всего ни себе удовольствия, ни людям пользы. Пустое все. А Павел как до кедровника доберется, так и о ней позабудет. Когда загорится в работе — ни до кого ему дела нет, лишь бы ухватить побольше, не прогадать, не упустить своего. Нищиче ж не прогадает, ореха и вправду много в тайге. Перезимовавшая шишка держится на кедряче слабо, от одного удара хорошо выверенным и направленным колотом вся сыплется, только собирай, обмолачивай, просевивай да набивай мешки...

Жаден Пашка, ох жаден! И до денег и до работы. Хорошо это или плохо? А вообще-то Ивану не мешало бы кой-чему поучиться у Пашки. К старости как-никак время идет, а им в будущем ничего, кроме песни, не предвидется. Избу тоже подремонттировать не мешало, крыша совсем прохудилась, зиму-две больше не выдержит. Ивану ж все шуточки... А Пашка придет через две недели, обязательно придет и попросит ответа. И шуточками от него не отделаешься.

Варвара спустилась к озеру, прошла берегом до места, где оставила сети. Сетей не было, только клеточки-вмятины на песке. Что за наваждение?! И яма закидана. Старательно закидана, с продолговатым и оглаженным холмистым бугорком, и лопата воткнута в изголовье, будто крест на могиле. А сети хозяйственно, с толком развешены на тальниковых зарослях, нежатся на солнышке, высыхают.

Пашка! Больше никому. Не святой же дух опускался. Это, значит, застал ее Павел спящей, будить не решился, вышел на берег, непорядок увидел, не стерпел... А потом уж снова к ней подошел и стоял, пока она глаз не открыла.

А что если и вправду любит, как говорил?!

Давнее, навеки казалось позабытое девчо-

ночью чувство полонило Варвару, разлилось сладкой истомой по телу, хлынуло жаром в лицо. В ее-то годы! Варвара сама себя застеснялась, закрыла полыхающие щеки ладонями.

Юркий куличок быстрыми мелкими нажатками перебегал от камушка к камушку, склеивал мошек и, предельно довольный существованием, хорошей погодой и обилием пищи, тоненьким отрывистым голоском открыто заявлял миру о своем счастье. Всплеснула рядом рыбенка, куличок отпрянул, возмущенно потряс длинным острым клювиком, но тут же вновь весело побежал возле самой кромки берега и скоро серое его тельце стало невидным, затерявшись среди камней, воды и солнца.

Взгляд Варвары переместился на холмик с лопатой вместо креста, и тут подумалось ей, что Павел вовсе не по присущей ему хозяйственности так тщательно соорудил его и огладил, а неспроста, с умыслом, словно сказать хотел, что так вот и она похоронит себя в этой глуши и даже креста стоящего никто не поставит над ее могилой.

«Ну уж, не слишком ли много берешь на себя, Павел Кольванов?! Рано еще меня хоронить. И что для тебя глушью стало — для меня, может, вся жизнь-то и есть!» — сказала про себя Варвара, выдернула из песка лопату и раскидала холмик, ощутив при этом великое облегчение, словно камень с души сняла, словно нашла наконец-то ответ на Пашкино предложение. И то, что так туманно тяготило ее с утра, тоже отпустило ее, к Варваре вернулось обычное спокойствие, недолимая потребность что-нибудь делать, не задумываясь ни над какими превратностями судьбы, и очень захотелось есть.

Варвара пошла к себе, растопила летнюю плиту во дворе, достала вяленого хариуса, разогрела вчерашнюю кашу с говяжьей тушенкой, уху варить не стала, вскипятила чайник, напилась с сухарями. Потом стиркой занялась, благо погода, тулупы вывесила и выбила, в комнате прибралась, ужин сготовила и не заметила, как и сумерки опустились. Ивана ж все не было. «Загулял, подлец, — беззлобно подумала Варвара. — Теперь-то уж точно в поселке заночует».

Спать не хотелось — днем выпалась, пожалуй, не меньше часа дурному сну отдала. Она зажгла керосиновую лампу-семилинейку, поставила на табурет, взяла роман-газету с «Последним поклоном» Виктора Астафьева, — на той неделе Иван принес с почты, — раскрыла на загнутой уголке сорок четвертой странице.

Читать она любила, с малых лет к тому пристрастилась. Крохотную поселковую библиотечку перечитала всю, некоторые книги брала уже по второму заходу. Хорошо, новая учительница из начальной хамгаринской школы, проводя подписку на газеты и журналы, надумила ее пять лет тому назад выписать роман-газету. Теперь Варваре хватало чтения как раз от номера до номера. Она не проглатывала книги, не пропускала «неинтересных» мест, а читала неспешно, вдумчиво, уносясь в иной, подчас совершенно неведомый и до этого момента не представляемый ею мир. Она искренне верила во все происходящее в книге, пусть даже это была голимая фантастика, переживала за героев и героинь и не враз замечала, что плачет, а то заливается невольным смехом, и спящий рядом Иван вздрагивал во сне, иногда просыпался даже, смотрел на нее в недоумении, качал головой, поворачивался на другой бок и тут же засыпал вновь. Сам он книг почти не читал, с первой страницы начинал клевать носом, но любил слушать ее рассказы о прочитанном, не очень связанные, сбивчивые, с обязательными комментариями и нередкими нравоучениями: вот, дескать, хорошие-то мужья как за женами ухаживают, берегут их да лелеют, а тебе лишь бы умыкнуться от жены подале, с туристами пробалабонить, напиться при случае... «Турист, Варя, — отвечал на это Иван, — та же твоя книжка, только интереснее. Такое расскажет, что ни в какой книжке не прочтешь. Вот того длинного, с бородой, что из самого Ленинграда, помнишь? Так он мне рассказывал, как у него первый раз с бабой получилось. Она-то была уже опытной, всякого повидала, разделась, значит, нагишом...» Умнее у вас разговоров нету, — обрывала его Варвара. — Только одно на языке, ни стыда, ни совести. На что дельное, так вас не хва-

тает. И замолкнь, не хочу слышать об этом.

Первые туристы появились здесь, когда кызыльский аэропорт наладил с поселками постоянные пассажирские рейсы. Первых было четверо — молодые крепкие парни из Красноярска. Они упрашивали подкинуть их в верховья Хамсары, к самому водопаду, чтоб там сколотить плот и на нем спуститься до Енисея. Предлагали спирт, деньги, но никто из поселка не мог им помочь. Хамсара — река быстрая, порожистая, с заломами: моторов тогда ни у кого не было, ходили при нужде вверх на шестах, на утлых тувинских лодчонках; одному-то дай бог управиться, а четверых мужиков с грузом никак не вытянешь. По суку, таежными тропами, до водопадов топать да топать, тоже никому горбиться неохота, к тому же и своих дел навалом у каждого. Пришлось парням ставить палатку и сколачивать плот тут же в поселке, и сплавляться вниз, так и не повидав верхних хамсаринских порогов и водопадов. Пока они мастерили плот, Иван крутился возле них, помогал и советом и делом, веселил байками у вечернего костра, от угощения не отказывался, но предложенных за помощь денег не взял, наоборот, еще им дал в дорогу литровую банку харьюзовой икры да связку вяленой рыбы. Ну, ребята тоже в долгу оставаться не хотели — отвалили три пачки патронов для мелкокалиберной винтовки, которыми здесь разжигать не просто.

С тех пор и пристрастился Иван к туристам. Варвара не перечила, понимая женским своим чутьем, что только возле себя держать мужика неподобно, что ему хоть какал-то отдушина, но нужна. А Иван к тому же хоть и привык к тайге, сжился с ней, но не в тайге родился, ни с деревьями, ни с птицами разговаривать не умеет, ему для этого живой человек нужен. Да и сама Варвара не прочь была с чужими людьми перекинуться словечком, на них посмотреть и себя показать, как говорится, и потому не только не возражала, но даже и поощряла Ивана, когда зазывал он туристов к себе на почлег, варила им уху или картошку, выставляла тарелку с малосольными харьюзами, икру, а то и подвяленного тайменя, разомлевшего в собственном жиру.

Когда появились моторы, поприбавилось и туристов. Иван отвозил их на лодке до Чиликтыра, на мыс между двумя речками, а то и к водопадам, — на «Вихре» не на шестах, часа четыре ходу при хорошей погоде. В назначенный срок, если туристы не сплавлялись самостоятельно на плотах, возвращался за ними, денег опять же не брал, но от охотничьих или рыбацких принасов, зачастей к мотору не отказывался. И кого только у них в избе за эти годы ни перебивало, с кем только разговоры вести ни приходилось — научные сотрудники разных академий и институтов, заводские парни и художники, журналисты и строители. И было Варваре с ними интересно, но жить их жизнью она не хотела бы, и потому чувствовала свое превосходство над всеми этими людьми, которые ей открыто завидовали, как человеку, до конца нераздельно сроднившемуся с природой, но завидуя, сами они ни за что не смогли бы расстаться со всеми теми благами и удобствами, которые, по их же словам, начинают их угнетать и потому хоть раз в год они убегают, избавляются от них, находя куда болшую радость в своего рода первобытном существовании без теплых туалетов, салфеток, тарелок и прочей дребедени, заслоняющей от человека саму жизнь, такую прекрасную среди всего этого таежного великолепия, когда слившись с нею в обобщенном вечернем молчании, под тихий перетреск костра можно бесконечно думать и размышлять, и никто тебя не беспокоит, не нарушит твоих раздумий.

«Я не могу забыть ту ночь, — читала Варвара в «Последнем поклоне», — и незнакома в шляпе по сей день помню и огонек, приплывший ко мне из темноты. Теплом и болью отражается его свет в моей душе. Я и поныне отношусь к огню с особым трепетом и нечитанием. Если есть огонь, я уже никогда не одинок. В любой, даже самой глухой тайге он мне друг. С той самой ночи огонь для меня сделался не просто пламенем из дров, а живой человеческой душой, трепещущей на мирском ветру».

Последнюю фразу Варвара перечла дважды, прикрыла глаза, не выпуская книжки из рук, и подумала, что вот и писатель извлек из

своей души огонек, чтобы посветить ей, Варваре, и как это хорошо, когда люди светят друг другу и, наверное, именно из такого вот света зарождается любовь, а когда свет меркнет — любовь меркнет тоже, и душа начинает метаться в поисках нового огонька, потому как человек не может жить без света. Даже оставшись в полном одиночестве, он должен огонек этот видеть или, по крайней мере, знать, что он где-то светит ему и не потухнет. Вот и она, если правду говорил Павел о своей любви к ней незатухающей, тоже огонек для него, мерцающий вдалеке, тающий надежду и радость. А она ни помочь ему, ни согреть его своим теплом, — пусть не тела, души хотя бы, — не может.

Странно, что за все эти годы она ни разу о Пашке не вспомнила и, когда заходил о нем случайный разговор в поселке, интересовалась лишь постольку, поскольку интересуются судьбой когда-то знакомых, но не близких сердцу людей. А вот Пашка, значит, все время о ней помнил. С чего бы? Чем таким могла она его так завлечь? Недоступностью, может быть? Тем, что не удалось ему тут своего добиться?.. А Пашка из тех, кто привык своего достигать, чего бы это ему ни стоило. Он ведь на все пойти может...

И при думке этой Варвару пронизал страх. Не за себя — за Ивана, ставшего преградой на Пашкином пути. Вспомнилось, каким взглядом, жадным и страстным, обдал ее напоследок Павел, каким разъяренным зверем вломился в тайгу, будто решил уже на что-то, слова его вспомнились явственно: «— Не так бы мне за тебя биться надо было, не так... Свое мы еще возьмем... Я для тебя на все...» И не договорил ведь, что за тем «на все-то» стоит. А ну как он убить решил тогда Ивана, отомстить за прежнее свое поражение? С него станется. Подстережет где-нибудь, а то и в воду — ищи-свищи, доказывай потом: сам утоп или столкнул кто...

Варвара отбросила книжку, глянула на висящее на стене ружье. Ежели что, ежели Пашка на такое пойдет, она не задумается — из обоих стволов ударит... Ах ты ж, денек выпал! Недаром, знать, болела с утра душа, добром этот день не кончится.

Не зная еще, что она будет делать, куда пойдет, Варвара стала поспешно одеваться. И когда оделась, сияла ружье, переломила, в левый ствол загнала натрон с пульей, а в правый — с крупной картечной дробью, услышала, будто ветер громко проиесестел по кустам, и в то же мгновение в дверь нетерпеливо заскреблась собака.

«Нойон! Ну, слава богу!»

Варвара распахнула дверь. Нойон кинулся к ней, Варвара, притянувшись, обняла его, потрепала по загривку, но собака ласки не приняла, выскользнула из рук, выбежала во двор, потом показалась снова, встала в проеме дверей и призывно заскулила, будто бы говоря: «Ну что же ты медлишь? Неужели не понимаешь, что надо идти, бежать надо, спасать хозяина? Ну идем же, идем...»

Варвара все поняла, но не поверила, не хотела верить в то, о чем сама только лишь думала, чего опасалась. Она выскочила из избы и закричала.

— Ива-а-ан! Ва-ня! Ива-а-анушка!

Тайга мрачно молчала, не откликаясь. Неполная луна, высвечивая края редких облаков, смотрела на Варвару холодно и застывшие. И тогда Варваре представилось самое ужасное — лежащий в мочажине труп Ивана с рассеченной головой и обезображенным лицом.

— Ива-а-ан! — Варвара, казалось, вложила в этот крик и призыв, и боль, и тревогу, объявляющую все ее тело, но тайга поглотила зов, растворив его безответно в темной своей неоглядности.

Нойон, скуля и странно как-то позевывая, сидел и ждал от Варвары движения — туда, где он оставил хозяина. Варвара шагнула к нему, и Нойон тотчас сорвался с места и побежал, беспрестанно оглядываясь, не отстает ли Варвара. Она едва попевала за ним, но не ощущала ни одышки, ни усталости, ни тяжести ружья в правой руке, и лишь губы ее беззвучно шептали:

«Скорей, Нойончик, скорей...». А Нойон, будто бы сознавая, как трудно бежать Варваре за ним напрямик, через тайгу, вывел ее тропой на дорогу, по которой раз в две, а то и три недели приходил к озеру промхозовский трактор за рыбой.

Первый тракторист, проложивший сюда путь, был человеком, видимо, осторожным, обходил пни и коряжины, выбирал где поглаже и поровнее, и потому дорога виляла, шла то вкось, то вкось и казалась нескончаемо длинной и утомительной. Но бежать по ней было все же легче, чем прыгать по кочкам или утопать во мху.

Ивана Варвара увидела неожиданно, не так уж и далеко от дома. Нойон не добежал еще до него, а она увидела.

Иван лежал, запрокинувшись на спину, раскинув руки и уронив ноги в глубокую колею. Голова его пряталась в густых кустах можжевельника. У Варвары враз зашло сердце, ноги отказались служить, и те двадцать шагов, что отделяли ее сейчас от Ивана, одолеть было труднее, чем все то расстояние, которое она только что пробежала.

Бросив посреди дороги ружье, она даже не подошла, а скорее подползла к Ивану, передумав за этот короткий отрезок пути столько, что не всякое бы, наверное, человеческое сердце выдержало тяжесть всех этих дум. И во всем, о чем она думала, Варвара винила только себя, кляла себя, и проклинала, и слово давала себе, что, если все это переживет, если останутся еще у нее хоть какие-то силы, она отомстит, зверски отомстит убийце — Пашке или его друзьям, а в том, что никто иной не мог поднять на Ивана руку, она не сомневалась.

— Ва-а-а, что же они с тобой сотворили, что содеяли?! — запричитала Варвара, припадая к его ногам. Ей до жути страшно было увидеть сейчас его лицо таким, каким она представила его себе, когда за ней прибежал Нойон.

И вдруг Варвара почувствовала, что ноги Ивана дрогнули, словно попытались освободиться от навалившейся на них тяжести ее тела. «Живой! Господи, живой!..» Скользя пальцами по его животу, груди, словно на ощупь опознавая знакомые очертания, как делают это слепые, Варвара добралась до его шеи, теплой, горячей даже, бережно и осторожно подсунула ладонь под затылок, притянула к себе голову Ивана и тут же выпустила ее из рук, так что голова глухо

шмякнулась о мягкую землю, а Иван застыл, пробормотав при этом что-то невразумительное. Всю тайгу, казалось, заполнил собой тяжелый дух винного перегара.

Все страхи, тревоги и опасения последнего часа сменились неосознанной еще болью за все пережитое, за необоснованное беспокойство, за судьбу свою, связавшую ее с этим человеком, ненавистным ей в эту минуту до отращения.

«Забуддыга, пьяница несчастный, алкоголик, боров выложенный», — ругала его про себя Варвара, придумывая все новые и новые обидные прозвища, и чем они были грубее, тем более успокаивалась постепенно Варвара, и боль сменялась злостью, а злость, которую бесполезно было вымещать сейчас на бесчувственно пьяном муже, обрушилась на ни в чем неповинного пса, сидящего возле с полным сознанием выполненного им долга.

— Спаситель нашелся! Кто тебя об этом просил? Он? — Варвара зло стукнула кулаком по Ивановой груди. — Да он же лыка не вяжет. Значит, сам надумал. А зачем? Зачем ты меня с постели поднял? — Она забыла уже, что сама собиралась идти неизвестно куда в страхе за судьбу Ивана. — Чтoб этого вот пропойцу домой тащить? Как бы не так! Да пусть он тут сдохнет, мерин необъезженный, я и рукой не пошевелю.

Нойон, уловив в голосе хозяйки недовольство, виновато скосил глаза в сторону и завил хвостом, как бы признавая свою оплошку и прося дать любую возможность искупить свою вину. Но Варвара уже на него не смотрела. Она разговаривала теперь с кем-то несуществующим, как часто это бывало с ней на охоте, когда забредши далеко от дома и наскучившись одиночеством, она изливала душу, говоря вслух с деревьями, небом, замшелым камнем или просто так, с пустотой, напоенной душистыми ароматами таежного лета.

— Ну что это за жизнь такая! Ночью и то покоя нет. Уйду я к Пашке, ей-богу уйду, чем так-то вот мучиться. Разве б он себе такое позволил, чтоб посреди дороги валяться? Да он бы со стыда умер. Нет, Пашка тоже, конечно, пьет, — кто сейчас не пьет, бабы и

те пить палочились, — да уж до такого состояния себя не довел бы. Нет, не довел бы. Пашка, мужик крепкий, здоровый, его и литром с ног не свалишь. А уж хозяйственный — тут и говорить нечего. Вон ведь и рыбу закидал, и сети развесил, все честь по чести. И не свою делал работу — чужую. Усмотрел непорядок — и сделал... Этот же как услышал самолет — обо всем на свете позабыл, умчался черт-те к кому за байки свои стакан водки заработать. Тыфу! И говорить-то об этом противно. Пашка б за так угощения не принял. Ни за что бы не принял. А что он денег любит, так что в том плохого? Не грабит, не жульничает, своими руками добывает. Вон тебе — за две недели и тыща! Нам за эту тыщу скрестись да скрестись... С деньгами-то что хочешь и куда хочешь. Хоть обнову справиться, хоть на курорт. И ведь как он меня любит-то! Не то что этот пень тухлый. Сплю, говорил, и во сне вижу, вот ведь как! Жизни, говорил, мне без тебя нету...

— Ва-аря! — до Ивана дошел-таки ее голос, он попытался подняться, не смог и только снова пьяно и растянуто, но с бережливой ласковинкой обрадованно протянул: — Ва-аря!..

— Что — Варя? Что тебе Варя? Нет у тебя больше никакой Вари, так и знай. Заруби это на своей пьяной роже. Я к Пашке ухажу, к Павлу Колыванову, помнишь такого?.. Вот с ним и буду жить в столице тувинской, в доме каменном о шесть комнат, понятно тебе?.. А ты как хочешь. Хоть запейся, хоть залейся со своими туристами. Схватишь вот так воспаление легких от го-лой-то земли, и поминай как звали... — сказала и своим же словам ужаснулась: «А и верно схватит, земля-то холодная, непрогретая и сырая к тому же...» — А ну, поднимайся! Кому я говорю, слышишь?

Варвара взяла его за грудки, попыталась пока усадить хотя бы. Проблески возвращающегося сознания отразились на лице Ивана благодушной и блаженной улыбкой.

— Ва-аря!.. Ты-ы... Я вот... Се-е-час... — Иван пьяно зашарил рукой возле себя, не в состоянии сказать или сделать что-нибудь

более вразумительное. Голова его падала и болталась, и он с трудом возвращал в нормальное положение. — Ну вот... Я те-те... Я те...

— Господи! Затетекал!.. Потерял что?.. Свиныя ты, Иван, настоящая свинья... Ну, что потерял-то?

Иван продолжал блаженно улыбаться.

Варвара раздвинула ветки можжевельника и увидела буханку хлеба и большой кулек. В кулке были шоколадные трюфели. Килограмм, пожалуй, не меньше. Их давно уже пораспродали, значит, опять привезли сегодняшним самолетом. И не забыл Иван о любимом ее лакомстве, и про хлеб не забыл, потому, может, и в поселке почемать не остался, к ней свенил, да вот не рассчитал свои силы. Но Варвара отогнала, силой отогнала подстуннившую к сердцу теплую волну, хотела высыпать кулек на голову мужа, но вовремя сдержалась, — собирать потом ей же придется, — и только потрясла им у самого Иванова носа.

— Ублагостить хотел? А о чем думал, когда вило в себя заливал? Обо мне ты тогда думал? Не-ет, Иван, все! Хватит! Не надо мне ни конфет твоих, ни жизни такой. Уйду я от тебя, вот увидишь — уйду. Понятно тебе?

— У-угу... — закивал Иван, глядя на Варвару осовелым, ничего не выражающим взглядом.

— Что — угу-то? Дурак! Посмотрю, что ты скажешь, когда я тебе все это на трезвую выложу. Послушаю, какую ты тогда запоешь песню... А ну, поднимайся... — Варвара кое-как поставила его на ноги. — Держись за шею-то. Не бойся, не сломаюсь... Ну, двигай, двигай ногами-то, чертушка... И надо ж так налакаться, чтоб себя не помнить... Уйду я от тебя, Иван, видит бог, уйду...

Нойон убежал вперед, возвратился, чувствуя свою ответственность за жизнь этих слишком медленно идущих людей, потом снова убежал и возвратился снова, не решаясь рвануть к дому напрямки, и дорога эта, в кривулинах и зигзагах, казалась ему нескончаемо длинной...

С семинара молодых

В конце прошлого года состоялся традиционный областной семинар молодых литераторов. На секции поэзии обсуждались стихи восьми молодых авторов: Владимира Поташова, Александра Каткова, Игоря Агафонова, Игоря Гурьянова, Василия Красикова, Татьяны Кожевниковой, Иосифа Куралова и Валерия Ковшова.

Руководители семинара единодушно отмечали особую задумчивость, искренность и удивительную жизненную наполненность стихов Владимира Поташова. И горьким проществом обернулись для всех нас его строки:

И лето запаливает свои костры,—
Слышишь, играет веселая волюнка?
А я уйду, это я уйду, смотри,
Улыбающийся и жующий травинку.

Жаль, что Володя Поташов уже не увидит этого номера альманаха.

Игорь Гурьянов из Новокузнецка. Оригинальность его творчества, может быть, даже слишком бросается в глаза. Однако внимательный читатель почувствует, что оригинальность эта не поверхностна и имеет свою интересную глубину. С заметным ростом работает над стихами прокопчанин И. Куралов. На секции прозы шел разговор о повестях и рассказах Галины Гурьяновой, Александра Легчило, Людмилы Филаткиной и Геннадия Полицына. В своих произведениях молодые прозаики стремятся показать сегодняшний день, нарисовать образы наших современников, часто авторы обращаются к теме трудного подростка. Не все в рукописях начинающих совершенно, авторам предстоит много и упорно работать, овладеть мастерством. Однако среди обсуждавшихся произведений были и сравнительно удачные. Например, немало добрых слов говорилось о рассказе журналистки из Кемерова Л. Филаткиной «Мой дом — Земля».

Публикуем работы некоторых участников семинара.

Людмила Филаткина

МОЙ ДОМ—ЗЕМЛЯ

РАССКАЗ

Звонок.

Сколько?.. А-а, пора. Я еще минутку полежу? Хорошо, Сэм?.. Да-да, ты прав. Надо пораньше... Семочка, ты разогрей суп, он в холодильнике.

Кто там еще спит? Это кто — такой засоня? К кому птичка прилетела? В окошко стучит... К Алеше. Спит... Что такое! Вечером не уложишь, утром не поднимешь. Кому говорю: вставай!

Опять кричу. *Надо спокойнее!*

Кто на ракете полетит? А? С пистолетом?.. Ты? Вставай тогда. Одевайся, Алеша.

Семен, он ни в какую не одевается!.. Опоздаем же, Алеша! Давай-давай, сам. Видишь, мама оделась. Попили умоемся. Летчики всегда умываются. Ведь ты — летчик... Ах, ты — Алеша! Все равно, умываться надо. Что? Не хнычь!.. Холодная? Вот так... хорошая вода. Проверь... Умылся? Пойдем.

Сидишь опять? Что такое! Семен, помоги. Опять опоздаем. А я не сла... А-а-а, тебе некогда! Одной мне есть время... Да-да, до свидания.

Алешка, не мешай. Одепу — дам пистолет. Куда это валенки деваются?.. Скорее. Ты спускайся. Иди, иди. Я пока пальто... Побежали! Вечно ты не можешь по лестнице спускаться!

Посмотри, снег блестит. Красиво! Звезды видишь?.. Огоньки горят? Это — светфор. Догоняй маму. Быстро, быстро... Чей детсад?.. Правильно, твой — «Колокольчик». Как колокольчик звенит?.. Динь-динь. Ты поднимайся, я сапоги сниму... Да поднимайся же! Ну, пошли вместе.

Твоя кабинка?.. Правильно, с цветом. Он не совсем понятный, а раз — синий, наверно, василек. Мы летом в поле, в лес будем ходить, да? А сейчас Алешенька разденется и пойдет к ребятам... Не хочешь? Вот мучение!.. У тебя рубашка красивая. Новая. Собачку видишь? Нравится?.. Пойдешь? Здесь, здесь твой пистолет. Не хнычь, вот он. На!

Здравствуйте... Поздно? Евгения Викторовна, ну, почему? Еще без десяти... Хорошо. Будем раньше... Температура 36,2. Лариса, нам по пути, кажется. Ты иди, Алеша. До свидания, мой хороший.

Смешной. Голову наклонил: аппликация понравилась. Напыжился, важничает. Дурачок какой!

Да-да, Лариса, вы правы. Без десяти

ти — поздно! И так поднимаешь чуть свет, тащишь, еще не проснутся. Вы заметили: Нина Ивановна никогда слова не скажет. Привели и привели... И ребяташки ее больше любят. Милая такая... Да... А?.. Я — на автобус. До свидания.

Какой-то стоит. Двенадцатый. Эй-эй! Подожди! Хороший шофер, остановил автобус. Бывает, пустой едет и не подумает. Спасибо!

Десять... У вас сколько? Не бросайте... Я же просила! А вы? Мне — четыре копейки. Нет, не отрывала. Спасибо.

Сколько сейчас? Восемь. Успею. Опять не поела, в буфет сбегаю. Ну и медленно!

Почему вы толкаетесь?.. В такси? Предлагаю вам... Что?.. Я не мешаю. Да проходите же в конце-то концов!.. Нет, не выхожу... Что вы нервничаете? Занимайтесь аутотренингом... Я много слов знаю, вам-то какое дело?

Вот — привязался! Утром все злые. Спешат. Подремать бы... Вздохнуть нельзя: давка. Будешь злым! Правда, когда как, раз на раз не приходится... Пятнадцать минут. Черепаха, а не автобус! Этак и опоздать можно!

Конечная.

Что вы лезете? Все выходят, не вы один. Уф!

Надежда Максимовна, здравствуйте. Как только ребра целы!.. Вы на этом приехали? Что-то не видела вас... А-а, впереди. Как у нас дела с планом?.. Не в курсе? Я в том смысле, что премия не светит ли? ...Не знаете. Я спросила, думаю, может, знаете.

Вчера допоздна читала статью в «Иностранной литературе» — «Колочая роза». Представляете, идет дождь, и у людей расползаются зонтики и чулки. Пары соляной кислоты в воздухе!.. Нет, не у нас. За границей. Значит, вы не читали? Хайтов написал. Болгарский писатель. Я прочла и места себе не нахожу.

Она не читала. Жаль. О чем с ней поговорить?

Погода хорошая... Я говорю, ноябрь, а теплынь-то какая! Даже не верится. Синоптики сообщают, что такого ноября не было за весь период наблюдений. Вас это не настораживает?

Ну, конечно, насторожит ее что-нибудь! А кого настораживает? Было ли так тысячу лет назад? А может, все перепуталось в небесной канцелярии? Мы же, непосвященные, живем себе спокойно и в ус не дуем.

...Из заводских труб пар вываливается белыми клубами, а дальше стелется серым туманом. Едва проглядывают дома. Солнце — круглый красный шар.

В детстве мне часто снилось, что облако опускается все ниже и ниже... Вот уже над головой! Дышать трудно...

Дышать трудно. На окраине заводского поселка курится свалка. Как люди здесь живут? Если бы был ад, он должен быть таким: воздух насыщен мельчайшими частицами угля, цемента, пропитан запахами гари, химикатов, бензина.

Под синий купол неба мы нагнетаем черные и желтые испарения заводов, цементную и угольную пыль, автомобильный чад. Мы произвольно протыкаем небосвод ракетами, не ведая доподлинно, что дозволено. Мы вырубаем леса и отравляем воды. И привыкаем к тому, что труднее становится дышать... Как было? Я, помню, удивилась словам врача. Я сказала хвастливо: «Такой энергичный ребенок! Прямо ходунком ходит... Вот-вот, посмотрите»... Помню, как сейчас, ее настороженный взгляд. Так внимательно, так долго она выслушивала меня деревянной трубкой... Стетоскопом, что ли? «Направление, — сказала она, — в процедурный кабинет, на двадцать сеансов»... Направление? Я удивилась. Странно. «Если повторится, приходите ко мне. Обязательно!» А потом я дышала кислородом в процедурном кабинете, и Алешка,

мой, еще не рожденный сын, становился спокойнее. Он уже не метался, задыхаясь от нехватки кислорода. Кислорода, которым все беднее становится Земля... Она — наша мать. Будут ли через тысячу лет мчаться над ней белые кучевые облака? Будут ли грозовые тучи ронять тяжелые капли на зеленые леса?..

А?.. Опаздываем? Нет, еще двадцать пять девятого. Часы точно идут. Здравствуйте, Анна Григорьевна. Здравсьте, Елена Ванна... Здравсьте... Привет, девочки. Чудит ноябрь: мы к теплу не готовились. Верно, лето будет холодным. А оно и так с воробышным скок... Много у нас чертежей сегодня? Та-ак... Балимов электрику принес, на два дня работы. А это — технологи. От строителей кипа. Девчата, вы снизу чертежи берете?... Хорошо... Я — ничего. Инна Дмитриевна вчера возникла. Не по очереди копируем, говорит.

Галка, конечно, свой красный носик вздернула. Оскорбилась. А Нина — невинная, улыбается. Сама попроше чертеж выберет из середины. Потом луплуп глазами. Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик. Знать ничего не знает.

Возьму-ка я балимовский чертеж, что на той неделе поступил. Его очередь. Ни черта не поймешь!.. Кальку придется промасливать.

Отживающая у нас профессия. На «Эре» не всегда четко получается оттиск. Другие аппараты придумывают конструкторы, чтоб копировать. А пока мы — и. о. этих аппаратов... Какой-то элемент творчества все же есть. Особенно, когда за неумехой или небрежным след работаешь. Я могу выделить то главное, что составляет суть чертежа. Лампы похожи на грибы: полукруг и палочка внизу. Много неосмысленного труда, потому — о чем только не подумаешь! Обрывки мыслей, воспоминания кусками, как будто одни глаза смотрят на чертеж, а другие — внутрь меня. Вот сейчас...

Коричнево-серый с прозеленью сумрак молодого сосняка. Ровная полоска между деревьями в посадках усыпана побуревшей хвоей. Бугорок. Под ним светло-коричневый глянцеви́тый шарик масленка, рядом еще один и совсем кроха... А что за удольствие срезать рыжики! Кочка да кочка, а разгребешь землю и корни травы, и крепенький оранжевый гриб — перед тобой. Он красив даже червивый — узорными прожилками зелени... Подосиновики собирать радостно. Толстые лесовички в красных шапочках ловко прячутся в малиновом осиннике. Приглядишься — и на ровном месте, усыпанном листвой, вдруг увидишь красноголовика,

Воздух в лесу такой душистый! В нем запах земли, листьев, трав и цветов. Он сладкий, как мед, но без медовой приторности. Им дышишь, как пьешь родниковую воду, — бесконечно! Воздух в лесу цветной, зелень и синева в нем. Упругий, плотный, осязаемый воздух... И зов отталкивается от него, а звонкий голос Алешки мячиком летает меж деревьев. Мальчишка верит, что его песенка — волшебная. Если мы не найдем грибы, то он старательно «колдует», поет, коверкая слова: «Золотило солнышко лес, лес. Муравей на дерево влез, влез»!.. От любопытства грибы теряют осторожность и высывают шляпки, тут-то их — в корзину. Мы переглядываемся с Семой, улыбаясь гордости и самодовольству доморощенного волшебника... Алешка, ты, Алешка! Вспомнишь ли праздники, которые дарил тебе и нам лес?

А вот это вспомнишь?.. Нет! Мал был — года полтора всего-навсего. Как я забылась тогда? И что вдруг подтолкнуло? Я бросила грабли и заторопилась, пошла, как по компасу. Алешка небрежно стоял у самого края обрыва, а внизу... Внизу, в каменистом ущелье, вскидывался и искрился, пенился в порогах горный поток. Один шаг, одно движение и — все! Окликни, мальчиш-

ка обернется, игриво встрепенется и... С какой-то инстинктивной хитростью я кралась к сыну, замирая от ужаса, и бормотала что-то очень тихое, словно мурлыкала. А он стоял, чуть вывернув крепкие ножки и выпятив живот, и улыбался. Час я шла? Минуту? Рывок! И сынишка — у меня, и, держа его с силой, тесно, я смотрю вниз... Лучше не вспоминать. А как забыть? Если и сейчас воспоминание судорогой сводит тело, и задним числом, цепenea, представляю, что могло случиться! Что было бы там, в горах, в саду — два года назад...

Нет, нет! Все хорошо! Летом мы пойдем в лес, такой обжитой и уютный. Мы напомним Алешке про его полшубную песенку. А станет накрапывать грибной дождь, натянем на головы капюшоны, и пусть он постукивает себе и тихо струится по уютным домикам наших курток.

...Расползаются зонты... Пары соляной кислоты конденсируются... От солянки потемнеет хвоя и стечет с черных ветвей умирающего леса. Дождь будет падать не ласково, проникая без преград и обжигаяще рана кожу. И под ресницы... Зажмурив ослепленно глаза, не видя ничего, мы побежим. Как закричит Алешка!.. Но почему он зовет меня «Оля», а не мама?

«Оля... Ты слышишь?» Это мне говорят? На светокопию кальки принес, говорит Розин. Я... Да. Да-да, я сейчас. Какие? Эти? Хорошо. Я сейчас.

Светокопировальный аппарат, как пианино. Верхняя кнопка. Пусть разогреется... Что это мне в голову взбрело? Так не по себе стало!

Георгий Моисеевич, сколько экземпляров?.. Два. Вы идите, я принесу готовые. Не меньше часа уйдет! Что вам ждать понапрасну?

Иди, иди! Не стой над душой. Враждует себе глазами: любопытно ему. Ну, пусть постоит. Когда аммиак надо будет в бачок заливать, исчезнет, «как

сон, как утренний туман»... Рулон подготавливаю. Свет достаточно яркий. Бумага светло-желтая, как дыпленок... Кальку выправить. Что-то машина перекашивать стала. Как получается? Вроде, четко. Да, хорошо видны белые линии. Можно побыстрее машину пустить. Теперь только успевай! Где бритва? Ну же! Где? Ага!.. На второй раз пропусти кальку, и все. Розин не ушел. Делать человеку нечего? Хронометраж проводит, что ли? Вовсю тянет, зевать некогда... Отлично! Можно выключать. Нижняя кнопка. Оставшуюся бумагу завернуть плотнее, чтоб не засветилась. Синьки — в бачок. Чудно, из этого желто-белого орнамента получается фиолетовый чертеж на сиреневатом фоне. Не люблю аммиак в бачок заливать! Бутыль — 20 литров. Поворочай-ка!.. Порядок. Хм, когда это Розин улизнул? Я и не заметила. Ну, запах! Хотя и задерживаю дыхание, все равно. Полдня теперь в груди будет шершаво и кисло.

Есть хочу.

Девчата, умираю от голода! Без десяти час. Может, очередь занять?.. Иди, конечно, Нина. После часа еще час простоем, пообедавать не успеем.

Галя, ты на меня, вроде, сердилась?.. Намеки? Уж если и намекала, то не на тебя. Ты чертежи всегда берешь без выбора. Я не тебя имела в виду... Зря так думаешь. Перестань!.. Прямо сказать? Зачем скандал? Я предупредила ее... Да-да-да! В другой раз прямо скажу... Сама ты — не принципиальная. Надо сглаживать острые углы... Что? Час уже есть? Пойдем. Я не успела позавтракать.

Нина, бери мне, что себе. Винегрет? Буду.

Она на нас очередь занимала. Извините, но не мы завели этот порядок. Вас попросит подруга, вы тоже возьмете.

Нина, булочку еще.

Зачем вы шум поднимаете? Пять ми-

нут вас не устроят. Сегодня мы вас задержали, завтра — вы.

Зануда! Мы — без очереди!? Ладно, замолчи. Засохни на корню! Человек от голода умирает, ему не до приличий.

Шестьдесят копеек? Пожалуйста.

Наконец-то!

Десять-пятнадцать минут, и ты — другой человек. Булочку не буду. Мне, голодной, лучше в столовую не заходить. Беру, хватаю, не зная меры...

Выну синьки из бачка, пусть проветрятся. Интересно, доберусь я до балимовского чертежа? Еще табель не заполняла. Надо обойти кабинеты.

Арнольд Артемьевич, вас сегодня не видела, здравствуйте... Анна Григорьевна, проверка: восьмерки ставлю... Геннадий Осипович, Прохоров на работе?.. На объект ушел? Смотрите, под вашу ответственность! Я вам доверяю.

Как же — доверяю! Инна Дмитриевна из-за него мне выговор сделала. Прохоров прогуливал, а Геннадий Осипович молчал неделю. Потом его прогнало, побежал жаловаться. Я же и виновата оказалась: зачем на слово верила. Вроде, всех... Да, всех проверила. Синьки сверну...

Георгий Моисеевич, получите.

Займусь чертежом.

О чем это девчонки заспорили? Смех да и только! Галка упрекает Нину, что она погрязла в мещанстве. Нина утверждает, что хорошая хозяйка из Галки в жизнь не выйдет.

Что вы спорите? Все — бесполезно. Все равно к двухтысячному году дышать будет нечем. Заводы и автомобили «постараются». Никто из вас не читал «Колочую розу» Хайтова?.. Я завтра принесу. У меня этот очерк из голы не идет. Вчера прочла, весь день убитая. Птицы не могут высидывать яйца: скорлупа становится хрупкой. Или вот — контейнеры с химикатами хранят «сюрпризы». С виду земля как земля. А на самом деле — ловушка... Он

и про гениую инженерию, и про экологию пишет. Ну, и всякое такое...

Ох, Галка, Галка! Стоит ли выходить замуж? Переживать... Вот и хорошо, что нисколько не переживаешь. Сама себе голова, ни за кого беспокоиться не надо будет. Я вот... Я за Алешку, знаешь, как боюсь! Говорят, материнство — радость. Ну, и счастье, конечно. И страх, понимаешь, постоянный страх. Не заболел бы! Не попал бы под машину... Это — пока малолеток... А вырастет? Разве мало будет причин для волнений? А может, действительно, к двухтысячному году дышать нечем станет? Я-то жизнь проживу, полвека исполнится. А он? Будут ли у него дети?.. Нет, серьезно...

Будет ли небо? И лес? Сможет ли сын мой вдохнуть полной грудью морозный этот воздух?

Да, строят и производства замкнутого цикла. И очистные сооружения... Девчонки, вы, ей-богу, наивные!.. Рьяно так строят, ретиво. Вон, на соседнем заводе третий год строят очистные... Да-да, конечно, Галка, придумают что-нибудь. Ты права. Но — когда?

А контейнеры с химикатами? Пленка нефти на воде? Хрупкая скорлупа яиц? Плещи лесных вырубок?

Нельзя вернуться в пещеры, закрыть все заводы, сломать машины. И нельзя жить при нашем полупрогрессе, не думая о последствиях.

Я — самая обыкновенная женщина, каких миллионы. Я многого не знаю! Мне хочется просто жить, растить сына, работать... А рядом — изощренный ум, великие знания гениев и коллективов. Всех нас, в совокупности. И меня, и тебя. Общий наш труд, наши знания. Бег с закрытыми глазами — вперед. Добыча нефти возросла в два раза. Вперед! Химкомбинат введен в строй действующих, и над городом взвился еще один «лисий хвост». Вперед! В горах, где рождается нежная плоть рек — ручьи, по-волчьи визжат пилы и режут

трактора, треляя древесину. Вперед! Вперед!

Как же могу я, как можем все мы, обыкновенные люди, повлиять на судьбу планеты? Как?! Если будем просто жить, жить одним днем?

Сказать себе: я внесла пятерку в Фонд мира и могу быть спокойна? Тщательно и красиво скопировать чертежи очистных сооружений? В кругу друзей посетовать на загазованность, на засилье автомобилей?

Что делать нам? Разноязычные и глухие к доводам рассудка, люди доброй и злой воли, как нам найти общий язык?

Нас — трое в этой комнате, и мы не всегда ладим, не очень хотим понять друг друга. Мы сооримся по пустякам, стараемся почувствовать себя умнее, красивей, лучше. И обижаем, и обижаемся. Нас — трое, но мир нас не берет.

Где найти критерий, который бы примирил всех? Где выход?

Если все время думать? Если хоть иногда забывать о себе по имя других? Забывать о глупых мелочах, об уязвленном самолюбии, о минутной переработке? Если не жить одним днем?..

Что? Уже пять? Увлёклась я чертежом. Что только в голову не лезет, когда копируешь! Звонка не было?.. На старт!

Смешит меня, как мы уходим с работы. Стоим у дверей и ждем звонка. Все в управлении стоят у дверей и ждут. Напридумывали себе условностей. Под одну гребенку лодырь и работяга: все уходит со звонком.

Звонит. Пошли. До свидания, девчата.

Скорее на автобус. Мне еще в магазин забежать надо... Семен Алешку заберет. Двенадцатый. Рванули!

Продвигайтесь. Не вам одному уезжать! Ну! Ну, еще маленько!

Ладно, я не гордая, на другой сяду... Идет. Быстро.

Давайте вперед! Не стойте у входа! Еще!..

Влезла... Ох, уж эти часы пик! Почему — «пик»? Надо «непик»: не вздохнешь, не пикнешь...

Семен Алешку заберет. Медвежонка нашего... Ладочки мягкие у него, а на шее уже нет складки. Младенческая припухлость исчезает. Вытягивается мальчишка... Любо детей растить. Отчего же — страх ли, нежелание — еще рожать? Один-два ребенка в семьях — отчего? Нелегко растить ребенка. Квартира, детсад, работа — все проблемы.

Проблемы? В детстве, помню, мне завидовали. Наша семья занимала шикарную, квадратов на восемнадцать, комнату в каменном доме. Такие дома тогда по пальцам можно было сосчитать. Нас было пятеро. Сейчас мы с Семой живем в однокомнатной и говорим: нелепо, каждому бы по комнате... Ну, хорошо, а место в детсаду? До двух лет Алешку с чужой бабушкой держали, пока очередь подошла. Зато и платили по тридцать пять рэ. Не чаяли из нищеты выбраться. Считай, ползарплаты моей уходило. Почему не сама я сидела с сыном? Боялись, что прервется стаж, что денег не будет хватать... Как же моя мама? Всю жизнь не работала, с отцовской зарплатой мараковала? Спокойная, домовитая... А теперь сожалеет: кроме четырех стен, ничего в жизни не видела. Зачем-то лифтершей пошла. Ни в какую не согласилась с внуками водиться...

Что гонит нас, женщин, из дома? В деньгах ли дело? Что дает работа? Какой смысл в этой гонке по кругу: работа — дом — семья — работа? Алешку я вижу утрами-вечерами в будни да в выходные. То и дело я подмечаю в нем что-то чужое, наносное. Да что говорить!.. И хозяйка-то я никудышная... А на работе? Никакой на тебя надежды! В любой момент на больничный сядешь... Так — стоит ли овчинка выделки? Стоит или не стоит, а предложи

мне не работать — откажусь наотрез!.. Ах, как нелогично! По-женски. Нет, ну, правда. Не хотим мы, женщины, одну только извечную функцию выполнять.

Да и как просидеть весь день дома? День-два, месяц, год — одно и то же. А жизнь проносится. Мимо, мимо... Я с детства — в коллективе: в детсаду, в школе... Помню долгие тягучие дни. Алешка сопел и чмокал у груди и засыпал. Все перемою, перетру, постираю, выглажу. День тянется. Сварю обед. Потом с малышом погуляю, книгу прочитаю. День тянется... Когда стемнеет, Семен с работы придет. Я — к нему. Ах, ох, наконец-то, да милый, да хороший! А милый да хороший злой, как тысяча чертей, на кого-то там по работе. Утомленно плюхнется Сема на стул, уткнется в «Советский спорт», вяло жует. И хоть бы слово сказал! Понимаю, он устал, отдохнуть хочет. Но мне-то он — свет в окошке. Сама бы что рассказала, да о чем? Все, как вчера, позавчера.

...О, моя остановка. В «Универсам» забегу. Подарок, а не магазин. И овощи, и молоко, и хлеб, и колбаса, и кастрюли, и куклы — все. Бери — не хочу. Бери, надо.

Как же я унесу?..

Дверь не открою. Что они? Не слышат? Уж ногой колочу, мертвый встанет. У соседки на втором этаже на боковине крючок прибит. Повесит сетки и спокойно дверь откроет. Не мелочь, работа!.. Это не они ли внизу шумят? «Я — тигр»... Рычание. Ну, конечно, Алешка и Сема. Тигры идут.

Эй, тигры, поторопитесь! Мамка сейчас упадет у дверей, бездыханная. Привет, мальчишки! Скорее открывай! Тяжело... Да, ладно, Семочка, ты открывай, я поддержу минутку.

Уф, дома!..

Алешка! Может, ты не будешь по квартире в валенках шлендать? Быстро раздевайся. Есть не дам. Что бы при-

готовить? Да! Я пельмени купила. Воду поставлю.

Иди ко мне, Алеша. Давай раздеваться. У-у-у, медвежонок ленивый! Весь вспотел, нет чтобы самому раздеться. Валенки на батарее поставь. Кому говорю: поставь валенки? Молодец. Как «работал»? Хорошо?.. Что нового в садике?.. На ракете полетишь. Да что ты! И с кем? ..Надо говорить: Дима. Ай, да молодцы! Нас с папкой возьмешь?.. Мы плакать будем... Жалеешь, мой родной. Дай, и я тебя поцелую.

Семен, Алешка — ласковый. Хорошо, правда? А ты почему с работы пришел, а меня не поцеловал?.. Как это — «нам бы только лизаться»? ...Другое дело. Как у тебя? Все по-старому?.. Механик вышел из отпуска?.. Ага, и у меня порядок.

Вода кипит.

Сейчас поедем. Голодный?.. А я есть хочу, как тысяча чертей... сам догадался? А-а-а, по сеткам. Что верно, то верно. Мне, голодной, лучше в магазин не заходить. Беру, хватаю, что нужно и не нужно.

Алеша, ты поешь? Хороший мальчик, никогда от еды не отказывается. Пузырь ты, Алешка, и обжора. Ешь, ешь...

Что сегодня по телевизору?.. Хоккей? Ах, какая жалость!.. Да я бельишко погладить хотела... Как — ну и что? Я бы одним глазом на экран, другим — на уют... Да не бойсь, не окосею, второй год так глажу. А мужчинам, наверно, косоватые глаза нравятся? Ха-ха-ха... Не приглядывался? Загадочный взгляд... У меня будет. Не разлюбишь?..

Алешка, видишь, посуду мою... Книжку? Папу попроси... Причем — хоккей? Ты бы книжку ему почитал. Рано ему в телевизор пялиться, мал. Сема, чай будешь?

Сколько я сахару вчера клала? Пять ложек, кажется. Семь положу. Заметит или нет?

На, мой хороший. Сахару достаточно?

Интересно, когда он заметит? Верно, когда в стакане голимый сахар будет. Не раньше.

Алешка, иди. Книжку выбрал?.. Семен, ты опять при ребенке куришь? А ну, шагом марш в туалет! Опять не слышишь?.. Эту? Три поросенка, розовые, маленькие. Посчитай: один, два, три. Ниф-ниф построил дом из соломы. Волк дунул. Как он дунул? Так...

Сема, перерыв?.. Алеша, тебе папа дочитает. У него перерыв. Я гладить буду. Что ты хнычешь?.. Ты — мальчик? Мальчики не плачут... Ах, ты — Алеша! Все равно, Алеши никогда не хнычут.

Уют горячий, шипит...

Говорят, женщины быстро опускаются. Еще бы! Какая-то толча с утра до вечера. Монотонные, утомительные, усыпляющие движения... Как в прорыву... Вчера мыла пол, сегодня уже незаметно. Пыль легла, хоть вензеля выписывай... Махнуть рукой? Но — ведь надо! В грязном, неглаженном не поймешь. Из ладошки чаю не напьешься...

Сема, по-моему, иногда раздражается. Неспроста же он ворчит: «Уют, уют... Чистота! Сядь, отдохни. Так и помешаться можно на этой чистоте. Нахватали вещей, тряпок»... Он, может, думает, что мне страх как нравится возиться до ломоты в спине? Почему бы ему не догадаться помочь мне? Сделать все вдвоем?.. Я знаю, он порой сердится, что я принимаю в штыки хоккей, футбол, злюсь, когда он задерживается с друзьями... Иногда мы ссоримся. Что виной тому? Предчувствие, что отдаляемся, становимся разными, непонятными, неинтересными друг другу? Или вся беда в том — и это я ясно понимаю, — не успеваю за ним. От усталости или от лени не просмотрела я сегодня газеты? Некогда было? А он — прочел.

Ни одной премьеры спектакля не

пропускала. До замужества... Роза Файн... Мы только-только познакомились с Семей. Никогда не забыть... А как давно это было!..

В прошлом месяце открылась выставка работ художников в картинной галерее. Я подумала: сегодня — некогда. Завтра — забыла. Вспомнила — было поздно. Почему спешу, тороплюсь и опаздываю?

Пересохло белье. Никак не могу прогладить воротничок...

О-о, Алеша, тебе спать пора... Ты — взрослый мальчик. Сам раздеваясь, ложись. Спокойной ночи, малыш.

Получается, вышла замуж и — все? Разве с замужеством кончается жизнь? Как в романах, на свадьбе точка... Когда я впервые отказалась идти в театр?.. Не с кем было оставить Алешку... Да. Но постепенно привыкаешь обходиться без театра, музыки, красок. А время уходит... Тупею... «Не позволяй душе лениться»... Кто так сказал? Кажется, Заболоцкий... Словно бы я жду толчка. Жду, когда Сема позовет...

Давно ли мы встречались с ним? Добрый, покладистый, веселый, он приносил цветы. Он приходил на праздник, оставлял за порогом моего дома огорчения, плохое настроение, неудачи. Казалось, возьмем друг друга за руки и будем идти по жизни к счастью... Если б так-то просто!

Что мы знали друг о друге? О себе? Ребятишки наберут осколков яркой, расписной фарфоровой посуды, играют в дом, делают «секреты», зачарованно любят на них. Так же мы: перебирали намеки чувств, мыслей. Произвольно складывали, додумывали. Вдумку принимали за явь. ...Мне и в голову не приходило, что он, например, способен спать с десяти до десяти, или весь день не спускать глаз с телевизора... Алешка, вот — чертенок! Не спит еще.

В чем дело? Ты почему не спишь?.. Счет? Какой такой счет?.. Ты бы еще

что-нибудь понимал! Завтра с боем вставать будешь... Сема, Алешка интересуется счетом... «Спартак» побеждает, Алеша. Сии!

Еще немного осталось, зато самое хлопотное. Не побно брюки гладить... И этому короледе тоже — хоккей... Видно, для мужчин есть что-то притягательное в хоккее! Пока дойдешь до понимания! Сколько воды утечет! Сколько соли съешь. И сахара... И все же... Хороший у меня муж. Просто здорово, что я встретила именно его! Пятый год живем, а не могу на него спокойно смотреть... Пошел укладывать Алешку. Сказку про Старшинова рассказывает. Любит сына. И меня... Никто другой не стал бы, верно, терпеть мой дурной бестолковый характер... Эти слезы, в запальчивости сказанные злые слова, непонимание и обиды... А ведь многого можно было избежать. Такого, что портит настроение. Жизнь.

Если любишь, если жалешь... Если, если! Ах, если бы молодые знали психологические мотивы поступков! Не ошибались, не ушибались... И думали... думали.

Ты уложил уже?.. Молодец! То ли не гладить больше? Устала... Ну, конечно, ты всегда обеими руками — за... Чай? И налил?.. Тогда, ясное дело, бросаю уютно... Ха-ха-ха, не в тебя, понятно.

Что бы почитать? Устала я сегодня. Возьму что-нибудь легкое, развлекательное... О! Клиффорд Саймак «Почти как люди». Откуда у нас? Ты принес?...

Сема, погаси сигарету. Ты одну за другой смолишь. К двухтысячному году дышать нечем будет, и из-за тебя — тоже...

Интересно... Невозможно оторваться!..

Слушай, Сема, пришельцы хотят купить Землю. Странно, правда? Хм, как это — ничего странного! Как будто Земля — дом...

Последний лист... Проверю перед сном Алешку... Спит мой сын. Мой медвежонок. Был бы здоровеньким!.. Как-то не по себе... Холодно...

Сема, обними? Я замерзла... Хорошо как! Спокойной ночи...

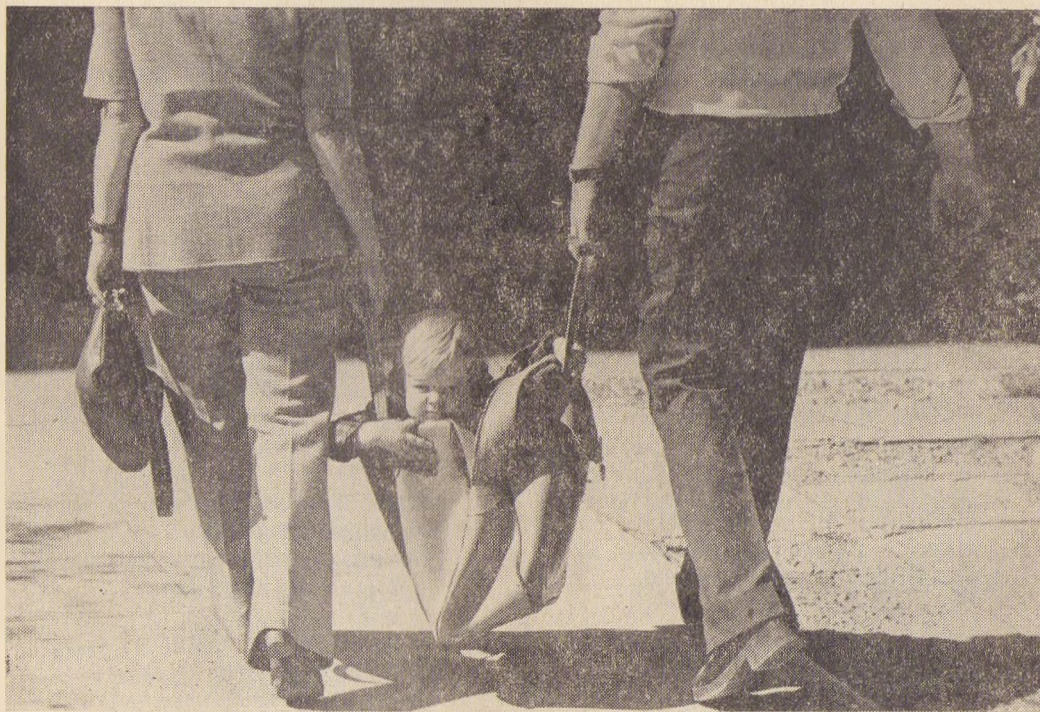
Уютно, тепло... Все хорошо... Хорошо в этом доме, на нашей Земле. Но если бы... еще чуточку лучше... Ведь можно же?.. Верю...

Звонок.

Сколько?.. А-а, пора. Я еще минутку полежу?.. Да-да, ты прав. Надо пораньше... Семочка, ты разогрей пельмени, на тсковородке в холодильнике.

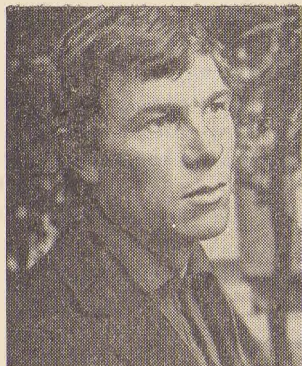
Кто там спит? Это кто спит без задних ног? Хоккей-то будешь смотреть вечером?.. Спит... Что такое! Вечером не уложишь, утром не поднимешь. Кому говорю: вставай!..

Приглашение к улыбке

Я качаюсь на ходу,
Ни за что не упаду.

Владимир Поташов

Дорога через жито
И чибисовый лет.
А вон стоит ракета
И словно слезы льет.

И я на поле этом,
С мокринкою у глаз:
Все пето-перепето,
А будто в первый раз.

И так рыдать хотелось,
Да вот не привелось,
Но плакалось, но пелось,
И родиной звалось.

По небу птичья клинопись,
Земля с теплом рассталася,
Все птицы к югу кинулись,
Немногие остались.

И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.

И холода не пройдены,
И косточки б погреть...
И некуда от Родины
Единственной лететь...

И приветливость во взгляде,
И следы былой красоты,
И подзорник на кровати,
И стенные бьют часы.

Все стучат себе, как будто
Не коснулось время их.
Умиляешься уютом
Тех годов сороковых:

И голубенькие шторы,
И погорбленный комод,
И картина, на которой
Лебедь белая плывет.

На стене портрет солдата —
Отливает чуб смольем.
«Собиралась жить богато
За военным королем.

Молода была, красива.
Не моя, видать, вина —
Собиралась жить счастливо,
Собиралась, да война...

Говорят, мол, жизнь не птица,
А мелькнула, как во сне...»
Нервно дергаются спицы,
Рвется нитка мулине.

А на всем печать покоя:
Стены, старенький комод...
И сквозь все пережитое
Лебедь белая плывет.

Облака проплывали, и я говорил: «Облака...»,
И деревья росли, и туманы по лугу бродили,
И красивые птицы прилетали издалека,
И красивые женщины мимо меня проходили.

И дожди свои вожжи протягивали — владей!..
И пока я беспечно лучшие годы растрчивал,
Кто-то незримый, творец, инженер, чародей,
В мире этом свои рычаги поворачивал.

Я дубы корчевал, я скалы в щебенку дробил,
Я оратаем был, и ваятелем был, и воителем,
Только отчую землю, видимо, странной любовью любил,
Потому как по ней, по родимой, прошел победителем.

И вот снова птицы прилетели издалека,
И чистые, как слезы прозрения,
Облака проплыли, и я сказал: «Облака...»,
И деревья вытянулись, стройные на удивление.

И лето запаливает свои костры, —
Слышишь, играет веселая волынка?
А я ухожу, это я ухожу, смотри,
Улыбающийся и жующий травинку.

Эй, проснись и беги со двора, —
Коробейники прибыли с юга.
Не об этой ли вести с утра
Раскричалась на ветке пичуга?

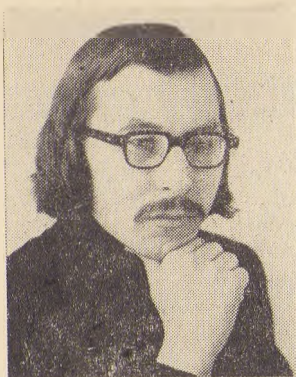
И на кой тебе леший сдалась
Спячка эта, скажи-ка на милость,
Подорожник-трава прорвалась,
Мурава за былье ухватилась!..

Не вчера ль еще дрогла земля,
А сегодня-то как обернулось:

Это чья там проснулась пискля,
Это чья там сикляха проснулась?

Это чья же, от листьев и трав,
Что за плакса в пеленках зеленых,
Не ее ли, над миром подняв,
Понесли, расписав на знаменах,

Чтоб, со звоном ударив о щит,
Возвестить, на круги возвращаясь,
Что за славная плакса пищит,
На зеленых качалках качаясь!

СИРЕНЬ

Еще в глуши небесных скважин
Не намечался новый день,
Но, размахнувшись светом в сажень,
Горела облаком сирень.

Все лепестки, взорвавшись светом,
Пылали в полной тишине.
А то, что называлось летом,
Уже маячило в окне.

Оно звало и трепетало
И, потрясая этажи,
Над демократией металла
Взошла монархия души.

И лепестки летели в тучи,
Во все края всея Земли.
И силы более могучей
Придумать люди не смогли.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЛЕТЧИК

Как стекло в оконной раме
От волненья запоем —
Знать, летает над дворами
Деревянный самолет.

В нем сидит влюбленный летчик,
Молод, весел и красив,
Самолет его стрекочет,
Крылья чуть перекосив.

Он с хорошо приметой
И в окошке лобовом
Видит, как над всей планетой
Солнце машет рукавом.

А внизу сидит невеста,
С понедельника — жена,
Дожидавшаяся честно
Молодого летуна.

Милая! Займись делами!
Покупай семейный торт!
Он разок качнет крылами,
И — пошел в аэропорт.

О ЛЮБВИ

Не вспоминай про пепелища!
И не ходи на них глядеть!
Там только ветер да пылища,
Да листьев сброшенная медь.

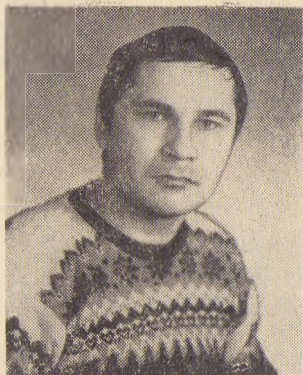
Там только вороны кружатся,
И на шумящий чернобыл
Косые сумерки ложатся
От разнесенных ветром крыл.

А то, что было — отлетело.
И то, что пело — то прошло.
В косматый сумрак завертело.
И в черный космос унесло.

Куда ни глянь — душе отравы!
И говорят же — не гляди!
Пустыня — слева, бездна — справа,
И небо света — впереди.

Не оттого ль, не потому ли
Железной дрожью бьет с листа —
Что мы кого-то обманули,
А совесть вроде бы чиста!..

ПРОКОПЬЕВСК

Игорь Гурьянов

ты прижалась ко мне
и мы вспыхнули звездой
в пространстве и времени

кыш деревья
с дороги

брысь кузничик
травяное колено

цыц в землю
танцплощадка
незабудок

под каким деревом
положить
муравейник мыслей

обрасти мхом
как дождевой
божок гриб

ты я деревья птицы
травя насекомые рыбы
животные это и есть
человечество

любовь
как выход
в космическое пространство

я увидел твое лицо

как будто
постоял
над бездной

только головокружение
осталось

девочка
выходила из моря
как будто из кожи

волна женщиной
выбегала на берег

это утро
с мыслью
что и детство мое
еще впереди

всматриваясь в лица
проходящих мимо
думаю что все мы
искаженья одного лица

☆☆☆
приложил ухо
к земле
и услышал стук
своего сердца

БАБОЧКА

я накрыл в траве
ладонью чей-то
прелестный смех

и девочка заплакала вдали

☆☆☆
смотрю на звезду
вижу
с той звезды
кто-то смотрит
на меня

улыбаемся
друг другу

НОВОКУЗНЕЦК

☆☆☆
день это я снаружи
ночь это я внутри

☆☆☆
вот время тиктак
по улице тамтам,
где ветер мяумяу
и дождик бамбамбам
где ветер гаугау
за дождем бимбом
и месяц ай

где в цветах ах и ох
мерцающих как вздох

навстречу мне
шла девочка ау
и женщина увы
в одном лице

Геннадий Юров

ЛЕСА СПУСКАЮТСЯ В ДОЛИНУ

Увидев высохший родник, пожалей речку, в долине которой находишься. Она в беде. Она обречена, если лишится постоянной поддержки берегов. Само понятие «берег» созвучно глаголу «беречь», в этом словообразовании отразилась не только народная, но и природная мудрость.

Запомнилась одна из публикаций газеты «Правда» о судьбе Иртыша. Он в результате вырубок леса обмелел настолько, что водозаборные сооружения города Омска в меженный период пришлось спешно реконструировать, погружать на большую глубину. Вот после этого и вспомнили каждый исчезнувший приток, каждый иссякший ручеек, начали их восстанавливать с помощью лесопосадок и мелиоративных работ. Итак, жители Прииртышья, наконец, спохватились. Ну, а жители Притомья?

Кузбасские хвойные массивы спасаются от лесорубов в горах, крутые склоны которых недоступны для мощной леспромхозовской техники. Туда нелегко проложить дороги, там дорог каждый добытый кубометр. Предприятия объединения Кемероволес допускали переруб расчетной лесосеки в равнинной части области, вместо того чтобы освоить труднодоступные участки.

Главный лесничий Кемеровской области Анатолий Федорович Нищак, разворачивая передо мной карту лесных угодий, сразу поделился радующей вестью: в 1978 году леспромхозы области впервые не допустили пере-

руба расчетной лесосеки в долине рек, фактически нигде не допустили.

— Значит, пришло время лесам вернуться в долину?

— Да они давно уже начали возвращаться. Благодаря лесопосадкам.

Уже в пятилетнем возрасте, рассказывает Анатолий Федорович, посадки начинают обретать функции леса—появляется подстилка, вырастают травы, гнездятся птицы, задерживается снег, пополняются грунтовые воды. Правда, требуется много усилий, чтобы все саженцы принялись, чтобы они не погибли в первые годы. Очень трудны для лесовосстановления площади, оставшиеся после так называемых условно-сплошных рубок, когда выбирается наиболее качественная древесина, а осина и береза оставляются на корню. Но лесхозы стараются и здесь восстановить хвойные породы.

Ежегодно в области вырубается 38—40 тысяч гектаров. Восстанавливается 44—45 тысяч, то есть на 5—6 тысяч гектаров больше. Это необходимо, чтобы ликвидировать последствия бессистемных лесозаготовок военных и послевоенных лет. Нужно отметить, что разрыв между рубкой и восстановлением леса в Кузбассе ликвидирован давно, чем не могут похвалиться другие области Западной и Восточной Сибири.

Лесовосстановительными работами занимаются, в основном, предприятия лесного хозяйства. Они высаживают сосну, ель, кедр. Улучшается породный состав насаждений, особен-

*Мы в ногу шагаем, иначе — нелзя:
Зверята, ребята — вовеки друзья!*

но — кедра сибирского. Важная деталь: с 1 января 1979 года рубка кедровых лесов в области полностью запрещена. До этого она велась в Кабырзинском леспромхозе. За 1978 год кедровые леса восстановлены на площади 5,5 тысячи гектаров, в дальнейшем годовая цифра возрастет до 9,5 тысячи гектаров.

В области создано несколько крупных базисных лесопитомников, где ежегодно получают 60—80 миллионов сеянцев и саженцев древесно-кустарниковых пород. Создается Яшкинский специализированный питомник, который будет давать посадочный материал кедра сибирского не только Кузбассу, но и соседним областям.

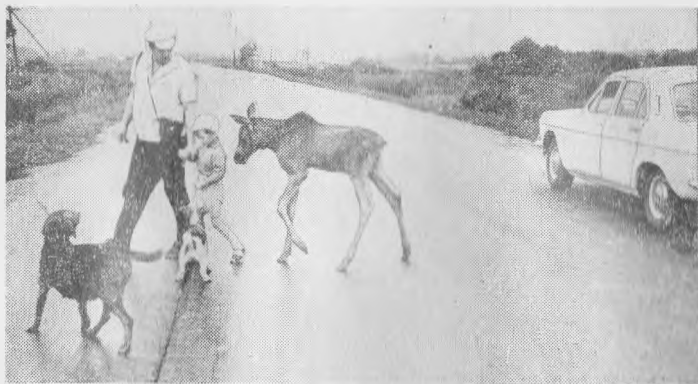
Не подвергаются промышленным разработкам массивы, имеющие научное или историческое значение. Это лесопарки вокруг крупных городов, леса орехопромысловых зон, курортные леса. Такие ценные участки, как яшкинские припоселковые кедровники. Уникальным памятником природы считается Липовый остров в Кузедеевском районе. Здесь выращивается посадочный материал для озеленения городов и сел Кузбасса. Здесь организовано специализированное реликтовое лесничество, которое заботится об охране и благоустройстве своих угодий.

Сейчас в области идет очередной цикл лесоустройства. Выделены запретные полосы шириной 500 метров по берегам рек Золотой Китат, Чебула, Кожух. Увеличена площадь особо ценных лесов — Липового острова и яшкинских кедровников. В Совмине РСФСР решается вопрос о выделении орехопромысловой зоны в Тисульском лесхозе и запретной четырехкилометровой полосы вдоль будущего водохранилища на реке Томи. Предполагается, что площадь лесов первой группы вокруг водохранилища достигнет 100 тысяч гектаров.

Чтобы лучше охранять леса, находящиеся в непосредственной близости от больших городов, главный лесничий области предлагает такую меру, как закрепление лесных массивов за крупными промышленными предприятиями. Предприятия заботились бы о благоустройстве этих массивов, превращая их в места отдыха.

Кузбасские лесоводы создают зеленые зоны вокруг городов, участвуют в рекультивации «промышленных пустынь», возникших в результате горных работ.

В областном центре прошла научно-практическая конференция «Опыт и проблемы рекультивации нарушенных земель на разрезах объединения Кемеровоуголь». В ней приняли участие представители Министерства угольной промышленности СССР, Кемеровского обкома КПСС и облисполкома, научно-исследовательских и проектных институтов Москвы, Новосибирска, Кемерово, специалисты производственных объединений и разрезов, землеустроители, биологи. Лесоводы были на этой конференции имениниками, ибо опыт рекультивации, накопленный в области, связан непосредственно с их трудом.

*Для дружбы надо так немного,
Когда у всех одна дорога.*

Очень важно знать, сколько всего у нас в Кузбассе так называемых техногенных ландшафтов, земель, нарушенных горными и строительными работами. Ученые института Запсибгипрозем провели инвентаризацию таких земель. И вот что у них получилось: общая площадь, которая нуждается в рекультивации, составляет 52,3 тысячи гектаров. Почти 82 процента ее нарушено горными работами, почти половина — непосредственно разрезами. Ежегодно разрезы отчуждают 1000 гектаров сельскохозяйственных и лесных угодий. Этим площадям необходимо дать равноценную замену.

Что мы, собственно, понимаем под рекультивацией земель? Это комплекс горнотехнических, агротехнических, мелиоративных и сельскохозяйственных работ, цель которых создать на отработанных площадях культурные ландшафты с продуктивным почвенно-растительным покровом. Благодаря лесонасаждениям, возникают лесопарки, зоны отдыха, санитарно-защитные зоны. В ходе рекультивации появляются водоемы, готовятся участки для объектов строительства.

Главные этапы рекультивации — горнотехнический и биологический. На первом — делается планировка нарушенной поверхности, отвалы пустой породы покрываются слоем плодородной почвы, проводятся мелиоративные работы. Затем — биологическая рекультивация, которая может носить временный или постоян-

ный характер. Временный — для тех территорий, которые через некоторое время будут повторно нарушены горными, чаще подземными, работами, но которые требуют мер санитарно-профилактических, противоэрозийных. Здесь высаживаются кустарники, деревья, быстрорастущие травы. Постоянная биологическая рекультивация может иметь два направления: сельскохозяйственное и лесное.

К районам преимущественно сельскохозяйственной рекультивации ученые относят нарушенные земли степной зоны возле Ленинска-Кузнецкого и Белава. К районам преимущественно лесной рекультивации — горно-таежные участки возле Мысков и Междуреченска. Санитарно-противоэрозийная рекультивация предпочтительна для площадей, которые разрабатываются возле Новокузнецка, Прокопьевска, Киселевска. В зависимости от конкретных условий виды рекультивации могут совмещаться.

Мне вспоминается берег Томи в Междуреченске. Глыбы отвалов, лишённые какой-либо растительности, производят безотрадное впечатление. И это на виду всего города. Я интересовался, почему бы здесь сразу не начать рекультивационные работы? Почему бы не высадить деревья или кустарники?

— Невыгодно, — объяснили мне горняки. — Дело в том, что берег похож на слоеный пирог, пласты угля перемежаются толщами других пород. Отработав верхний пласт, Томусинский разрез примется за следующий, произойдет вторичное нарушение земель.

— Но ведь это будет не скоро?

— Не скоро.

— Так почему бы не осуществить временную рекультивацию?

Восстановление земель должно стать составной частью технологии. Горнотехнические работы могут выполняться не после добычи угля,

а одновременно с ней. Блочный способ обработки падающих пластов позволяет значительно уменьшить вынос горных пород на поверхность. Оправдывает себя заиливание горных выработок пульпой от гидровскрыши.

Однако главный объект внимания — уже сложившиеся техногенные ландшафты, которые надо вернуть в природный кругооборот. Безусловно, первое слово в этом деле принадлежит науке. Объединение Кемеровоуголь устанавливает связи с многими вузами и научно-исследовательскими институтами страны. Хорошие практические результаты дало сотрудничество Кузбассовцев с институтом почвоведения и агрохимии Сибирского отделения Академии наук СССР. Вот что рассказывает доктор биологических наук Сергей Сергеевич Трофимов об итогах десятилетней работы лаборатории рекультивации, которой он руководит:

— Лаборатория — единственное учреждение, которое занимается проблемой биологической рекультивации для Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Она ведет теоретические исследования, но и выполняет прикладные работы. Пример — сотрудничество с Новокузнецким лесхозом, создание Атамановского стационара.

— Мы считаем, — говорит Сергей Сергеевич, — что рекультивация земель должна войти в перспективные планы ландшафтного строительства индустриальных районов. В результате исследований создается четкое представление о всех видах нарушения земли. Есть прогноз эволюции нарушений по всей Сибири, в том числе и по Кузбассу. Родилась классификация техногенных форм рельефа. Разработаны возможности биологической рекультивации. Горные отвалы, мы считаем, — наиболее благоприятны для восстановления. Больше хлопот с землями, нарушенными предприятиями рудной базы КМК и Запсиба. Но всего труднее вернуть к жизни полигоны, оставленные золотодобытчиками.

Раньше считалось, что 200—300 лет требуется для появления нового гумусного слоя на отвалах. Теперь ясно, что этот процесс может идти намного быстрее. Биологический вакуум, созданный горными работами, окружающая

среда терпеть не хочет. Мы можем, используя стремление среды, заполнить вакуум, образовать гумусный слой до восьми сантиметров за 8—12 лет, создать почвы, пригодные не только для лесных посадок, но и для разведения сельскохозяйственных культур.

Ученый рассказывает об опыте разведения на отвалах Кузбасса многолетних трав даже без предварительного нанесения плодородного слоя. Особенно перспективны для пополнения пахотных земель гидроотвалы. Они потенциально плодородны, на них могут разместиться плантации овощей и картофеля.

Рекультивацией земель разрезы объединения Кемеровоуголь начали заниматься десять лет назад. При объединении была создана служба рекультивации, на предприятиях — участки. Отсутствие специальной техники, разобщенность участков, недостаток опыта и специалистов не позволяли добиться успеха. Назрела необходимость сосредоточить технические и людские ресурсы в одних руках. В результате в 1971 году появилось управление рекультивации — высокомеханизированное предприятие, вооруженное самоходными скреперами, мощными бульдозерами, землеройными, транспортными средствами.

О его росте свидетельствуют такие цифры. Если в 1972 году было освоено 480 тысяч рублей и рекультивировано 20 гектаров, то в 1978 году освоено уже 2,5 миллиона рублей и восстановлено 100 гектаров земель. Кроме того, предприятия и сами восстанавливают отработанные участки. Так, в 1978 году разрезы «Красногорский», имени Вахрушева вернули сельскому и лесному хозяйствам 30 гектаров нарушенных земель.

Кузбасские лесоводы, которые тесно сотрудничают с институтом агрохимии и почвоведения СО АН СССР, заявляют:

— Преобладающей для области должна быть именно лесная рекультивация. Начиная с 1966 года, на шахтных отводах появилось свыше шести тысяч гектаров лесонасаждений. Это безусловно хорошая цифра!

Лесоводы считают, что в условиях индустри-

ального края не надо стремиться к восстановлению именно тех угодий, которые существовали до начала горных работ. Следует учитывать изменения в природе, вызванные преобразованием естественных ландшафтов в техногенные. Вблизи больших городов, вблизи промышленных комплексов, которые не только уродуют площади, но и загрязняют атмосферу, целесообразно выращивать леса.

Именно леса надежно предохраняют нарушенную землю от водной и ветровой эрозии, закрепляют грунт своей мощной корневой системой даже на крутых откосах, способствуют образованию почвенного слоя, накапливают влагу и пополняют ею грунтовые воды, обогащают атмосферу кислородом и фитонцидами, способствуют очищению воздуха от копоти и пыли, поглощают токсичные газы и шумы, благотворно действуют на психику человека.

Мотивы в пользу лесной рекультивации земель усиливаются географическими и экономическими условиями, сложившимися в Кемеровской области. Угледобывающая, химическая, металлургическая промышленность сконцентрирована здесь на небольшой сравнительно территории. Индустриальные центры окружены безлесными пространствами. Не случайно постановление Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейна реки Томи неочищенными сточными водами и воздушного бассейна городов Кемерова и Новокузнецка промышленными выбросами» особо подчеркивает значение защитных лесонасаждений как естественных фильтров для очистки атмосферы, как необходимое условие здоровья и работоспособности трудящихся. Лесные посадки, помимо всего, новые зоны отдыха.

Пригодность обработанных шахтных полей для лесоразведения подтверждена на практике Новокузнецким, Гурьевским, Прокопьевским, Промышленновским лесхозами. Насаждения поднимаются вокруг крупных городов, вокруг шахт «Абашево», «Байдаевская», «Редаково», «Зенковская» и других. Это уже зеленые зоны, ибо сомкнулись кроны деревьев, птицы начали вить гнезда, в траве запрыгали кузнечики, появились грибы, ягоды.

Главный лесничий опытно-показательного Новокузнецкого лесхоза, кандидат сельскохозяйственных наук Леонид Прокофьевич Баранник — один из инициаторов создания зеленого кольца вокруг Новокузнецка, пионер тесного сотрудничества лесхозов с разрезами в деле рекультивации земель. Вот главный итог его многолетних исследований: большинство горных пород искрыши пригодны для выращивания леса без нанесения плодородного слоя.

Баранник разработал агротехнику выращивания лесных культур на отвалах самых различных типов, провел испытание многих древесно-кустарниковых пород для целей рекультивации. Установил, например, что сосна на обработанных землях растет быстрее, она засухоустойчива, декоративна. Что лиственница сибирская вполне пригодна для выращивания на отвальных грунтах. Что для восстановления нарушенных земель могут быть использованы также ель, береза, тополь, клен, акация, смородина, рябина, ива и другие растения.

Наиболее перспективной из кустарниковых пород оказалась облепиха. Ее широкоразветвленная корневая система закрепляет рыхлую породу отвалов. Кроме того, она засухоустойчива. На отвалах Байдаевского разреза облепиха, высаженная однолетними саженцами, принялась полностью, на четвертый год начала плодоносить. Ягоды ее очень ценны, богаты витаминами, из них вырабатывается облепиховое масло с высокими лечебными свойствами. По свидетельству Баранника, за четыре года плодоношения затраты на рекультивацию окупаются.

Экономический эффект работы лесоводов высоко оценил технический директор объединения Владимир Петрович Богатырев. По проекту института Кузбассгипрошахт стоимость одного гектара восстановленных лесопосадками отвалов на разрезе «Байдаевский» составляла две тысячи рублей. Баранник внес существенные коррективы в проект и сократил стоимость одного гектара до 600 рублей.

Ну, а можно ли выразить в рублях эффект природоохранный, социальный, моральный, эстетический от работы наших замечательных лесоводов!

Имея свой корыстный интерес, я все ждал, когда же в выступлениях участников конференции прозвучит оценка влияния рекультивации земель на гидрологический режим, на водоносность наших больших и малых рек. Но, видимо, наука и практика восстановления нарушенных площадей так далеко еще не заглядывают. Пока достигаются ближайшие цели: вернуть землю лесному и сельскому хозяйству, создать культурный ландшафт. Так и не давшему ответа на свой вопрос, уже в конце конференции я задал его представителю СО АН СССР, доктору биологических наук Сергею Сергеевичу Трофимову. Вот его ответ:

— Мы хорошо представляем себе гидрологический режим того опытного участка байдагского отвала, на котором работаем. Оказалось, что внутрипочвенная конденсация образует в отвалах много влаги и она обеспечивает рост почвы. В результате кустарники и другие растения развиваются здесь не хуже, чем на нормальных землях. Локальное улучшение гидрологического режима самого рекультивированного отвала обеспечивается поддержкой окружающей среды. Для Кузбасса это особенно важно. Рекультивация позволит стабилизировать гидрологический режим. Однако активизировать его можно лишь путем восстановления вырубленных лесов на всей водосборной площади рек.

Отрадно отметить, что рекультивация нарушенных земель в Кемеровской области уже имеет свою историю, свой опыт. В Кузбассе разведано около 15 миллиардов тонн угля, пригодного для разработки открытым способом. Значительного отчуждения сельскохозяйственных угодий потребует освоение Ерунаковского и Караканского месторождений. Если сейчас разрезам объединения отведено 40 тысяч гектаров, то к 2000 году по предварительным подсчетам открытым углеразработкам потребуется 90—100 тысяч гектаров земель.

Рекультивация должна расти, а неясностей, нерешенных вопросов в этом новом деле — масса. Прежде всего, что делать с плодородным слоем?

Я беседовал с инженером по рекультивации Николаем Макаровичем Компанийцем, и он объяснил мне суть проблемы подробно:

— Понимаете, по земельному законодательству предприятие должно предварительно снять плодородный слой с площади, подлежащей разработке. Это делается, правда, еще не везде. На складах скопилось более трех миллионов кубометров почвы. Произведены громадные затраты. Нужна отдача. Плодородный слой может наноситься на рекультивированные участки или же на участки малопродуктивных земель. Лесопосадки, а это главное наше направление, плодородного слоя не требуют. Остается одно: малопродуктивные земли. А селяне нам их не дают, нету, говорят. Они просто не готовы к этому, боятся нового дела.

Хранить запасы плодородного слоя трудно. Если они находятся на площадях, подлежащих разработке, их заваливают породами. Пусть нам дадут участки, и мы составим проекты, сами нанесем этот слой, своей техникой. Пусть помогут нам местные советы.

Серьезны претензии горняков к отраслевым проектным институтам Кузбассгипрошахт и Сибгипрошахт. Разве можно считать нормальным, возмущаются они, когда рекультивация в проекте, разработанном институтом для разреза, укладывается на двух-трех страницах? Современный проект добычи полезных ископаемых должен учитывать требования не только сегодняшнего дня, но и завтрашнего. Горняки должны видеть в проекте ясную картину того, какой вид приобретут карьерные поля после их обработки, как будут использованы впоследствии отвалы и выработки, чтобы с минимальными затратами вернуть их для нужд народного хозяйства.

Особое внимание необходимо обратить на проектирование новых угольных разрезов, чтобы не повторить ошибок в деле восстановления отработанных площадей. Кузбассу нужна единая схема рекультивации земель, нарушенных горными работами. Кузбассу необходимо единое управление по рекультивации, которое обеспечило бы потребности всех отраслей горнодобывающей промышленности и строительства.

Итак, леса спускаются в долину. Облагораживается лицо родной земли. Этот процесс в Кузбассе нельзя рассматривать изолированно от тех преобразований, которые сейчас осуществляются восточнее Урала. Природные связи между индустриальными областями Западной Сибири постоянно в центре внимания Комитета по Верхней Оби.

Среди добрых дел Комитета следует особо выделить заботу о рациональном использовании лесных богатств. По его заданию работники управления лесного хозяйства Кемеровского облисполкома собрали и обобщили данные о пятидесяти миллионах гектаров лесов на водосборной площади Оби в пределах Алтая, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей и Красноярского края.

Самые значительные массивы находятся в Алтайских горах и прилегающих к ним районах, по Салаирскому краю, Кузнецкому Алатау, в Томской области. Здесь есть природные, исторически сложившиеся районы, имеющие мировую известность. Это лесоточные боры Алтая, расположенные узкими полосами по ложбинам древнего стока ледниковых вод от Барнаула до границ Казахстана. Это приобские сосновые массивы, формирующие целый ряд притоков великой Сибирской реки. Это кедрачи Алтая и Горной Шории и, конечно же, знаменитый Кузнецовский Липовый остров на Кондоме.

Томская область наиболее богата лесами, на ее долю приходится 56 процентов запасов бассейна верхней Оби. На долю Кузбасса — 12 процентов с преобладанием пихты. Ежегодно в бассейне вырубается 120 тысяч гектаров. Но ведутся и восстановительные работы. В десятой пятилетке уже восстановлено 148 тысяч гектаров. Для улучшения породного состава лесонасаждений предпочтение отдается кедру.

По заданию Комитета исследованы вопросы упорядочения рубок, улучшения технологии и повышения качества лесовосстановления, защиты почв от ветровой эрозии, развития рекультивации земель, нарушенных горными работами, создания семенной базы, организации про-

тивопожарной охраны леса, борьбы с вредителями и многие другие.

Кому адресует Комитет по Верхней Оби эти исследования, какой практической отдачи ждет от них?

Комитет содействует исполкомам Советов народных депутатов Томской, Кемеровской, Новосибирской областей и Алтайского края в разработке и осуществлении конкретных мероприятий по рациональному использованию и воспроизводству лесных ресурсов. Он ставит вопрос о сокращении условно-сплошных рубок в Кемеровской и Томской областях и прекращении переруба расчетных лесосек по всем лесхозам, об организации научно-исследовательских работ по перспективным направлениям лесного хозяйства в бассейне Верхней Оби.

Рекомендации Комитета важны всем управлениям лесного хозяйства региона для качественного ведения лесохозяйственных и лесовосстановительных работ, для улучшения противопожарной профилактики и борьбы с вредителями.

В результате исследования сделан решительный вывод о необходимости полного прекращения вырубок леса в самой верхней части водосборной площади Томи. Хакасско-Минусинское управление лесного хозяйства должно войти с этим предложением в соответствующие органы. Вершина Томи и верхние притоки главной водной артерии Кузбасса нуждаются в быстрейшем восстановлении гидрологического режима.

Чтобы вернуть Томи ее былую чистоту и могущество, мы должны начать с колыбели реки. А потом, километр за километром вниз по течению, исправлять последствия прежнего неразумного хозяйствования, восстанавливать русло и берега, строить и совершенствовать очистные сооружения, создавать замкнутые водооборотные циклы и безотходные производства на индустриальных гигантах... И так до самого устья.

Река хочет жить. Полное и своевременное осуществление правительственных природоохранных мероприятий дает ей надежду.

Вера Пушкарева

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

«Отцовское поле» Олега Павловского — повесть документальная. Герои ее живут и трудятся в деревне с ласковым названием Шуринка. И это во многом определило своеобразие позиции автора повести о Шуринке. Олег Павловский в новой своей работе — и писатель, и журналист одновременно. С дотошностью журналиста восстанавливает он далекое прошлое Шуринки, деревни с «необычайно интересной и сложной судьбой», с упорством исследователя изучает документы, копается в архивах и пристально, с жадным интересом, без которого нет ни писателя, ни журналиста, вглядывается в характеры людей — и тех, кто основал Шуринку и остался жить в памяти потомков, и тех, кто живет в сегодняшней Шуринке, для кого трудная сибирская земля — их жизнь, их бытие и сознание.

Прошлое и настоящее органически слиты в повести, не случайно названа она — «Отцовское поле». Одним из первых поселенцев, распахавших первые десятины неподатливой степной земли, был Данила Петрович Баклыков, отец Василия Даниловича Баклыкова, бессменного председателя колхоза имени Мичурина, Героя Социалистического Труда, человека, судьба которого неотделима от судьбы Шуринки, и дед Александра Васильевича Баклыкова, нынешнего главного инженера колхоза имени Мичурина. Баклыковы — не единственная земледельческая династия в колхозе имени Мичурина; с давних пор живут на шуринской земле Лапыткины, Колбаскины, Боровковы, Камынины, Лукиновы, Моховы, Шеняляковы, Абанины, Воронцовы.

Память о прошлом, живая связь поколений — один из важнейших лейтмотивов «Отцовского поля». Это во многом определило и структуру повести (начата она главами «Поселенцы» и «Память», а закончена размышлениями писателя о будущем Шуринки), и ту

точку зрения, с которой писатель наблюдает открывшуюся перед ним жизнь деревни.

...Возле школы, на высоких пьедесталах, стоят два необычных памятника — первый шуринский трактор и первая же автомашинка-полуторка. Каждый день бегут мимо них ребятишки. И главное, что волнует повествователя, — останутся ли? Задумаются ли? Понимают ли дети, что перед ними — живая история их колхоза, Родины в конце концов?

И мысль автора незаметно и естественно переходит к далекому теперь 1934 году, когда «трактор этот, вот именно этот самый, а не какой другой, чудом уцелевший от мобилизации на мартеновский двор... всколыхнул, подняв на ноги всю Шуринку».

А за судьбой машин встают судьбы людей, судьбы первых трактористов и девушек, освоивших эту трудную и не женскую, в общем-то, профессию, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин...

«Стоит на пьедестале трактор. Прочно. Навечно. Пробегают мимо него в школу ребятишки и знать не знают, ведают не ведают, какую роль сыграл он, этот неказистый «колесник», в судьбах их дедов и отцов, да и в их собственных судьбах...»

И в финале повести, в последней ее главе «Отцовское поле», на фоне ухоженных, заставляющих испытывать «чисто эстетическое наслаждение» полей колхоза имени Мичурина опять возникает фигура первого поселенца: «А я представил себе идущего за плугом мужика по прозвищу Данила, в холщовой домотканой рубахе, просоленной потом, понурую усталую коняку, узкую вспаханную полоску земли и тихий закат над бесконечной, до горизонта, степью».

Без уважения к прошлому, без интереса к нему нет и не может быть подлинного понимания настоящего — автор «Отцовского поля» не

просто осознает это, но остро чувствует. Может быть, эта «идея-чувство» и позволяет писателю так естественно объединить в рамках своей книги такой разнородный и пестрый материал, как «Прошенье» крестьянина Ефима Криво от 10 декабря 1913 года (документ воспроизведен полностью, с соблюдением авторской орфографии и пунктуации) или отрывки из кандидатской диссертации колхозного агронома В. А. Баклыкова — и свои раздумья, то остро публицистические, то лирические; то перед нами бережно, с почти stenографической точностью воссозданные разговоры с сегодняшними хозяевами Шурилки, то картины из далекого прошлого, реконструированные с помощью писательского воображения. И автору верить, что так все и было когда-то: «Колыхались высокие травы под легким, дующим с Салаирского края ветерком, и усталые больше, чем люди, лошади запридали ушам».

Верст через десять от Журавлева Даниила Баклыков увидел одинокий пашань нелегко рендельного березового колка, брошенного поодаль: — Все, Наталья, приехали...

Поднялась Наталья с телеги, поправила черный платок на голове, посмотрела на пашань, покрытый увядшей, выжаренной солнцем травой, села на горячую землю, забил подоткнуть по привычке длинную юбку, и, уткнувшись лицом в ладони, заголосила, покачиваясь из стороны в сторону, как не голосила на могилке Федюшки.

Данила не успокаивал и не ругал, только угромо посмотрел на жену, — баба она баба и есть, пусть вырвется, — и стал выпиргать истомленную лошадь».

Олег Павловский, человек городской, — что он неоднократно подчеркивает, — глубоко вошел в жизнь деревни, стал своим и Шурилке. Писатель этого не афиширует, но это читается между строк. Это видно и по тому, как открываются ему люди, как он умест их увидеть — не только Василия Даниловича Баклыкова, который находится в центре повествования, но и тех, кто появляется в повести лишь однажды, как, например, заведующая колхозной гостиницей Федосья Ильинична Кузцова (когда-то «крепкая боевая дивчина» Феля Воронцова, первая девушка в Шурилке, севшая на трактор в годы войны, или шурильский «Ленин», мастер на все руки Кузьма Федорович Камынин). Это видно и по тому, как пишет Павловский и о хозяйственных, экономических проблемах.

Собственно, и нет их в повести, проблем чисто хозяйственных — они вдруг («вдруг» не только для горожанина Павловского, но порой и для председателя колхоза Баклыкова) оборачиваются нравственной своей стороной, наполняются глубоким общечеловеческим смыс-

лом. Вероятно, поэтому история строительства и пуска нового животноводческого комплекса, где едва ли не в центре — проблема уборки навоза, читается, не побоюсь этого слова, с захватывающим интересом. Новый животноводческий комплекс — это не просто вторжение ИТР в сельское хозяйство. Это и новые отношения в трудовом коллективе, требующие порой ломки старых психологических стереотипов. Новый комплекс — это завод, фабрика по производству молока. И требует он к себе совсем иного, особого, коллективистского отношения. И колхозникам не просто акклиматизироваться — они сами должны создать соответствующий психологический климат. А это приходит не сразу».

Даже людям, желающим работать по-новому, перестройка далась нелегко. А были и такие, что так и не смогли переломить себя. Настоящую психологическую загадку выдает председателю колхоза и писателю скотник, отказавшийся работать на комплексе, хотя на старом скотном дворе условия работы неограничимо тяжелее, чем на новом.

«— Вот скажи, пожалуйста, что человеку надо? Ему же добра желают», — пытается понять председатель. Писатель тоже не может ответить на этот вопрос — по крайней мере, сразу. Но позднее ответ все же найдет: «Человек тот психологически не мог работать в коллективе. Формула «один за всех, все за одного» никак не вязалась с его подходом индивидуалиста. И он решил, что лучше не иметь выходов, мокнуть под дождем или мерзнуть в мороз, переворачивать каждодневно тонны кормов, чем, якобы, работать на кого-то».

Для Василия Даниловича Баклыкова новый комплекс не просто возможность поднять уровень животноводства в колхозе, усилить надой молока, хотя для него, умного и дальновидного хозяйственника (точнее, пожалуй, сказать о нем — хозяина), это чрезвычайно важно. Его радуют цветы в животноводческом комплексе, потому что это «короновый сдвиг в психологии людей». Комплекс он осознает и как новую, важную веху в истории Шурилки — не случайно он собирает, как на праздник, на экскурсию в новый молочный комплекс ветеранов колхоза. И автор повести, наблюдавший эту необычайную экскурсию, признается: «...до этого вот самого момента я не осознавал всей значимости комплекса для шурильцев. А оно, видите, чем оборачивается: «Гляжу и глазами своим не верю...»

История Шурилки — это история ее возрождения, именно возрождения, на этом автор повести настаивает. И начинается эта история «с зимнего февральского дня 1948 года», когда на должность председателя, совершенно

для него неожиданно, колхозники выбирают школьного учителя Василия Даниловича Баклыкова.

О состоянии дел в Шуринке красноречивее живописнейших картин с самыми выразительными художественными деталями говорит документ — акт о передаче дел от одного председателя другому, составленный 12 декабря 1945 года. Олег Павловский в новой своей повести довольно часто дает слово документу и достигает этим нужного эффекта.

«Документ, — пишет П. В. Палиевский, автор весьма интересной работы «Документ в современной литературе», —...деликатен: он видит и не видит, говорит и не говорит, знает все, но обсуждает только то, что мы не в состоянии признать. А что не в состоянии — все равно направляет на нас как недопонятную правду и озадачивает. Более выгодную форму придумать трудно».

Это особое качество документа («знает и не знает, говорит и не говорит») особенно необходимо писателю, когда он подходит к проблемам, на которые, как сказано у Тургенева, «можно только указать и пройти мимо». А такие проблемы неизбежно встают перед автором документального произведения. П. В. Палиевский цитирует в своей работе западногерманского публициста Себастьяна Хаффнера, который писал: «...романист находится в лучшем положении, чем журналист. В отличие от последнего, романист всегда может сказать всю правду, пользуясь хитрым приемом: он говорит о вымышленных персонажах. Журналист, принужденный писать о реально существующих людях, не может говорить всей правды, ибо тогда он не смог бы вообще работать: ему пришлось бы все время выступать в качестве ответчика на процессах за оскорбление личности».

Хотя угроза «выступить в качестве ответчика» перед автором «Отцовского поля», скорее всего, не вставала, но сдержанность и деликатность, которую он проявляет по отношению к центральному своему герою, вещь совершенно необходимая — и отнюдь не из-за боязни последствий.

Вот автор задает своему герою важнейший вопрос: «Скажи, в тот период, когда вы начинали свои поиски, когда только приступили к созданию признанной теперь всеми системы земледелия, часто приходилось конфликтовать с районным и областным начальством?»

Баклыков сразу hastорожился:

— Зачем тебе это!

И хотя автор, который тут является одновременно и персонажем своей повести, объясняет свой вопрос и простым интересом, и чисто писательской заботой — ему не хочется упустить «самую конфликтную ситуацию», которая здесь «была, не могла не быть», — герой отказывается вести разговор на предложенную ему тему. А поскольку даже вымышленные герои ведут себя порой совершенно и автору приходится с этим считаться, О. Павловскому ничего не остается, как оставить предполагаемую конфликтную ситуацию в подтексте повести, хотя у читателя остается впечатление, что автор говорит меньше, чем мог бы сказать. Писатель не может позволить себе шагнуть за тот предел, за который его не хотят пустить, он уважает право человека на суверенность его внутреннего мира, и в этом — особая привлекательность его нравственной позиции.

Можно говорить еще о героях «Отцовского поля», о поднятых в повести жизненно важных проблемах, о секретах успехов В. Д. Баклыкова, которые одновременно очень просты и невероятно сложны. Характер его, человека творческого, ищущего, предельно внимательного к людям и бесконечно влюбленного в землю, раскрыт в повести очень убедительно. Но лучше отослать читателя к первоисточнику.

«Ты многое помогла мне понять, Шуринка. Немалая доля того, что прежде я считал для себя ценным, потеряло свою значимость. И наоборот, многие вещи, мимо которых я проходил, не обращая внимания, обрели в моих глазах свою настоящую цену».

Так автор завершает свою повесть, и слова эти — не пустая декларация. Думается, что и читателю Шуринка — такая, какой она встает со страниц «Отцовского поля», — тоже многое поможет понять.

ПОД ДРУГИМ УГЛОМ

Евгений Красносельский

БЕРИ, Я ЕЩЕ ПРИНЕСУ!

Здесь яркое лето цветами
Взошло на полянах лесных.
Когда над землею светает,
То это светает от них.

Геннадий ЮРОВ, из книги «Берега»

Поэты встают с петухами
И сразу садятся за стих.
И мир расцветает стихами.
Особенный цвет у моих!
Проходят редакторы мимо,
Не ведая, что испокон
Любому изданию мира
Мой новый сонет припасен.
Войду в кабинет со стихами
С утра, секретаршу спугну.
Как дерзкое, яркое пламя,
Редактору стих протяну.
В нем есть и дыханье просторов,
Шум леса и всплески зари!
И вдруг засияет контора:
— Что смотришь, издатель, бери!
Стихи не второго разлива
Тебе представляю на суд.

Так будь же ко мне справедливым,
Бери! Я еще принесу!

КОЛЛЕКТИВНОЕ СМОТРЕНИЕ В НЕБО

И к летнему небу прозрачное лицо поднимал,
словно и оттуда кто-то сюда наклонялся,
нас, крошечных, разглядывал, называл
и именами нашими откликался.

И. КОЛМОГОРОВ. Сб. стихов «На земле светло»

...И мальчик заблудившийся, услышав оклик,
долго смотрит в небо, не понимая: кто же по-
звал?

А. ИБРАГИМОВ. Сб. стихов «Буквы одувачика»

Я к летнему небу прозрачное лицо поднимал,
словно оттуда кто-то ко мне наклонялся
и меня по-всякому называл,
и сам на такие слова откликался.

А я сквозь деревья в небо глядел
и думал с недоумением: кто же?
Но тут вроде лес вокруг поредел.
Гляжу я на небо, а там сам боже.

И так это ласково машет рукой,
зовет, вероятно, к себе на тучку.
А я ни с места, я не такой.
На кой черт мне все эти божьи штучки!

Кусточки, цветочки, листочки, трава,
Бутылёц, стаканёц, огурец в кармане.

Немного, правда, того... голова...
в таком голубом-голубом тумане.

А утром на то же место пришел,
проверил — и надо ж: ни черта, ни бога!..
Но было еще не совсем хорошо:
башка, как котел, и мутило немного.

ТАЙГА

Наши авторы

КИСЕЛЕВ Игорь Михайлович, родился в 1933 году в селе Павловское на Алтае. Окончил Новосибирский педагогический институт. Автор сборников стихов: «Переписки», «Ярославна», «Четыре дождя», «Человек приходит к человеку».

Член Союза писателей. Живет в Кемерове.

КСТАМОНОВ Геннадий Алексимович, родился в 1937 году в г. Сковородино Амурской области. Окончил Кемеровский химико-технологический институт. Печатался в областных и городских газетах.

Живет в Кемерове.

НИМЧЕНКО Гарри Леонтьевич, родился в 1936 году в станице Отрадной Краснодарского края. Окончил Московский государственный университет. Автор романов «Здравствуй, Галочкин!», «Нашка — моя милиция», «Считанные дни» и др.

Член Союза писателей. Живет в Москве.

ПАВЛОВСКИЙ Олег Порфирьевич, родился в 1925 году в Архангельске. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Прозаик, автор многих книг.

Член Союза писателей. Живет в Калининграде.

ЮРОВ Геннадий Ефлаимович, родился в 1937 году в г. Кемерове. Окончил Томский государственный университет. Автор сборников стихов и поэм, и очерковой книги «Труженица Томь». Лауреат премии Союза журналистов СССР.

Член Союза писателей. Живет в Кемерове.

ПУШКАРЕВА Вера Степановна. Окончила Кемеровский педагогический институт. Работает преподавателем в Кемеровском государственном университете кандидат филологических наук.

45 коп.